В этом номере

НА СОКОЛИНОЙ ГОРЕ

Очерки, статьи, заметки о пребывании В. И. Ленина в селе Троице-Лыкове

У. ТЕМИРОВ

УБЕЖДАЕТ ЖИЗНЬ

В. МАСЛИН

ЛЕКЦИЯ — ее роль и значение

В. ЗЫБКОВЕЦ

НАУКА МОЛДАВИИ

108

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Ю. ПЕРОВ

ПАМЯТНИК

Повесть

А. БАТАЛОВ

УРОКИ ТОЛСТОГО

Д. УГРИНОВИЧ

Кризис религии за рубежом

8•1978

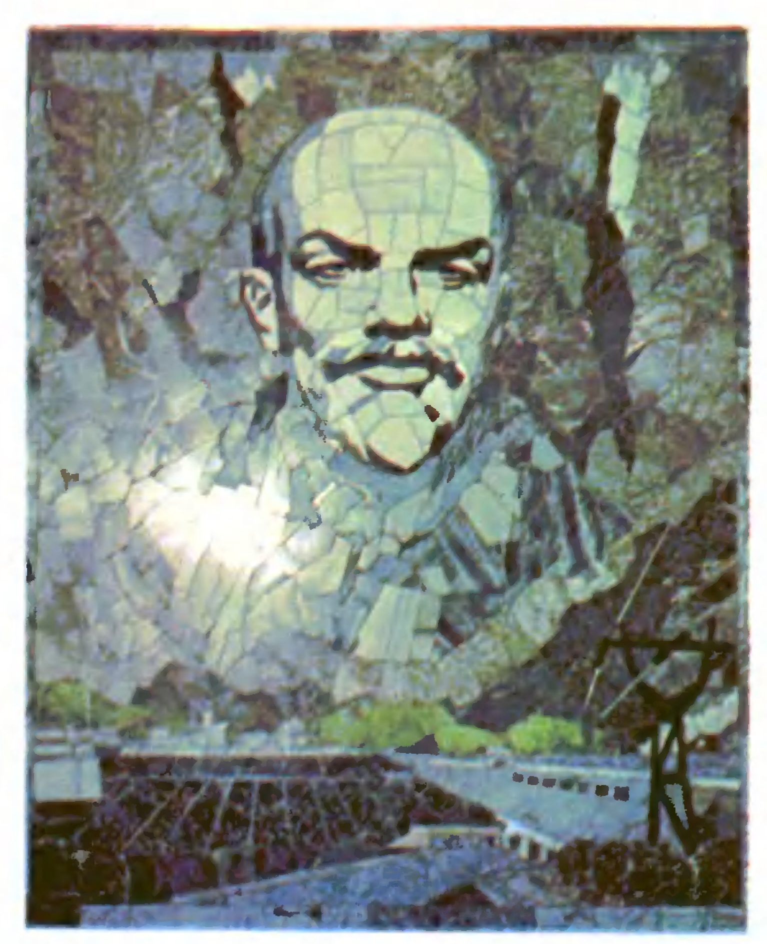

Гобелен «В. И. Ленин». Подарок ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина от Монгольской Народной Республики, 1970 г. Шелк. Аппликация.

Портрет В. И. Ленина из зерен гороха, риса, чечевицы. Автор неизвестен. Не позже 1935 г.

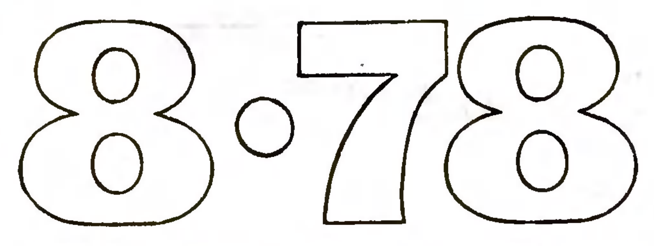

Мозаика «В. И. Ленин» — подарок Центральному музею В. И. Ленина от таджикского народа. 1970 г. Естественные цветные камни.

Вышивка «В. И. Ленин». Подарок ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина от ЦК Партии Трудящихся Вьетнама. 1970 г.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Год издания девятнадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Из ленинского идейного наследия

Практика: опыт, проблемы

Горизонты науки

Духовный мир человека

Социалистическая демократия в действии

Читатель сообщает, советует, спрашивает

Религия, церковь, верующий

Литература, искусство

У наших друзей

За рубежом

Наше обозрение

НА НАШИХ ОБЛОЖКАХ

В Центральном музее Владимира Ильича Ленина — крупнейшей в мире экспозиции, отражающей жизнь и деятельность вождя социалистической революции, — есть несколько залов, экспонаты которых — подарки В. И. Ленину и Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. На второй странице нашей обложки и на 19 странице представлены фотографии некоторых из этих реликвий.

Удивительно поэтичен и красочен нанайский фольклор, лучшие его произведения собраны и обработаны Д. Нагишкиным и представлены в книге «Амурские сказки». На третьей странице обложки — иллюстрации художника Г. Павлишина. Они помогают лучше понять, осмыслить культуру малых народов, населяющих Дальний Восток (см. в номере очерк А. Чадаевой «Секрет долголетия»).

Из ленинского идейного наследия

на соколиной горе

- «Мы переживаем самую тяжелую весну»
- «Чтобы пробудить людей от религиозного сна»
- На столе Ильича—антирелигиозная книга
- Дни минувшие, дни нынешние

Дом, в котором Ленин написал в 1922 году статью «О значении воинствующего материализма».

Рассказывая о тех недолгих днях, когда в его доме на острове Капри гостил Владимир Ильич Ленин, Максим Горький воспроизвел примечательную ленинскую реплику:

«А вечером, слушая рассказы о России, о деревне, завистливо вздыхал:

— А мало я знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и — почти все!»

Да, суровая судьба профессионального революционера, с юношеских лет целиком посвятившего себя борьбе за освобождение рабочего класса, за победу социалистической революции в России, не оставляла возможности увидеть больше, побывать во многих местах родной страны... Ссылки... Долгие годы жизни за границей, в эмиграции... Потом — революционный Петроград и, наконец, шесть лет московской жизни — годы напряженнейшей работы, годы предельно трудной борьбы...

Многого не успел увидеть он, во многих краях и городах не довелось ему побывать... Но там, где он жил и работал, там, где бывал, куда приезжал хотя бы на несколько часов, — память о нем навечно хранят музеи, памятники, мемориальные доски. В нашей стране — несколько сот памятных ленинских мест. Особенно много их в Ленинграде и его окрестностях — более 240, в Москве и Подмосковье — свыше 160.

Мы хотим рассказать об одном из них — о старинном подмосковном селе Троице-Лыкове, вошедшем ныне в черту города... Здесь, в просторном доме, принадлежавшем до революции богатой купчихе Корзинкиной, Ленин прожил 20 мартовских дней 1922 года.

Эти 20 дней были наполнены столь характерной для Ильича напряженной рабо-

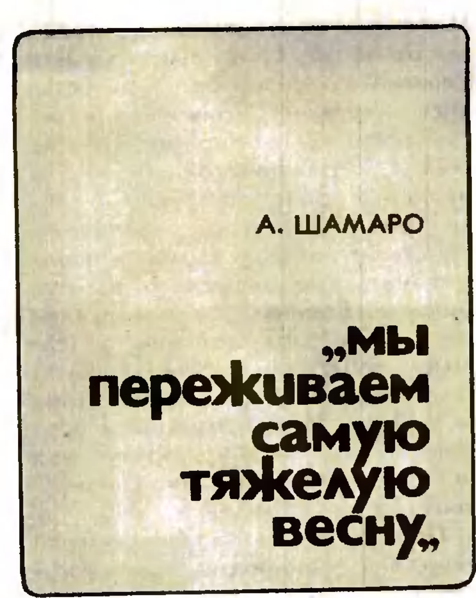
той... Едва успев устроиться на новом месте, он послал короткую записку в Центральный Комитет партии:

«Если я буду Вам нужен, очень прошу, не стесняясь, вызвать. Есть телефон (знают и телефонистки коммутатора III этажа и Фотиева); можно послать бумаги через Фотиеву. *Могу вполне и приехать:* я езжу охотно, это менее часа».

В течение всех этих мартовских дней Ленин был в курсе всех важнейших вопросов и внутренней и внешней политики, руководил подготовкой к XI съезду партии, работал над политическим отчетом съезду. В этом доме он написал свыше 50 писем, записок, телефонограмм.

Но главное, с чем всегда будет связано в нашей памяти это небольшое подмосковное село, — написанная здесь статья «О значении воинствующего материализма» — философское завещание Ленина, один из важнейших теоретических трудов, лежащих в основе нашей атеистической пропаганды. Здесь Владимир Ильич знакомился с тогдашними атеистическими изданиями, размышлял над практикой антирелигиозной работы тех дней.

В этом номере журнала публикуется подборка статей о тех далеких весенних днях 1922 года, о непреходящем значении и актуальности статьи Ленина «О значении воинствующего материализма» для пропаганды научного материализма и атеизма, о самом селе, расположенном на высоком москворецком берегу, носящем поэтичное название — Соколиная гора.

В понедельник 6 марта 1922 года Владимир Ильич Ленин выехал из Москвы в небольшое подмосковное село Троице-Лыково. Врачи настоятельно советовали хотя бы недолго пожить в деревенской тиши, подышать живительным воздухом вековых лесов, — и для короткого отдыха была выбрана усадьба Корзинкино. Надежда Константиновна позднее писала о причинах срочного переезда в эту усадьбу: чекисты напали на след белогвардейской организации, замыслившей покушение на Владимира Ильича в Горках, и поэтому пребывание его там стало небезопасным[1].

Ленин выехал в Троице-Лыково, по всей вероятности, не ранее полудня: в первой половине дня он выступил с большой речью на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов, который уже четвертый день заседал в Доме Союзов... Около 50 раз звучал ленинский голос с трибуны в стенах старинного белоколонного дворца в самом центре Москвы. В этот день голос Ильича прозвучал здесь в последний раз.

Речь Ленина посвящена была международному и внутреннему положению Советской республики. Положение первого в мире социалистического государства было в те ранневесенние дни чрезвычайно тяжелым, сложным, опасным. Минуло уже 16 месяцев с тех пор, как на Перекопе замолкла канонада последнего крупного сражения гражданской войны. Но и по сей день еще не над всеми просторами нашей страны развевалось красное знамя рабоче-крестьянской республики. В далеком Приморье еще хозяйничали японские интервенты и белогвардейские марионетки. Всего лишь месяц назад, в середине февраля, части Народно-революционной армии Дальневосточной республики[2] под командованием Василия Блюхера штурмом взяли Волочаевку — «Дальневосточный Перекоп» и освободили Хабаровск... Впереди были «штурмовые ночи Спасска» и освобождение Владивостока.

В горах и степях Туркестана, огромного края, который называется теперь Советской Средней Азией, рыскали многочисленные басмаческие банды, сжигая аулы, зверски убивая сторонников новой жизни... Через три месяца, в июне двадцать второго, специальные части Красной Армии начнут решительное наступление против этих «воинов пророка», разбойничавших под зеленым знаменем ислама, чтобы в ожесточенной, кровопролитной, неимоверно трудной борьбе к концу следующего, двадцать третьего года очистить Туркестан от этой страшной язвы.

А далеко на западе, за границами Советской России, в итальянском городе Генуе готовилась другая битва — без ружейного огня и артиллерийской канонады. Потерпев сокрушительное поражение в попытках свергнуть Советскую власть силой, капиталистический мир решил дать бой за столами дипломатических переговоров и заставить отступить Советскую республику, истерзанную и истощенную войнами, принудить ее признать все долги царизма и Временного правительства, вернуть иностранным капиталистам национализированные заводы, шахты, нефтепромыслы или уж, на худой конец, возместить их стоимость.

В эти мартовские дни и в Центральном Комитете партии, и в народных комиссариатах шла напряженная работа: советская делегация готовилась к участию в

---

[1] См.: Н. К. Крупская. О Ленине. М., 1971, стр. 55.

[2] Дальневосточная республика (ДВР) — «буферное государство» во главе с большевиками, созданное в апреле 1920 года по предложению Ленина на территории Забайкалья и Приамурья с целью предотвратить отторжение этих районов от Советской России и избежать непосильной в то время войны с империалистической Японией. В ноябре 1922 года ДВР вошла в состав РСФСР.

Генуэзской конференции, и Владимир Ильич отдавал этой подготовке много времени и сил.

Интервенты и белогвардейцы на Дальнем Востоке... Басмачи в Туркестане... Чудовищная хозяйственная разруха и — как следствие ее — вконец обесцененный рубль... Над заголовками тогдашних центральных газет можно было прочесть такие объявления: «Цена отдельного номера в Москве 10 000 руб.».

Но главная опасность, главная беда была даже не в этом...

«Мы знаем, какие трудности стоят перед нами, — говорил Владимир Ильич в тот день рабочим-металлистам, собравшимся на свой съезд в Доме Союзов. — Мы знаем, что́ такое голод в крестьянской стране, как Россия. Мы знаем, что поправить бедствия, вызванные голодом, нам еще не удалось... Мы знаем эти трудности, мы знаем, что они громадны. Я не боюсь сказать, что они необъятны. Нас это нисколько не пугает...

Опасностями мы окружены и военными, о которых я говорил достаточно, и еще бо́льшими опасностями мы окружены внутри, где существуют опасности экономические, состоящие в страшном разорении крестьянства, состоящие в голоде, состоящие в финансовом неустройстве. Они чрезвычайно велики. От нас требуется громадное напряжение сил»[3].

Голод... Голод... Вот — главная опасность, нависшая в те дни над Советской республикой. Угроза для жизни сотен тысяч людей, в первую очередь — крестьян Поволжья. Угроза самому существованию Советского государства.

Год 1918... Год 1919... Год 1920... Каждый из них отмечен в истории походами белогвардейцев и иностранных интервентов на Республику Советов и сокрушительным отражением их героической Красной Армией... Восстание чехословацкого корпуса... Колчак... Деникин... Юденич... Врангель... Белополяки... А 1921 год принес новое бедствие: «в поход» на Советскую Россию двинулись стихии природы. Страна была поражена жесточайшей засухой.

Три с половиной года бушевал огонь первой мировой войны. Миллионы крестьян были оторваны от полей, сотни тысяч из них сложили головы в боях или остались калеками. Огонь империалистической войны перерос в огонь войны гражданской, ожесточенной и кровопролитной. И снова три-четыре года миллионы крестьян, вместе с миллионами рабочих, не выпускали из рук оружие. Военные смерчи гуляли по самым плодородным, по самым хлебородным землям — по Поволжью и Украине, по Дону и Кубани. И вот, наконец, пришла мирная жизнь. Но тут над исстрадавшейся страной понеслись свирепые суховеи.

Последствия этой засухи были поистине чудовищны. Она погубила почти четвертую часть всех посевов на территории России — около 11 миллионов десятин (десятина — 1,09 гектара). 8 марта 1922 года газета «Беднота» сообщала, что в 17 губерниях, областях и автономных республиках голодают около 14 миллионов человек, сделав при этом оговорку: «Сведения далеко не полные».

Даже без такой засухи, даже без такого неурожая продовольственное положение Советской республики было бы крайне тяжелым. Засуха 1921 года сделала его катастрофическим. «Мы переживаем теперь самую тяжелую весну...»[4] — так охарактеризовал тогдашнюю обстановку Ленин.

Получая сами крайне скудный паек, десятки миллионов пришли на помощь миллионам, попавшим в беду, делясь с ними последним. «10 сытых кормят одного голодного» — лозунг этот был выдвинут тогда Центральным Комитетом большевистской партии.

24 марта 1922 года «Правда» поместила примечательную заметку:

Гражд. Мирошников

Царицын, 21 марта. Гражданин хутора Фролова, Усть-Медведицкого округа, Мирошников отдает голодным 2/3 своего состояния. Он ежедневно кормит 25 голодных.

Рабочие и служащие ежемесячно отдавали на помощь голодающим десятую часть своего пайка и заработной платы. Школьники присылали свои копилки. Около миллиона детей вывезено было из пострадавших от засухи районов — они нашли приют в семьях рабочих, служащих, крестьян. Губернские, городские и уездные партийные комитеты принимали решения о сдаче всеми коммунистами личных ценностей, вплоть до обручальных колец, в фонд помощи голодающим.

Но всего этого было мало, слишком мало!.. Выйти из такого бедствия только за счет внутренних продовольственных резервов республика не могла. Необходимо было без промедления закупить за границей несколько миллионов пудов зерна, заплатив за него золотом, серебром, драгоценными камнями. Иных расчетов капиталисты тогда не признавали.

Но где взять это золото, эти ценности?

Ответ напрашивался сам собой: церкви и монастыри за многие столетия нажили за счет миллионов верующих людей несметные богатства. И вот пусть теперь то, что было взято церковью у дедов и прадедов, будет отдано для спасения внуков и правнуков. Разве могут быть сомнения в справедливости такого решения?..

И оно было принято. 23 февраля 1922 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет обнародовал декрет об изъятии церковных ценностей для нужд борьбы с голодом.

По сути дела, декрет лишь узаконил кампанию за изъятие церковных ценностей. Движение началось стихийно за несколько недель до этого. Первыми здесь, наверное, стали крестьяне приазовского села Давыдовки, под Мелитополем. Еще в январе 1922 года они постановили передать в помощь голодающим все без исключения ценные вещи из сельской церкви. Примеру их последовали верующие во многих других уездах и губерниях, и не только православные, но и католики, лютеране, мусульмане...

Но ничего не хотели понимать, ничего не хотели слышать в руководящем ядре русской православной церкви. Патриарх Тихон, почти все архиереи и монахи, большинство приходского духовенства встретили декрет ВЦИК

---

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 11—12.
[4] Там же, стр 59.

открытой враждебностью. И уже через несколько дней патриархия разослала по епархиям воззвание «святейшего» с призывом: «Не давать!» — и угрозами «извержения из сана» (для священников) и «отлучения от церкви» (для рядовых верующих) в случае неповиновения.

«Мы не можем одобрить изъятие из храмов, — гласило это печально-знаменитое воззвание, — хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами вселенской церкви и карается ею как святотатство...»

«Приближалась весна, набухали почки, мы с Ильичем ходили далеко в лес по насту,— вспоминала Н. К. Крупская.— Снег размяк, но сверху искрился ледяной коркой, можно было идти, не проваливаясь...» Ровно 56 лет спустя, в те же мартовские дни наш фотокорреспондент снял аллеи бывшего приусадебного парка, по которым когда-то, в далеком двадцать втором году, совершали прогулки Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Выдержку эту воспроизвели на своих страницах «Известия» 10 марта 1922 года. Как сообщила редакция, патриаршее воззвание принесено было неизвестным верующим человеком, до глубины души возмущенным позицией церкви.

Так Тихон и его ближайшее окружение еще раз бросили открытый вызов Советской власти, еще раз ввергли церковь в безнадежную, но крайне опасную и тяжелую по последствиям авантюру, спровоцировав «патриаршим словом» около полутора тысяч столкновений и иных эксцессов во время изъятия церковных ценностей. Большая часть этих событий пришлась на март 1922 года — на те дни, когда Владимир Ильич жил и работал в Троице-Лыкове.

Из фактов, найденных в брошюрах и журналах того времени, из сообщений в центральных газетах — в «Правде», «Известиях», «Бедноте», которые, несомненно, Ленин внимательно читал и на отдыхе, мы постарались воссоздать хронику этих событий, точнее хронику одного мартовского дня — 12 марта 1922 года, когда Ленин завершил работу над статьей «О значении воинствующего материализма».

В этот день в 13 часов 35 минут Владимир Ильич продиктовал по телефону в ЦК партии срочное поручение:

«Немедленно пошлите от имени Цека шифрованную телеграмму всем губкомам о том, чтобы делегаты на партийный съезд привезли с собой возможно более подробные данные и материалы об имеющихся в церквах и монастырях ценностях и о ходе работ по изъятию их»[5].

Москва... В церкви Ивана Воина благочинный — протоиерей Надеждин созвал совещание подчиненных ему батюшек. Обсуждали распоряжение московского архиепископа Никандра, полученное всеми благочинными Москвы неделю назад, 6 марта. Директива архиепископа была такова: ценности не отдавать, пассивно сопротивляться, создавая у верующих представление, что церковь грабят. Собрание священнослужителей в храме Ивана Воина приняло провокационную резолюцию: «Добровольно ценностей не отдавать, в комиссию по изъятию своих представителей не выбирать; в случае прибытия представителей Советской власти для изъятия, явиться всем не занятым членам общины для отстаивания церковного имущества...»

Последствия подобных резолюций и призывов не заставили себя долго ждать. В день изъятия ценностей в церкви Василия Кесарийского были ранены камнями два красноармейца. Затем «не занятые члены общины» набросились на какую-то женщину, вышедшую из храма, и избили ее, приняв за члена комиссии... Возле церкви Богоявления в Дорогомилове христолюбивые бандиты пустили в ход огнестрельное оружие; к счастью, пули никого не задели. Восемь красноармейцев, тяжело раненных камнями, пришлось отвезти в больницу.

12 марта, Петроград... Саботаж духовенства открыто возглавил сам митрополит Вениамин. Петроградский губисполком получил от его высокопреосвященства в ультимативном тоне составленное письмо с пространным списком заведомо неприемлемых для Советской власти требований и оговорок. В случае отклонения их митрополит и его «штаб» угрожали обратиться к верующим с воззванием, осуждающим изъятие ценностей как акт «кощунственно-святотатственный».

И здесь, как и в Москве, семена провокаций не замедлили прорасти. Три дня спустя у Казанского собора толпа в несколько сот человек пыталась помешать работе комиссии по изъятию ценностей. Еще через день тысячная толпа окружила церковь Спаса на Сенной. «На защиту святынь» сбежались главным образом торговцы Сенного рынка и хулиганье. Несколько человек, пы-

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 54, стр. 206.

тавшихся образумить и усовестить их, были избиты.

12 марта, Смоленск... В кафедральном соборе — совещание «соборного братства». С докладом выступил один из верховодов «братства», инженер по профессии. Декрет ВЦИК он отвергал целиком, от первого слова до последнего: «Ничего не отдавать!.. Использование для помощи голодающим священных сосудов, риз с икон и тому подобного — противно законам церкви и оскорбительно для совести верующих. Даже прикосновение к священным предметам — недопустимо. Будем требовать от правительства немедленной отмены этого постановления!»

И уже на следующий день «соборное братство» перешло от слов к делу — комиссию по изъятию ценностей в собор не пропустили. В ночь на 14 марта в соборе установили дежурство. Двери накрепко заперли изнутри. Воззвание местного епископа Филиппа было размножено на машинке и расклеено на дверях смоленских церквей. Владыка призывал паству не отдавать священных предметов, с которыми «никогда не согласится расстаться душа ваша». И благочестивые души чутко отозвались на архипастырское слово. 28 марта у входа в собор члены комиссии и сопровождавшие их курсанты были встречены площадной бранью, камнями. Несколько человек были ранены, двое из них — тяжело.

12 марта, Шуя... Трагические события в этом уездном городке Иваново-Вознесенской губернии подробно описала «Беднота». Как и в Смоленске, в шуйском соборе шумно митинговала околоцерковная публика, наиболее озлобленная, наиболее враждебная по отношению к Советской власти — в подавляющей массе всякого рода «бывшие». Священники предпочли действовать из-за кулис. И здесь иных мнений, иных предложений, кроме: «Не отдавать!» — не было. На следующий день этой публике удалось сорвать работу комиссии. Члены комиссии решили отложить изъятие ценностей до среды, в надежде, что страсти поостынут. Но надежде этой, к сожалению, не суждено было сбыться.

В среду, 15 марта, целых полтора часа трезвонил набат, переполошив весь городок. «Защитники святынь» собрали на площади перед Воскресенским собором большую толпу. Уездный исполком вынужден был вызвать полуроту красноармейцев. Под градом проклятий и угроз, камней и поленьев они проявили огромную выдержку, стараясь во что бы то ни стало избежать кровопролития. Четверо из них были вырваны из цепи, обезоружены и жестоко избиты. По красноармейцам стали стрелять из револьверов. Шуйские события унесли четыре жизни.

Такова суровая хроника тех далеких мартовских дней, когда Ленин жил и работал в Троице-Лыкове. Владимир Ильич внимательно следил за тем, как проходило изъятие церковных ценностей. 19 марта в письме членам Политбюро ЦК РКП(б) он писал о необходимости решительно подавить сопротивление духовенства проведению в жизнь декрета ВЦИК [6].

Хронику эту, конечно, можно было бы значительно расширить, но и того, о чем сказано, достаточно, чтобы представить всю ожесточенность церковного саботажа, спекулировавшего на религиозных настроениях и предрассудках, и понять всю актуальность массовой, доходчивой, умелой, убедительной антирелигиозной пропаганды.

12 марта, в тот день, когда Владимир Ильич закончил работу над статьей «О значении воинствующего материализма», «Правда» напечатала короткое письмо московского рабочего Н. Громова:

«Считаю преступлением такие поповские выходки — агитировать несознательные массы в то время, как на Поволжье и дальше люди пухнут от голоду...

Рабочие, красноармейцы и все сознательные и честные товарищи, на это надо ответить твердым словом и неуклонной борьбой с темной кликой и надо открыть глаза несознательным массам, которых клика хочет сделать своим слепым орудием».

Великую благородную задачу — открыть глаза миллионам трудящихся, еще находившихся во власти религиозных предрассудков, и тем самым вырвать у реакционного духовенства какую бы то ни было возможность обращаться с верующими людьми как со слепым орудием в борьбе против революции, против Советской власти — поставил Владимир Ильич в знаменитой статье «О значении воинствующего материализма», написанной здесь, в усадебном доме над Москвой-рекой.

Сам он, несмотря на тяжелую болезнь, невзирая на роковой недуг, который менее чем через два года оборвет его жизнь, — являл собою, каждым днем, прожитым в этой усадьбе, вдохновляющий образец исторического оптимизма, мужества и боевого духа, пламенной веры в грядущие дни.

В эти дни Владимир Ильич прочитал книгу И. И. Скворцова-Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» и дал этой работе самую высокую оценку. Словами из предисловия к книге, написанного 18 марта здесь, в Троице-Лыкове, — мужественными и яркими словами, которые воспринимаешь ныне как полностью сбывшееся предвидение, закончу я эти заметки:

«Мы — нищие люди и некультурные люди. Не беда. Было бы сознание того, что надо учиться. Была бы охота учиться...

А это все у нас есть. И поэтому учиться мы будем и научимся»[7].

---

[6] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 666—667.
[7] Там же, стр. 52.

А. СЕМЕНОВ

„Чтобы пробудить людей от религиозного сна„

«Статья «О значении воинствующего материализма» обдумывалась Ильичем, когда он жил в Корзинкине, ранней весной 1922 года... Я тоже на недельку приехала к Ильичу. На прогулках мы много разговаривали с Ильичем на антирелигиозные темы»,— вспоминала Н. К. Крупская.

Находясь в марте 1922 года в Троице-Лыкове, В. И. Ленин написал статью «О значении воинствующего материализма». Занимающая всего 11 страниц в 45-м томе Полного собрания сочинений, она содержит такие важные теоретические и методологические положения по вопросам марксистской теории, организации идеологической работы, атеистической пропаганды, что ее с полным основанием называют в марксистской литературе и философским и атеистическим завещанием вождя. Вот неполный их перечень: о единстве воинствующего материализма и воинствующего атеизма, о союзе коммунистов с некоммунистами, о необходимости использования самого разнообразного материала в атеистической пропаганде и подходе к верующим с разных сторон, об умении заинтересовать их сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религии, об участии государственных учреждений в атеистической работе, о необходимости тесного союза философии и естествознания, о солидной материалистической традиции в России, о необходимости разрабатывать диалектику и овладевать ею, о непримиримой борьбе против буржуазной идеологии, о зависимости образованных людей в капиталистических странах от господствующей буржуазии, о поддержке буржуазией всяческих форм религии и другие. Все эти положения имеют большое значение для теории и практики атеизма на современном этапе. Затронем лишь некоторые из них.

Прежде всего нам представляется важным обратить внимание на характер постановки Лениным пропаганды воинствующего материализма и воинствующего атеизма. Он не только связывает теснейшим образом эти две задачи, но рассматривает их как две неразрывные стороны единого процесса формирования научного мировоззрения у широких народных масс, утверждения в их сознании коммунистической идеологии. Ленин пишет, что журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть и органом воинствующего атеизма, вести неутомимую атеистическую пропаганду.

Единство материализма и атеизма в практической сфере, в пропаганде обусловлено единством в их сущности: философия диалектического и исторического материализма включает в себя атеизм как необходимый и существенный элемент и поэтому атеистична по своему характеру, противостоит религии как превратному, иллюзорному миропониманию. В свою очерёдь атеизм основывается на прочном теоретическом, философском фундаменте диалектического и исторического материализма.

Соединяя задачи пропаганды воинствующего материализма и воинствующего атеизма, Ленин придает большое значение в их решении союзу философии и атеизма с естествознанием. Такой союз необходим и полезен как философам и атеистам, так и естествоиспытателям. С теоретической точки зрения он важен потому, что обеспечивает, с одной стороны, использование достижений естествознания в развитии теории диалектического материализма и научного атеизма, в обосновании ее коренных принципов и положений, с другой — дает возможность при изучении различных природных явлений и обобщении полученных результатов опираться на философию диалектического материализма как на теоретическую и методологическую основу.

Однако тесный союз философии и атеизма с естествознанием имеет и большое практическое значение. Такой союз, во-первых, позволяет активно формировать научное материалистическое миропонимание и атеистические убеждения у трудящихся, не только широко пропагандировать фундаментальные положения и новейшие достижения основных отраслей естественных наук, показывать их народнохозяйственное значение, но и раскрывать их мировоззренческий, атеистический смысл, давать им философское осмысление, показывать, как они подтверждают материалистическое миропонимание, что дают нового для такого подтверждения, как в них отражается диалектика процесса познания, безграничные возможности человеческого разума проникать в сокровенные тайны окружающего нас мира, познавать все более глубо-

ко закономерности его развития и ставить их на службу практики.

Во-вторых, такой союз дает возможность эффективно вести борьбу против реакционных философских школ и школок, направлений и направленьиц, которые возникают в буржуазной философии в связи с крупной ломкой естествознания.

Ленин пишет: «...Следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей — это задача, без решения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом». И далее: «...Мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом».

Исходя из этого, Ленин ставит задачу защиты материализма и неуклонного разоблачения всех «дипломированных лакеев поповщины» независимо от того, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, раскрывать связь между классовыми интересами и классовой позицией буржуазии, поддержкой ею всяческих форм религии и идейным содержанием модных философских направлений. Ленин призывает также последовательно разоблачать с марксистских позиций тех деятелей из прогрессивной части буржуазии, с кем осуществляется в известной мере союз в борьбе с господствующими религиозными мракобесами, но кто впадает в реакционность, «высказывается за религию, только подновленную, подчищенную, ухищренную», открыто помогает «эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками».

В современных условиях «дипломированных лакеев поповщины» и тех, кто подновляет, подчищает религию, не убавилось, если не прибавилось по сравнению с периодом, когда писал свою статью Ленин. В наш век научно-технической революции, бурного развития всего комплекса естественных наук, опровергающих религиозное учение о мироздании, раскрывающих несостоятельность основных религиозных догм теологии, дипломированные прислужники религии пытаются разрешить противоречие между наукой и религией в пользу последней, используя для этого самые разнообразные методы и формы. Среди них можно выделить следующие тенденции: попытки сочетать научные знания с религиозными догмами, найти между ними гармонию и даже использовать в интересах религии достижения современной науки; попытки фальсифицировать науку и ее данные в угоду религии, слепой вере в «богооткровенные истины»; попытки дискредитировать научные достижения и науку как отрасль культуры и сферу человеческой деятельности для оправдания и возвышения религии.

Давать отпор этим и другим попыткам буржуазных идеологов и теологов, раскрывать истинную суть научных достижений — священный долг научных работников и пропагандистов атеизма. При этом необходимо особо обращать внимание на те естественно-научные проблемы, вокруг которых наиболее остро развертывается сейчас идейная борьба и которые пытаются использовать в целях пропаганды идеализма и религии буржуазные философы и теологи, анализировать методы и способы фальсификации научных достижений.

Укажем еще на одно положение ленинской статьи, имеющее важное значение в условиях современной идеологической борьбы. Обращая внимание на использование в атеистической пропаганде книг и брошюр, которые содержат конкретные факты и сопоставления, показывающие связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропагандой, Ленин пишет, что с этой точки зрения чрезвычайно важны все материалы, относящиеся к Соединенным Штатам Америки. В США, указывает Ленин, меньше проявляется официальная, казенная, государственная связь религии и капитала, но зато яснее проявляется, что так называемая «современная демократия» представляет из себя не что иное, как свободу проповедовать то, что буржуазии выгодно, а выгодно ей проповедовать самые реакционные идеи, религию, мракобесие, защиту эксплуататоров и т. п.

И действительно, на примере США сегодня можно наглядно подтвердить правоту ленинских слов. Идеологи США, пресса и другие средства массовой информации как никогда ранее усиленно рекламируют американское общество как общество «равных возможностей», «неограниченной демократии», «безграничных свобод», американский образ жизни — как самый совершенный в современном мире. По инициативе президента Картера ведется шумная кампания о нарушениях прав человека в социалистических странах и т. д. и т. п. Действительность же показывает, что ни в одном государстве не развит так шпионско-репрессивный аппарат, как в США. В стране попираются права не только отдельных граждан, но и целых народов, подавляются прогрессивные силы и вместе с тем свободно функционируют гангстерские синдикаты, делающие бизнес на убийствах, контрабанде, торговле наркотиками, порнографии.

Что касается религии, то в США имеется около 250 различных конфессий. По обилию сект и самостоятельных церковных организаций эта страна занимает первое место в мире. И хотя принцип отделения церкви от государства был провозглашен в США еще в XVIII столетии, деятельность государственных органов и по сей день освящается религией: на Библии приносит присягу вступающий на свой пост президент, молебном открываются сессии палат конгресса.

В связи с кризисом традиционных для страны религиозных направлений в последние годы распространяются нетрадиционные формы религиозности — дзен-буддизм, культ «сознания Кришны», «церковь Сатаны» и т. д.

Широко распространены черная и белая магия, астрология, спиритизм, хиромантия, колдовство и прочая мистика. Ведьмы, колдуны и колдуньи, хироманты, астрологи, маги, ясновидцы, прорицатели, спириты и гадалки появляются на страницах газет и журналов, дают интервью на радио и телевидении.

Все это — симптомы усиления идейно-политического кризиса буржуазного общества, который поражает институты власти, буржуазные политические партии, ведет к упадку духовной культуры, росту преступности, расшатывает нравственные нормы.

Важное значение в условиях современности имеет ленинское понимание существа атеистической пропаганды, атеистического воспитания. Ленин пишет, что народным массам «необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами...».

Из этого ленинского положения следует, что подходить к атеистической пропаганде нужно широко и всесторонне, не сводить ее к сугубо антирелигиозным темам, а использовать для этого весь многообразный жизненный материал, то есть строить эту работу в тесной связи с жизнью, с другими отраслями идеологической работы, с другими направлениями коммунистического воспитания, с различными его средствами и формами.

Нет, по существу, такой сферы жизни, такой области теории и практики, которая так или иначе не могла бы быть поставлена на службу формированию научного мировоззрения, на службу атеизму. В атеистической работе нужно прежде всего показывать на самом разнообразном материале и самыми разнообразными средствами, как сама наша социалистическая действительность раскрывает несостоятельность религии, как она вытесняется из различных сфер нашей жизни. При этом показывать на примере тех актуальных проблем и коренных задач, которые решаются Коммунистической партией и Советским государством, нашим народом в современных условиях.

Критика религии должна учитываться во всех направлениях коммунистического воспитания — будь то мировоззренческое, нравственное, патриотическое, интернациональное, эстетическое и т. д. Комплексность подхода, диалектика должны проявляться здесь в следующем: в атеистическом воспитании необходимо использовать все средства коммунистического воспитания, а любое из них должно учитывать критику религиозного миропонимания, нести, как говорят, атеистический заряд, раскрывать свой атеистический потенциал.

К этому органически примыкает еще одно положение ленинской статьи. Самое важное, писал Ленин, это суметь заинтересовать массы «сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религий». Заинтересовать же массу сознательным отношением к религии можно только при широком подходе к атеистическому воспитанию и к критике религии, о чем говорилось выше. Но при этом необходимо учитывать еще и моменты, связанные с педагогикой и психологией пропаганды.

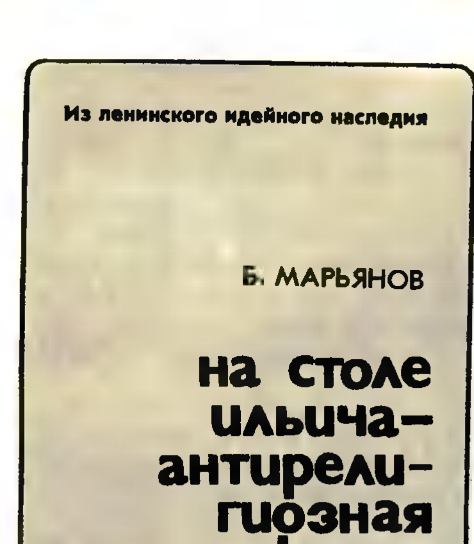
Если даже взять такие элементарные положения теории пропаганды, как условия восприятия пропагандистского материала аудиторией (ее предрасположенность, подготовленность и др.), то можно увидеть, что они имеют очень большое значение для атеистического воспитания. Если же взять более сложные моменты, связанные с атеистической работой среди верующей аудитории (ее конформность, психологическая закрытость, соотношение интеллектуального и эмоционального в религиозном сознании и т. д.), то для атеистической пропаганды они имеют особое, можно сказать, решающее значение. Необходимо не просто критиковать религию и просвещать массы, а заинтересовывать их сознательным отношением к религиозным вопросам. Религия зиждется на слепой вере. Задача состоит в том, чтобы верующие задумались над этой своей верой.

Однако и здесь следует заметить, что педагогика и психология атеистической пропаганды слабо исследованы и разработаны в научном плане, а это не может не отражаться на эффективности атеистической работы.

Сохраняют свое актуальное значение и ленинские советы по изданию литературы по атеизму и ее использованию. Когда Ленин писал, что бойкая и живая, талантливая и остроумная публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные и сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами пересказы марксизма, то этим он проявлял большую заботу об издании содержательной, интересной, популярной атеистической литературы, о повышении ее теоретического и профессионального уровня, о соответствии ее требованиям жизни, запросам трудящихся и пропагандистов атеизма.

Сейчас у нас есть все условия для подготовки и издания глубоких по содержанию, различных по своему характеру и жанрам работ по теории и практике атеизма. И таких работ издается в нашей стране немало. Переводится и реферируется атеистическая литература, выходящая в социалистических странах, а также и в буржуазных. Однако нельзя сказать, что все здесь обстоит благополучно.

Мы прикоснулись лишь к некоторым ленинским мыслям, и каждая из них является весьма злободневной для наших дней. Поэтому, как и любая работа Ленина, статья «О значении воинствующего материализма» далеко выходит за рамки своего времени. Ее появление преследовало конкретные цели, обусловленные текущим периодом. Она ставила конкретные задачи и указывала пути их решения, связанные с тем временем. Однако анализ этих конкретных задач и путей их решения ведется на основе таких теоретических положений и методологических принципов, а из анализа делаются такие обобщения и выводы, что они сохраняют свое непреходящее значение и через много десятилетий. В этом сила и всего марксистско-ленинского учения.

Из ленинского идейного наследия

Б. МАРЬЯНОВ

на столе ильича — антирелигиозная книга

●Своими воспоминаниями «Обстановка, в которой писалась статья Ленина «О значении воинствующего материализма» Н. К. Крупская не только воссоздает атмосферу 20 дней, проведенных Лениным в подмосковном селе Троице-Лыкове, но и как бы приоткрывает для нас дверь в творческую лабораторию Ильича.

«Я тоже на недельку приехала к Ильичу, — вспоминает Н. К. Крупская. — Кстати, надо было просмотреть имеющуюся литературу по антирелигиозному вопросу».

Надежда Константиновна перечисляет те книжки, которые она привезла с собой в Троице-Лыково, — почти все, что было издано на атеистические темы в Советской республике до весны 1922 года. В этом списке — 20 названий. Здесь и переводные работы: «Христианство и социализм» Августа Бебеля, «Происхождение религиозных верований» и «Миф о непорочном зачатии» Поля Лафарга, «Происхождение первобытной библейской истории», «Социал-демократия и католическая церковь», «Этика и материалистическое понимание истории» Карла Каутского, «Вавилонская культура и ее отношение к культурному развитию человечества» Гуго Винклера, «Происхождение книг Нового завета» В. Вреде, «Страдающий бог в религиях древнего мира» М. Брикнера, «О боге и черте» Э. Даенсона, «Социал-демократия и христианство» Рихарда Кальвера. И брошюры советских авторов: «О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах» и «О таинстве святого причащения» И. И. Скворцова-Степанова, «Возникновение христианства» Р. Ю. Виппера, «Иисус и первые христианские общины» Н. М. Никольского, «Религия и коммунизм» С. К. Минина, «Почему я не верю в бога» Я. Никулихина, «Праздники христианские и рабоче-крестьянские» В. И. Невского, «Поповские обманы» Н. Л. Мещерякова, «Как попы дурманят народ» П. Бляхина.

Кроме того, Надежда Константиновна привезла и «Миф о Христе» Артура Древса — книгу на немецком языке, которую дал ей И. И. Скворцов-Степанов.

Вся эта литература пришлась как нельзя более кстати Владимиру Ильичу. Он в это время писал статью для журнала «Под знаменем марксизма», начавшего выходить с января 1922 года и имевшего главной своей целью пропаганду воинствующего материализма и атеизма, борьбу против «дипломированных лакеев поповщины».

«Ильич просматривал все эти брошюры, листал их, ворчал, взял себе Древса и стал читать», — пишет Крупская.

Древсу в ленинской статье посвящен целый абзац. Проницательный взгляд Ильича сразу же разглядел главный — классовый, политический заряд книги маститого немецкого ученого, тот социальный заказ, который выполнял он, развенчивая и опровергая привычные «религиозные предрассудки и сказки, доказывая, что никакого Христа не было». Делал это он лишь для того, чтобы вместо изжившего себя традиционного христианства предложить «религию, только подновленную, подчищенную, ухищренную», способную выжить в современном мире, в условиях широкого распространения материалистического мировоззрения.

«Сейчас приходится выбирать одно из двух, — пишет Древс в заключительной главе «Религиозная проблема современности», — либо спокойно взирать на то, как ежедневно все более и более усиливающийся натуралистический поток уносит последние остатки религиозного образа мышления, либо раздуть тлеющую религиозную искру на почве пантеизма в независимую от всякой церковной опеки религию».

А тем, кто после выхода книги упрекал его в безбожии, Древс всячески доказывал, что «рассматривает разрушение религиозного сознания в современном обществе как общее несчастье, как бедствие для нашей культуры», что он, «не поддаваясь отрицающему и разрушающему духу нашего времени, пытался воссоздать разрушенное религиозное мировоззрение»... «Ведь настоящая книга на самом деле написана в интересах религии!» — так недвусмысленно оценил «Миф о Христе» сам автор.

«Это — реакционер прямой, сознательный, — пишет о Древсе Ленин, — открыто помогающий эксплуататорам заменять старые и прогнившие религиозные предрассудки новенькими, еще более гаденькими и подлыми предрассудками».

Мы знаем, однако, что Ленин не ограничился лишь констата-

Над обрывом Соколиной горы стоит церковь Троицы, возведенная в конце XVII — начале XVIII века.

Фото А. Казимирова.

цией этого факта, а сделал важнейший методологический вывод о необходимости «союза» с Древсами, опровергающими традиционные религиозные представления, — союза в той форме и в той степени, как этого требуют интересы борьбы с господствующими религиозными мракобесами.

Из книг, перечисленных Крупской, Ленин упомянул в своей статье еще только «Возникновение христианства» Р. Ю. Виппера — одну из тех брошюр, которые Ильич, по выражению Надежды Константиновны, «ворча», листал и просматривал. Но даже при беглом просмотре он заметил органический порок работы уже известного к тому времени историка.

Виппер приводит обширный исторический материал, наглядно показывающий, что «в христианском учении и обрядах нет ни одной черты, к которой не нашлось бы множества аналогий в других веках и у других народов». Воссоздает сложную историческую обстановку, в которой возникали первые христианские общины. Анализирует их общественный строй и новозаветную литературу, доказывает, что «основой образа утешителя человечества не могла быть реальная история безвестно погибшего проповедника», что Иисус — это «религиозно-поэтический образ, идеал», порожденный настроениями и исканиями тогдашних религиозных общин.

Автор знаком с марксизмом, знает работы Энгельса. Но он, хотя и признает, что «в общих воззрениях материалистов много правильного», не может, однако, принять главного: ему не по душе, что материалисты «сводят все идеи на противоположности классов». Толкуя исторический материализм упрощенно и превратно, Виппер прямо заявляет, что не намерен следовать этому учению. С другой же стороны, он говорит и о неприятии идеализма. И вот его общий вывод: «...Историк не может воспользоваться ни одной из двух крайностей: ни идеалистическим, ни материалистическим методом».

Естественно, что такая попытка взглянуть на историю «непредубежденным глазом», занять позицию над противоборствующими идеологиями могла привести лишь к объективистской бесстрастности изложения, и сползанию на позиции буржуазной идеологии, апологии религии. И у Ленина были все основания причислить тогдашнего Виппера к числу «идейных рабов буржуазии», «дипломированных лакеев поповщины».

«Пересказывая главные результаты современной науки, — пишет Владимир Ильич о книжке Виппера, — автор не только не воюет с предрассудками и с обманом, которые составляют оружие церкви как политической организации, не только обходит эти вопросы, но заявляет прямо смешную и реакционнейшую претензию подняться выше обеих «крайностей»: и идеалистической и материалистической. Это — прислужничество господствующей буржуазии, которая во всем мире сотни миллионов рублей из выжимаемой ею с трудящихся прибыли употребляет на поддержку религии».

Нет сомнения, что эта резкая, но справедливая ленинская критика помогла крупному ученому выйти на путь марксистской мысли, стать академиком, создать подлинно научные труды, в том числе и по истории первоначального христианства.

«В это время, — вспоминает Крупская, — пришла большая посылка книг от Элтона Синклера... Из кипы присланных Синклером книг Ильич выбрал книжку о религии — «Выгоды религии» («The Profits of Religion»), **вооружился английским словарем и стал читать. Книжка в отношении антирелигиозной пропаганды мало удовлетворила его, но ему понравилась критика буржуазной демократии».**

Этот экземпляр (с надписью автора по-английски: «Н.К. Крупской с наилучшими пожеланиями») сохранился среди книг ленинской библиотеки в Кремле. Изданная в 1918 году книга Синклера (Ленин перевел ее название точнее: «Прибыльность религии»; в первом русском переводе 1925 года, по которому мы ее здесь цитируем, она была названа «Религия и нажива») — одна из публицистических работ знаменитого уже к тому времени американского романиста, составивших цикл «Мертвая рука» — о неизлечимых язвах буржуазной демократии.

Надо сказать, что ни английское название, ни русские его эквиваленты не раскрывают всего содержания книги. Да, в ней речь идет и о том, как предприимчивые священнослужители обирают свою легковерную паству, но пафос памфлета, однако, в другом — в выявлении той классовой, социальной функции, которую выполняет религия в капиталистическом обществе. По словам самого Синклера, «тезис, развиваемый в этой книге», сводится к тому, что религия является «естественной союзницей любых форм угнетения и эксплуатации». Церковь, по определению автора, — «большое капиталистическое предприятие, органическая и существенная часть гигантской системы хищничества». Священнослужители — «друзья всякой несправедливости, которая выгодна для класса собственников». Шаг за шагом, обращаясь к самым различным сторонам тогдашней американской действительности, привлекая примеры из жизни европейских стран, находя все новые и новые саркастические образы, проводит и развивает Синклер этот свой основной тезис.

Так, он приводит выдержки из книги англиканского пастора Уильяма Уилберфорса «Практические взгляды христианской системы»: «Цель религии — напоминать бедным, что их более низкая стезя присуждена им десницей божьей; что их долг — добросовестно выполнять свои обязанности и безропотно сносить их неудобства».

Не менее красноречива процитированная в книге речь посланца папы римского Д. Фальконио, с которой тот выступил на съезде католических обществ США: «Людское общество имеет происхождение от бога и образовано из двух классов людей: богатых и бедных... Отсюда следует, что, согласно предначертаниям божиим, людское общество есть соединение начальствующих и подчиненных, господ и слуг, ученых и безграмотных, богатых и бедных, знатных и плебеев».

Ему вторил профессор Колумбийского университета Хайслоп: «Нет верования, которое имело бы над бедняками такую силу, как вера в будущую жизнь. Политики, люди мирские, хорошо понимали, что она на многие годы отсрочивает день политического суда».

Из книги Синклера можно было бы цитировать без конца. Народное образование, здравоохранение, алкоголизм, проституция, детский труд, права женщин, права трудящихся на забастовки, законодательство, суд, избирательная система, — «во всяком общественном вопросе, какого

бы рода он ни был», — пишет Синклер,— голоса служителей божьих — верных слуг капитала «будут брошены на чашку невежества и реакции».

Шесть десятилетий назад Синклер сумел разглядеть тенденцию, которая в наши дни буквально захлестнула Соединенные Штаты волной различных мистических культов. Он писал о том, что «за последнее время по Америке распространились, как чума, всякие восточные культы», «всевозможные сорта теософов», любители черной магии, «исцелители» и т. д.

Американский писатель не был марксистом. По своему мировоззрению он оставался социалистом-утопистом и буржуазным реформистом. Однако в лучших своих романах, таких, как «Джунгли», «Король Уголь», «Джимми Хиггинс» и других, а также в публицистических очерках, к которым принадлежит и эта книга, он гневно разоблачал капиталистическую эксплуатацию, империалистическую бойню. За это и ценил его Ленин, хотя и видел его слабые стороны: «Синклер — социалист чувства, без теоретического образования». Его призыв против империалистической войны, по оценке Ленина, «глубоко верен в основе», хотя и «наивен»[1].

Примерно такую же оценку дал Ленин и книге Синклера, которую прочел в Троице-Лыкове весной 1922 года:

«На днях мне пришлось перелистывать книжку Эптона Синклера «Прибыльность религии». Нет сомнения, что в подходе к вопросу и манере его трактования у автора есть недостатки. Но ценна эта книжка тем, что она написана живо, дает много конкретных фактов и сопоставлений» [2].

Такой абзац был в рукописи ленинской статьи. В окончательный текст он не вошел (воспроизводится в примечаниях к 45-му тому). Но о том, что и эта книга «пошла в дело», свидетельствуют те строки ленинской статьи, где речь идет о том, сколь важно использовать в антирелигиозной пропаганде книги и брошюры, содержащие много конкретных фактов и сопоставлений, показывающие связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды. Особенно ценны в этом смысле, подчеркнул Ленин, все материалы, относящиеся к Соединенным Штатам Америки.

«Мне запомнились разговоры с Ильичем на антирелигиозные темы, — вспоминает далее Надежда Константиновна. — На прогулках мы толковали о Древсе и Синклере, о том, как поверхностно ставится у нас антирелигиозная пропаганда, сколько в ней вульгаризации, как неглубоко она увязана с естествознанием, как мало вскрываются социальные корни религии, как мало удовлетворяет она запросам рабочих, так колоссально выросшим за годы революции».

Отзвуки этих бесед, ленинских раздумий вслух — не только в статье «О значении воинствующего материализма», где говорится о тех же недостатках тогдашней антирелигиозной пропаганды и о том, как следует ее развивать и совершенствовать. Отзвуки эти мы находим и в том обзоре антирелигиозной литературы, который в это же время написала Надежда Константиновна:

«В № 3 «Коммунистического просвещения» за 1922 г. помещены мои рецензии на имевшиеся тогда книжки — это как раз те книжки, которые я брала с собой в Корзинкино».

Это — образец таких обзоров, которые Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» рекомендовал помещать в периодической печати, — «с характеристикой, для какого круга читателей и в каком отношении могли бы быть подходящими те или иные произведения». Нет сомнения, что в нем запечатлены и ленинские оценки брошюр, просмотренных, перелистанных в Троице-Лыкове.

Разбирая в своем обзоре книжку Виппера, Крупская на конкретных примерах, приводя цитаты из трудов Маркса и Энгельса, показывает, что «Виппер просто неясно представляет себе современный материализм», «клевещет на современный материализм».

Оценив в общем как «достаточно убедительную» и «очень полезную» брошюру Н. Л. Мещерякова «Поповские обманы», Надежда Константиновна делает замечание в духе ленинских требований: «Может быть, начинающих только сомневаться будет отталкивать заглавие брошюры».

Таковы же и критические замечания в адрес С. К. Минина, автора брошюры «Религия и коммунизм»: «Факты приводит автор убедительные, освещает вопросы правильно, но форма изложения весьма «свободная», если не сказать больше». «...Приспосабливаясь к массе, автор чересчур упрощает вопросы, вульгаризирует их, гоняется за острым словцом». Аналогичную оценку получила и вступительная статья И. А. Шпицберга к переведенной с французского брошюре Э. Давенсона «О боге и черте», содержащая многочисленные, по выражению Крупской, «благоглупости»:

«Статью Шпицберга «Религиозная язва» надо считать неудачной. Автор считает все религии, их основателей и служителей либо сумасшедшими, либо просто мошенниками. Например, о Христе он пишет: «...Иисус Христос был только физический и умственный выродок, а проповедь его — лишь систематический бред религиозно-мистического характера». Цитата говорит сама за себя».

Резко критически оценена в обзоре брошюра Рихарда Кальвера — представителя реформизма и ревизионизма в Германской социал-демократической партии. Еще в 1905 году Ленин высмеял его призывы на съезде немецких социал-демократов: «Ревизионист Кальвер призывал рабочих не к недовольству, не к увеличению своих потребностей, а к скромности и т. д. и т. д.»[3]. Теперь Кальвер в том же ревизионистском духе

«старается доказать, что задача социал-демократии вполне соответствует принципам христианства и что социал-демократия не ведет борьбы с религией... Переводить эту брошюру, — делает вывод Крупская, — не было никакой надобности, нет надобности и читать ее».

Так благодаря воспоминаниям Крупской мы увидели Владимира Ильича на отдыхе в подмосковном селе Троице-Лыкове. Увидели его работающим над журнальной статьей, читающим антирелигиозные книги, обсуждающим прочитанное на прогулках по мартовскому, уже начинающему подтаивать снегу. Живые, выразительные черты бессмертного ленинского образа...

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 270—271.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 504.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 326.

В. ДОЛГОВА,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

дни минувшие, дни нынешние

Ясный, солнечный день середины марта. Зима еще не сдалась, ночью крепко подмораживает, но яркое солнце уже обещает скорое тепло.

Для первой поездки в Троице-Лыково мартовский день я выбрала не случайно: хотелось побывать там, ощутить природу в то время года, в которое здесь свыше полувека назад жил Владимир Ильич.

Как и тогда, в 1922-м, ранняя весна окутала легкой дымкой окрестности. Я стою на гребне Соколиной горы. Внизу — широкая излучина Москвы-реки, еще скованной льдом. На противоположном берегу — сосны Серебряного бора, сквозь них угадываются санатории, дома отдыха; дальше — новые районы столицы, с высокими башнями жилых домов, заводскими корпусами и трубами. Стою на том самом месте, где возвышался некогда старый просторный дом богатой купчихи Корзинкиной. В нем Ленин прожил около трех недель. «Дом был нелепый, — вспоминала Крупская. — Внутри — большой темный зал, вышиной в два этажа. Во втором этаже — галерея, из которой шли двери в несколько комнат. В комнатах на стенах висели портреты Л. Толстого и была уймища каких-то сонных мух, которых надо было вытравливать...» Дом не сохранился — сгорел, но время уберегло другие деревянные постройки — службы обширного поместья. Стоит и церковь Троицы, восхищая всех чудесным каменным кружевом.

Все это видел Ленин.

Комсомольская ячейка села Троице-Лыкова (снимок конца двадцатых годов).

Первая встреча — со старой жительницей села Ксенией Сергеевной Кутилиной (ей пошел уже 86-й год). 15-ти лет была она взята горничной в господский дом, ходила за внуками Корзинкиной. Неграмотной была, и никого это не удивляло: таких, как она, было великое множество. Уже позднее, в 1918 году, когда вышла замуж и поселилась в собственном доме, кое-как, самоучкой, стала по складам читать, а письмо так и не осилила. Но дорогу выбрала правильную: накрепко связала свою жизнь с местным колхозом. Была дояркой, ходила за телятами, потом стала звеньевой...

Хорошо помнит Ксения Сергеевна бывшую хозяйку имения — Корзинкину. Она владела обширными землями и лесными угодьями, в Москве ей принадлежало несколько гостиниц и доходных домов. Скотные дворы, маслобойка, пекарня, другие хозяйственные постройки были разбросаны по соседним деревням и селам — в Строгино, Мякинине, Черепкове. Усердная богомолка, Корзинкина считала себя благодетельницей сотен крестьян, работавших на нее. В праздник преображения — яблочный спас выносили из имения бельевые корзины с яблоками, и хозяйка собственноручно дарила яблочко

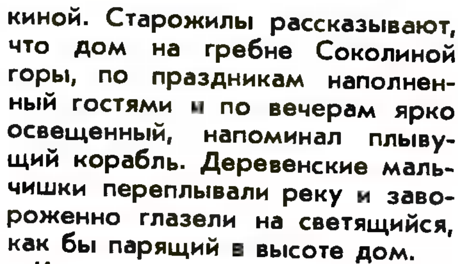
каждому, кто приходил в ее владения. Выйдя из церкви, заходила в часовню, расположенную рядом с домом, отпирала шкаф и доставала дешевые конфеты для детей. На пасху христосовалась с крестьянами. Каждому — крашеное яичко. Она же давала немудреные лекарства заболевшим, дарила духовные книги. Вся эта копеечная благотворительность прикрывала расчетливость прижимистой купчихи.

В большой чести у нее были местные православные священники — отец Николай, отец Александр, отец Иван. В приход лет-

ней церкви Троицы и зимней Успения входили, кроме Троице-Лыкова, деревни Рублево, Черепково, Мякинино, Луки, Строгино, Екатериновка. Была еще третья церковь, деревянная, не дожившая до наших дней. В праздники тесно было в церквах от богомольцев. Привлекали людей проповеди отца Николая. Умел говорить красиво. Был он своим человеком в доме Корзинкиной, и ему главным образом обязана церковь теми богатыми вкладами, на которые не скупилась барыня.

Добротные дома священников и дьяконов располагались ниже имения, на улице, носившей название Поповка. Село — внизу, повыше — Поповка, а на самом верху — церковь и дом Корзин-

киной. Старожилы рассказывают, что дом на гребне Соколиной горы, по праздникам наполненный гостями и по вечерам ярко освещенный, напоминал плывущий корабль. Деревенские мальчишки переплывали реку и завороженно глазели на светящийся, как бы парящий в высоте дом.

Корзинкина умерла в 1915 году. Сын ее в одну ночь проиграл в карты полученную по наследству гостиницу. Семья рассеялась по свету.

В школьном альбоме аккуратно подклеена старая фотография. Группа пареньков (девчат мало, всего трое) — комсомольцы села двадцатых годов. Серьезные,

А. И. Шевалдышев. Март 1978 года.
Он же в двадцатые годы.

сосредоточенные лица. Одеты все в старенькие пиджаки, в большие (наверняка отцовские) кепки. Эти ребята не только утверждали в жизни новое, но нередко и защищали его. Не случайно на снимке один из них — с винтовкой. Еще было памятно убийство кулачьем Вани Кузнецова, секретаря Кунцевского комитета комсомола. Вчерашние дети, эти ребята брались за дела, которые под силу лишь умудренным жизненным опытом людям. В то время взрослели рано.

Старая фотокарточка стала путеводной нитью, которая привела меня к Александру Ивановичу Шевалдышеву, секретарю комсомольской ячейки тех лет (на снимке — во втором ряду, третий справа). Работает он в Москве, а живет по-прежнему в Троице-Лыкове. Ворчит на отца дочь: «Сколько раз предлагали квартиру с удобствами, отказывается». Но Александр Иванович и не мыслит свою жизнь где-то в ином месте, кроме того, где прошли его молодость и зрелые годы, связанные с колхозом имени Горького. Бригадир одной из первых в Московской области бригад, премированной за отличную работу. Агитатор. Есть что вспомнить, есть о чем рассказать. И он делится воспоминаниями с молодежью, часто выступает в школах, рассказывает о том далеком времени, сравнивает его с настоящим. С явным удовольствием водил он меня по селу и парку:

— Вот какая у нас красота!

Хорошо живут теперь в селе. Почти у каждого дома — автомашина. Сады на приусадебных участках. Раньше здесь и понятия не имели о том, как яблони выращивать или плодовые кусты сажать. Знали лишь красную смородину, да и та росла только у священников. Черенков они не давали, выносили корзины ягод на продажу. Еще в двадцатые годы ничего не росло, кроме картошки да крапивы, за щавелем ребятишки на луга бегали, за ягодами — в лес.

После прогулки вернулись в дом Александра Ивановича. Старая фотокарточка, которую я принесла из школы, легла на стол...

— Обратите внимание, комсомольцы снялись рядом с церковью, — говорит мой собеседник.—И это не случайно. Тогда в церкви уже открыли клуб. Но много пришлось поработать, чтобы жители села сознательно пришли к такому решению.

Пришло время, когда люди встали перед выбором — как жить дальше: по-старому, во всем полагаясь на бога, или включиться в активную перестройку жизни. Троице-Лыково — не какая-нибудь глухомань: до Москвы, как говорится, рукой подать. Коснулись и этих краев революционные преобразования. Народ чутко присматривался и прислушивался ко всему новому. Но еще сильно было влияние служителей культа.

Отец Николай (Юрасов) первым в дом радио провел, газеты выписывал. Начитанный был, знал,

как людей удержать в церкви. Первые комсомольцы села, предшественники тех, кто снят на фото, частушки сочиняли, священников высмеивали. На Ильин день они представление устроили: вкатили на подводу бочку, и на ней уселся парень в красной рубахе, изображавший Илью-пророка на колеснице. Полный конфуз получился. У людей вера не поколебалась. Сочувственно слушали они, как отец Николай осуждал молодежь за «богохульство».

Сомнения пришли к людям, когда в Поволжье начался голод и духовенство оказало открытое сопротивление декрету Советской власти об изъятии церковных ценностей для закупки зерна за границей. Приметили прихожане Троицкой церкви, что победнее стало убранство, поубавилось икон в дорогих ризах. Из Москвы приехал уполномоченный. В стене над конторкой, где староста свечами торговал, обнаружили тайник, а в нем — венцы с драгоценными камнями и другие ценные вещи. В зимней церкви Успения отыскали много упрятанных священниками дорогих риз и церковной утвари. Уже во время Великой Отечественной войны, когда в селе разместился штаб обороны, бойцы случайно наткнулись в церкви еще на один тайник. А куда девались старинные иконы — и по сей день неизвестно.

К тому времени комсомольская ячейка открыла клуб в сарае усадьбы. И стал Саша Шевалдышев его заведующим. Там царило веселье, танцы до позднего часа, заведующий из рук гармонь не выпускал. Ставили и антирелигиозные пьесы.

Потянулись люди в клуб: молодежь, а потом и пожилые.

Коммунисты поддерживали комсомольцев, стали помогать и советом, и делом, развернули вместе с молодежью антирелигиозную пропаганду, убеждали примерами из жизни села. Со священником диспут открытый устроили и вышли победителями в споре. Слабело влияние духовенства.

Вот тогда коммунисты и комсомольцы собрали жителей села и поставили вопрос о закрытии церкви. Собрание уже к основному вопросу подходило, как вдруг кто-то закричал из задних рядов: «Пожар!» И всех как ветром сдуло! Ложную тревогу спровоцировала околоцерковная публика.

Снова терпеливо разъясняли, беседовали с людьми. Партийная ячейка, сельсовет, комсомольцы второй раз собрали людей. Бурное было собрание. Выступали и верующие. И когда был поставлен вопрос на голосование, большинство сельчан поддержало предложение закрыть церковь.

Теперь в Троице-Лыкове две старушки ходят читать по покойникам, одна поет в Павшинской церкви. И больше никого не привлекает религия. Церковь реставрирована и охраняется как исторический памятник. Многие приезжают, любуются.

Позднее Шевалдышева направили на работу в Кунцевский районный комитет комсомола. Секретарем ячейки стал Миша Малкин. В годы войны подводником служил. До сих пор водолазом работает. Александр Иванович показывает мне его на снимке и называет других комсомольцев. Вот этот — Серафим Сергеевич Некрасов. Окончил институт имени Баумана, преподавал математику в вузе. Это — Вася, Василий Васильевич Корзюков. Был ведущим инженером крупного завода в Куйбышеве. Эта девочка — Шура Самохина, учительницей стала. А эта — Настя Сидорова, заведовала районной библиотекой в Кунцеве. Вот этот — Гриша, Григорий Иванович Крутов. Воевал в ракетных частях, дошел до Берлина. Вернулся с войны и Николай Михайлович Сидоров. Он был членом бюро комсомольской ячейки. Теперь — полковник в отставке, живет в Москве, летом часто наведывается в село. Сражался с фашистами и Василий Егорович Буянов, теперь он на пенсии. Погиб на фронте Виктор Бутенин. Комсомолец, председателем сельского Совета работал. Погиб Гаврила Гаврилович Пименов, до войны — участковый уполномоченный; не вернулись Шура Лобачев, Саша Горбышев...

Вчерашние лыковские мальчишки, с завистью взиравшие на яркие огни дома Корзинкиной, они в трудной, суровой борьбе строили — для себя, для своих детей и внуков, для всех людей — лучшую жизнь, а потом защищали ее от врага.

Е. В. Корзюкова работала старшим инженером по антеннам.

Она же — в юности.

«Некоторых активистов того времени уже нет в живых: кто погиб на фронте Великой Отечественной войны, кто умер, но память о всех должна сохраниться. Эта первая молодежь положила много сил и энергии по организации комсомольской ячейки и пионерского отряда, избы-читальни, драмкружка. Я вспоминаю эти годы с удовольствием. Какие мы проводили интересные костры, походы! Нам часто и попадало от неорганизованной молодежи, но это нас не сломило ни одного, дружная семья все время пополнялась и росла...»

Это — строки из письма, вложенного в тот же школьный альбом. Его прислала юным следопытам Елизавета Васильевна Корзюкова. Живая, быстрая в движениях, женщина эта заставляет забывать о времени, отделяющем нынешний день от той минуты, когда был сделан снимок.

— Эту фотографию, на которой сняты комсомольцы рядом с церковью, я прислала в школу вместе с письмом. И снимала я. Взяла фотоаппарат у Симы Некрасова... Вот он, стоит в последнем ряду... Посчитала своим долгом написать школьникам. Подумала: надо, чтобы молодежь знала жизнь и дела своих предшественников.

Елизавета Васильевна вспоминает детство. Огромная семья — девять братьев и сестер. Отец умер в 1914 году, мать одна всех девятерых на ноги поставила.

Училась Лиза в четвертом классе, когда пришла весть о смерти Ленина. Никто из здешних детей, подруг и друзей, не знал, что двумя годами раньше Владимир Ильич был так близко от них. В день его похорон, в жуткую январскую стужу, вчетвером — две девочки и два мальчика — тайком от старших, ушли в Москву по льду. По Пресне и Большой Никитской добрались до Красной площади.

Большую часть времени летом дети проводили на реке. Однажды переплыли на другую сторону и в Серебряном бору очутились в пионерском лагере. Быстро познакомились с ребятами, рассказали друг другу, кто чем занимается. Пионеры помогали лыковским ребятам организовать отряд, стали его шефами. Сразу же записалось 12 детей.

Некоторые родители детей в отряд не пускали. Кулаки, заодно с духовенством, старались всякую напраслину про пионеров распустить. Красные галстуки дети открыто носить боялись.

Но вскоре в отряде уже было 50 пионеров. Лизу Корзюкову в 14 лет в комсомол приняли, и она стала пионервожатой. Шефы подарили горн, купили барабан. Забиралась пионервожатая в своем доме наверх, в светелку, из окна трубила в горн, ребят собирала. Всех выучила играть на трубе.

— Брат мой Вася был мастер на все руки — пел, играл на сцене, — рассказывала Елизавета Васильевна. — В антирелигиозной пьесе в роли священника выступал. И вот началось наше представление. Я в суфлерской будке сидела, подсказывала. Вася — на сцене. Слышу, шум какой-то в зале. Выглянула — уходят зрители, уже почти все скамейки пустые. Кричу брату: «Кончай, народ разошелся!» А он увлекся, в роль вошел, не замечает, что зрители ушли...

Показывали мы священников в неприглядном виде, а нашим односельчанам это не понравилось. Не подготовлены они были, не провели мы еще с ними никакой работы. А два года спустя возобновили тот же спектакль, и из зала уже никто не ушел. Хорошо поработали комсомольцы!..

Казалось бы, в жизни уже утвердилось новое, уже отступала темнота. Но нет-нет, да и давали о себе знать религиозные заблуждения. Такая вспышка произошла, когда в село привезли туркменских детей: в доме, когда-то принадлежавшем помещице Корзинкиной, открылся «Дом туркменского просвещения». Люди, близкие к церкви, распустили слух: «Иноверцев привезли, нехристей, не нашей православной веры». Кое-кто поддался этим нашептываниям, неприязнь возникла к приезжим детям.

А мы, пионеры, стали к туркменским детям ходить. Дружба началась. Потом и другие сельские ребята подружились с ними. По-русски учить их стали. У них пионерский отряд тоже был. Вожатый — Хаджи Мурат Валиев. Пионерские костры мы совместно зажигали. На берегу Москвы-реки, на верхушке Соколиной горы такие костры горели! Ночи летние, темные. Тепло и тихо. А мы сидим вокруг, поем вместе, и туркменские песни тоже.

Туркменским детям около дома площадку спортивную устроили, снаряды разные поставили, большие качели. Тут несчастье случилось: туркменский мальчик Ошур во время занятий упал с перекладины, сломал обе ноги. Наши пионеры взяли шефство над ним, сделали коляску, возили по очереди.

Все пионеры учились хорошо. Школа в селе была четырехклассная. Всего две комнаты. В каждой — два класса занимались, если первый пишет, четвертый слушает учителя. Кончали ребята четыре класса, и дальше учиться их не пускали, рассуждали так: хватит, в хозяйстве нужны рабочие руки. В пятый класс пошли только двое — Лиза и ее брат Вася. Ходили за три километра в Рублево. На следующий год в рублевской школе уже больше ребят училось. И это помогло потом открыть восьмилетнюю школу в Троице-Лыкове.

Елизавету Васильевну переполняет желание рассказать как можно больше и о времени, и о себе. Приносит из другой комнаты трудовую книжку. Техникум, строительный институт. Из него перешла на учебу в академию связи. Но началась война, и учебу пришлось бросить... Всю жизнь проработала инженером по антеннам, много поколесила по стране, в последние годы, перед выходом на пенсию, работала в ТАССе. В трудовой книжке записаны благодарности. Особенно любопытной показалась мне запись, сделанная в 1939 году: за успехи в скоростном строительстве и за общественную работу премировать велосипедом. По тем временам — солидная премия! К тому же, велосипед был крайне необходим Елизавете Васильевне для передвижения от одного объекта к другому. И этот штрих красноречиво свидетельствует о том, как изменилась жизнь. Велосипед, доступный теперь любому подростку, был тогда предметом мечтаний даже для взрослых.

В сельском Доме культуры светились окна — библиотека принимала читателей. Я познакомилась с ее заведующей Еленой Владимировной Корзюковой (в селе много однофамильцев). Она была занята упаковкой книг.

— Книг много. Тесно нам теперь, переезжаем в более просторное помещение, — пояснила она.

Был будничный день. В библиотеку заходили читатели, обменивали книги.

— Много теперь читают, — говорила Елена Владимировна. — Записан в библиотеку и стар и млад: 527 абонементов на 1200 жителей села. А раньше? В церковноприходском четырехклассном училище законоучитель для чтения выдавал Евангелие. В

1915 году четвертый класс окончили всего лишь шестеро детей — четыре мальчика и две девочки. И это — из всех деревень округи.

Теперь учатся все. И читают все, если учесть, что книжку из библиотеки прочитывает вся семья. Читают классику, интересуются книгами по науке. Молодежь зачитывается фантастикой. Часто берут атеистические книги. «Забавная Библия» Лео Таксиля пользуется успехом. Зенона Косидовского читают... Верующих теперь у нас нет. Впрочем, в окошко вижу — идет к нам Екатерина Георгиевна Бутенина, тетя Катя, как все ее зовут, активная наша читательница и помощница. Она еще до сих пор посещает церковь в Москве, на Соколе.

Тетя Катя принесла целую стопку книг, поменяла их и охотно включилась в беседу.

— Историей интересуюсь, домой к библиотекарше, к Елене Владимировне, хожу, у нее книги беру и читаю. Интересно мне, как люди жили... В колхозе работала, 30 лет стажа, бригадиром по молоку была... Да, в церковь езжу. Горя в жизни много было, легче как-то в храме становится. А какие же мы верующие? Постов не соблюдаем, живем как все. Да и священник говорит теперь совсем другое, недавно в проповеди наставлял: «Уважайте старших, любите труд, внушайте детям, чтобы хорошо учились...»

И подумала я, что только по привычке тетя Катя бывает в церкви. Настоящий же ее интерес здесь, в книгах, откуда черпает она знания, истинное представление о людях, их жизни.

В один из приездов в село я еще раз зашла в школу — вернула фотографию, которая снова заняла почетное место в школьном альбоме.

Во время беседы с директором школы Лидией Георгиевной Комиссаровой и завучем Лидией Ивановной Сергеевой в кабинет зашла мать одного из учеников и попросила оформить перевод сына в школу другого района.

Меняется район, прилегающий к селу: возводится новый московский жилой массив — Строгино. Люди покидают ветхие дома, предназначенные на слом, переезжают в новые квартиры.

Но не может не волновать вопрос: как сохранить память о пребывании Ильича в этих местах весной 1922 года? Сейчас в Троице-Лыкове нет даже мемориальной доски, которая запечатлела бы память о днях, прожитых здесь вождем революции. Здесь должен быть поставлен памятник. Места, связанные с жизнью и деятельностью Ленина, священны для нас. Все до одного.

«Крепко жму ваши трудовые, умные руки»

В памяти жителей Троице-Лыкова сохранилась история переписки с Максимом Горьким.

Шел 1934 год. Кто-то из членов недавно созданного колхоза предложил назвать его именем великого пролетарского писателя. Предложение пришлось всем по душе. Колхозники обратились к Алексею Максимовичу и получили его согласие. Вскоре колхозники послали писателю письмо[1].

«Дорогой Алексей Максимович!

Первым долгом мы, колхозники Троице-Лыковского колхоза Кунцевской МТС, шлем Вам, великому писателю Советской земли, нашему другу и учителю, свой горячий, колхозный привет.

С большой радостью мы узнали о Вашем согласии на присвоение колхозу Вашего великого имени. Поверьте нам, Алексей Максимович, что мы своей честной работой на деле оправдаем Ваше доверие и добьемся устранения имеющихся в колхозе недостатков, а их у нас еще немало.

Кратко расскажем Вам о нашей жизни и борьбе за урожай, за зажиточную культурную жизнь, которую мы строим под руководством ленинской партии. В проклятое царское время наша деревня занималась исключительно побочными заработками на стороне. Само крестьянское хозяйство было подсобным и велось оно по старинке.

Радостных дней не видели мы. Утешение видели в пьянке, картежной игре, драках, побоях жен по поговорке: «Жену не бить — она не будет любить». В селе было 3 церкви, трактир, шинки. Сюда шли крестьяне, оставляя здесь свои трудовые деньги. Жирели торговцы, кулачье, попы. Ребятишки росли забитыми...

Только с приходом Советской власти наша деревня почувствовала новую жизнь, а с переходом в колхоз окончательно перестроилась.

Нелегко нам было привыкнуть к коллективному труду. Тянуло на легкие заработки, жило еще глубоко чувство наживы. Да кулацкие элементы, церковники и их подпевалы, пробравшиеся в наши ряды, расшатывали наш колхоз. Вот почему первые два года мы не могли по-настоящему наладить свое хозяйство и только с приходом Политотдела мы окончательно встали на правильный путь...

Теперь колхоз окреп и политически, и хозяйственно. В колхозе 161 хозяйство (в 1929 г. было 11), земли у нас 194 га. За прошлый год оборот дошел до полумиллиона. Делаются зажиточными и колхозники... Растут новые знатные люди колхоза.

Крутов Иван Иванович с группой товарищей организовал колхоз. Вместе с колхозом растет и т. Крутов. Сейчас он руководит колхозом и руководит неплохо.

Сидоровой Марии Васильевне около 60 лет. Во время войны она потеряла мужа, на руках у нее осталось двое детей. Раньше жила впроголодь. Пошла в колхоз. Теперь Сидорова — лучшая ударница, обеспечена продуктами на круглый год, живет с семьей в полном достатке. Ее дочь Настя, активная комсомолка, лучшая производственница.

Забитая девушка — сирота Лиза Соболькова жила в нужде, растила ее мачеха, грамоте не обучалась. Комсомол привлек ее в свои ряды, воспитал. В колхозе научилась грамоте. За ударную работу награждена значком похода за высокий урожай.

Культура все больше входит в наш быт. У нас есть клуб, киноаппарат, читальня, образцовые ясли, площадка. 90 ребят воспитываются в новых условиях, и матери-колхозницы спокойны за их судьбу.

Колхозник, как новый человек в Советской стране, в большинстве своем отошел от церкви, что можно подтвердить фактами. В бывший престольный праздник — троицын день, когда обычно по 3 дня гуляли, у нас в этом году на работу вышли все. На пасху — ни одного прогула.

Так мы боремся за радостную зажиточную жизнь.

В заключение нашего письма мы просим Вас, Алексей Максимович, приехать к нам в наш колхоз, посмотреть нашу жизнь и побеседовать с нами...

С колхозным приветом».

Под письмом — 65 подписей.

[1] Письмо хранится в Архиве А. М. Горького.

Вскоре пришел ответ [2].

«Дорогие друзья мои!

Очень обрадовало меня ваше письмо. Хотя и разнолетки вы — Марии-то Сидоровой под шестьдесят, — а письмо ваше звучит единогласно молодо, как будто хор юношей и девиц пропел его.

Такие письма колхозников, гордых успехами своей работы, омоложенных работой, понимающих, что только коллективный труд действительно освобождает крестьянство от его каторжной жизни в прошлом, — такие славные письма я получаю все чаще, и они меня тоже омолаживают, наполняют силой и желанием сделать для вас все, что умею делать.

В июле месяце появится новый журнал для вас [3]. В нем я буду заочно беседовать с вами о делах прекрасной жизни, которую вы начали строить и скоро построите. А до той поры непременно побываю у вас этим летом. Познакомимся, побеседуем.

До свиданья. Крепко жму ваши трудовые, умные руки. Желаю вам еще больше сил и бодрости душевной.

М. Горький

Алексей Максимович не смог приехать в Троице-Лыково. Но связь с колхозниками этого села не ослабевала до самой его кончины. Старожилы рассказывают, что члены колхоза неоднократно обращались к нему с просьбами и он, предельно занятый и уже тяжело больной, отвечал конкретной помощью. Так, благодаря хлопотам Горького колхоз получил машину-полуторатонку, по тем временам — сокровище бесценное.

С тех пор прошло более 40 лет. Как же сложилась дальнейшая судьба колхозников? Давно нет в живых Марии Сидоровой: когда писалось письмо, ей было уже под шестьдесят. Но помнят люди безотказную труженицу, своим беззаветным трудом она заслужила звание лучшей ударницы, стала жить в полном достатке.

Помнят люди и ее дочь Настю, звеньевую в колхозе. Здоровье у Насти было слабое, но скидок себе не делала, не щадила себя, работала так, что другим была примером. Член бюро комсомольской ячейки села, она и общественную работу вела образцово. За хорошую работу была взята в Кунцевский районный комитет партии, заведовала там библиотекой. До конца жизни жила Настя в селе, и нет человека, который не помянул бы ее добрым словом.

Яркий след по себе оставил Иван Иванович Крутов, один из организаторов колхоза, многолетний его председатель. Разносторонне начитанный, он обладал кругозором, необходимым для руководителя. Сначала был председателем сельского Совета, потом стал во главе колхоза имени Горького. Был избран членом Кунцевского районного комитета партии. При нем колхоз окреп, вышел в передовые.

В начале Великой Отечественной войны ушел Иван Иванович на фронт. Был тяжело ранен и оказался в Московском госпитале. Многие жители ездили навещать его. Но не суждено было поправиться Ивану Ивановичу. В 1944 году, глубоко скорбя, все село торжественно проводило первого и бессменного председателя колхоза на свое сельское кладбище...

В 1968 году, в 100-летнюю годовщину со дня рождения Максима Горького, в школе был торжественный вечер. Ученики принесли первые фиалки и убрали ими портрет Алексея Максимовича. На вечер пришли почти все жители Троице-Лыкова, было много молодежи. Из Москвы приехали внучка писателя и жена его сына.

В глубокой тишине ученица Лиза Зуева прочитала наизусть письмо Горького здешним колхозникам. И когда прозвучали слова «Крепко жму ваши трудовые, умные руки», — дружными, горячими аплодисментами ответил переполненный зал на это прекрасное, волнующее приветствие.

В. СЕРГЕЕВА

[2] Письмо А. М. Горького было напечатано 20 июня 1934 г. в газетах «Социалистическое земледелие» и «Литературная газета», оно опубликовано в 27-м томе его сочинений (М., 1953, стр. 280).
[3] Речь идет о журнале «Колхозник».

В каждом деле и в сердце каждом...

Экспозиция Центрального музея Владимира Ильича Ленина, экспонаты которой рассказывают о том, какой любовью и уважением среди трудового народа пользовался Владимир Ильич при жизни и как продолжают жить эти чувства не только в сердцах советских людей, но и в любом уголке нашей планеты, постоянно привлекает внимание всех, кто приходит в музей.

За стеклом одной из витрин зала «Подарки трудящихся В. И. Ленину» выставлены два узбекских халата, которые, как вспоминает Л. А. Фотиева, несколько раз надевал Владимир Ильич. Рядом — памятные кубки, изделия из стекла и фарфора, предметы домашнего быта, произведения прикладного искусства.

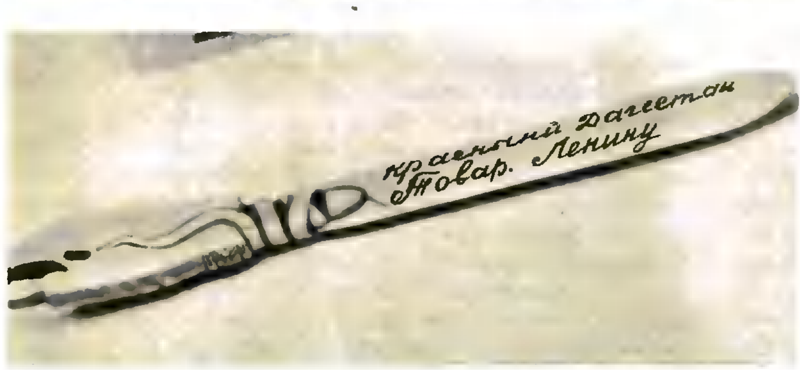
Логическим продолжением этой экспозиции становится следующий зал — «Образ В. И. Ленина в произведениях народного творчества». Руками народных умельцев созданы поистине уникальные произведения: портреты В. И. Ленина из перьев птиц, из зерен гороха, риса и чечевицы, вышитые шелком панно и гобелены, вырезанные из дерева и камня композиции, отражающие образ близкого каждому человека и воплощение его бессмертных идей.

Некоторые из этих экспонатов представлены на 2-й странице обложки.

Макет дома, в котором проходил I-й съезд РСДРП в Минске.

Костяной нож для бумаги (Дагестан).

Фото А. Казимирова.

Узбекские халаты. Подарок В. И. Ленину.

Фарфоровые тарелки. Подарок Ленину от работников Нарпита. 1918 г.

Чашка с блюдцем и сахарница. Подарок от рабочих Барановского фарфорового завода. 22 ноября 1922 г.

У. Е. Темиров.

УБЕЖДАЕТ САМА НАША ЖИЗНЬ

Какие черты в жизни аулов и станиц Карачаево-Черкесии, автономной области на Северном Кавказе, наиболее характерны сегодня, как они влияют на окончательное преодоление религиозных пережитков? Наш специальный корреспондент О. Брушлинская попросила второго секретаря Карачаево-Черкесского обкома КПСС кандидата экономических наук Умара Ереджибовича ТЕМИРОВА рассказать об этом читателям журнала.

В одной из заграничных поездок я читал лекцию о социалистических преобразованиях в советском селе, о том, как в обществе развитого социализма решены крестьянские проблемы — социальные и экономические. Все, что я рассказал, было для меня обычным — наша жизнь, наш труд и заботы, реальные перспективы. Но мои слушатели отнеслись к лекции с таким горячим интересом, в их реакции было столько удивления, восхищения, а то и недоверия, что я с новой силой ощутил гигантские масштабы перемен, происшедших за годы Советской власти и в экономике, и в сознании и бытии наших крестьян.

Естественно, рассказывал и о своем родном крае — о Карачаево-Черкесии. В наших аулах и станицах происходят те же социально-экономические процессы, что и во всей стране. Колхозы и совхозы области превратились за годы последних пятилеток в комплексные механизированные хозяйства. В корне изменились содержание и характер крестьянского труда, — изменилась и складывавшаяся веками психология скотовода и земледельца. Сегодня в Советской стране труд сельского труженика все больше приближается по своему характеру к труду рабочего, нет принципиальных различий и между материальной и духовной жизнью города и села.

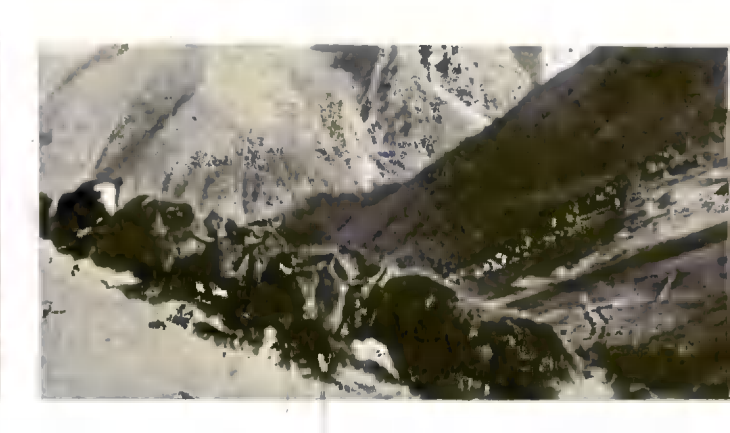
И хотя есть еще у нас на селе и в экономике, и в культуре немало нерешенных проблем, именно на примерах его жизни особенно ярко видны великие завоевания социализма. И самые примечательные, необратимые перемены произошли в духовном облике людей, в их мировоззрении, в отношении к труду, к обществу, в их взаимоотношениях, в жизненной ориентации. Сегодня в сознании, поведении, быте сельских тружеников проявляются все черты сложившегося в нашей стране нового, социалистического образа жизни.

Взгляд в прошлое помогает сильнее почувствовать эти перемены. Совсем недавно, в конце двадцатых — начале тридцатых годов, в аулах и станицах Карачая и Черкесии появились первые трактора. И хотя их было очень мало даже для тех пока еще небольших площадей земли, которые намечено было возделывать сообща, это была реальная, ощутимая помощь горским крестьянам. Но горцы веками привыкли уповать лишь на волю Аллаха и сразу не могли еще поверить в то, что Советская власть заботится о них и теперь, при поддержке всей страны, они сами активно должны взяться за устройство своей судьбы.

И вот что часто происходило: эфенди именем Аллаха стращал людей, твердил, что шариат запрещает есть то, что вырастет на земле, возделанной «дьявольской» машиной. И горцы в страхе перед божьим наказанием собирали все тягло, что было в ауле, и тайно, ночью вспахивали свои поля — чтобы «оградить» урожай от трактора. Самые примитивные орудия труда были тогда у них, да и того не хватало: на 100 дворов — один плуг, на 127 крестьянских семей — одна сеялка. Но доходило иной раз и до того, что прогоняли тракториста из

Уборка урожая в колхозе «Путь Ильича».

На горных пастбищах.

аула. На первых порах строительства социализма приходилось преодолевать не только техническую отсталость, но и психологию людей. И это было, пожалуй, не легче.

Многие не верили вначале и тому, что сделанное их руками будет принадлежать им. Труд их прежде всегда был подневольным, рабским, результаты его присваивали те, кому принадлежала земля, — помещики, князья. Эфенди читал им из Корана, что Аллах дал одним преимущества над другими. И горцы видели, что это на самом деле так. У 126 карачаевских помещиков, например, было 240 тысяч десятин земли, а у 40 тысяч крестьян — чуть больше 200 тысяч десятин. Две трети горцев в нашем крае совсем не имели земли. Харун Ахмаков, например, до Советской власти батрачил у помещика 15 лет по 18 часов в сутки — только за крышу над головой и скудную еду, а в конце года ему давали одну овцу, чтобы на вырученные деньги он мог купить себе одежду. Исхак Матакаев батрачил 35 лет за полтора пуда проса в год.

«Каждый за себя, один бог за всех» — этот нравственный закон продолжал жить в сознании даже тогда, когда менялись социальные условия, породившие его. Однако шло время — и стало сбываться гениальное предвидение Ленина о радости и эффективности коллективного труда, который сыграл решающую роль и в изменении психологии крестьянства. Менялись не только объективные условия, но «и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности» * — это положение К. Маркса подтвердилось всем ходом строительства социализма.

Возьмем хотя бы те же трактора. В небольшой нашей области их сейчас 3800, комбайнов — 1500 на 14 колхозов и 39 совхозов. Сегодня без техники крестьянин не мыслит своей жизни. Эфенди давно уже не вмешиваются в сферу труда, и даже глубоко верующим людям (а такие у нас еще есть) не приходит в голову считать хлеб, выращенный с помощью машин, греховным. Можно сказать, из сферы материального производства, из трудовых процессов религиозные представления ушли полностью.

Именно в труде наиболее ярко проявляются такие черты социалистического образа жизни, как коллективизм, товарищество, взаимопомощь. Свободный труд сыграл решающую роль в нравственном и духовном развитии людей, в том, что религия или совсем вытеснена из сознания сельского труженика, или оттеснена на задний план. И если какая-то часть населения у нас верит еще в Аллаха, все равно на первом месте у верующего, за редким исключением, стоят земные заботы — его бригада, звено, ферма, и он, сам того не сознавая, по сути дела, отошел от одного из главных требований ислама: меньше думать о делах «здешних», больше — о потусторонней жизни. Даже те, кто достиг «возраста Мухаммеда» — 63 лет, продолжают активно трудиться, вместо того чтобы проводить время в молитвах, готовиться к встрече с Аллахом. Видно, теперь и верующие не так уж боятся его гнева.

Нашему обществу не безразлична судьба каждого человека — и человек думает не только о личном благе, но прежде всего об общественном. Чаще всего они для него неразрывны. В аулах и станицах Карачаево-Черкесии, как и во всей стране, это стало законом жизни. Люди работают вдохновенно, ищут пути повышения производительности труда. Вот, к примеру, звено Мухтара Ашибокова из колхоза имени Ленина Адыге-Хабльского района вырастило по 500 центнеров свеклы с гектара на площади 85 гектаров. Чтобы нагляднее представить себе этот показатель, скажу: до этого урожай 450 центнеров, собранный в колхозе «Путь Ильича», был лучшим в области, а урожай по 300—350 центнеров справедливо считается хорошим.

Ашибоков — талантливый человек. У него много последователей, он их не только учит своему делу, но и воспитывает у них любовь к труду, к земле. «Коль живешь на свете, трудись от души!» — говорит он молодым. Он доказывает собственным примером, что работы по выращиванию свеклы можно максимально механизировать, несмотря на сложности рельефа, мешающие машинам.

Ощущение важности своего дела, его необходимости для блага всех служит хорошим стимулом трудовых достижений. С несколькими помощниками трудится высоко в горах чабан Борис Долаев, далеко от городов и аулов проводит он большую часть своей жизни, но, я уверен, у него ни разу не возникло ощущение оторванности от людей. Страна знает о нем, высоко ценит его заслуги — об этом рассказывают ордена Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции, которые надевает он в те редкие дни, когда приезжает в город на совещание передовиков или по поводу какого-нибудь торжественного события. Чабан Долаев прославился тем, что научился сохранять от каждых ста овец по 130 ягнят, а средняя норма — 90.

Надо сказать, что чабаны у нас в области даже на отдаленных пастбищах живут в неплохих условиях. У них есть радиоприемники, им доставляют газеты, книги, они знают все новости области и страны. Да и сами могут о своем труде людям рассказать — областные газеты с радостью напечатают выступление такого чабана, как Долаев и его товарищи. Колхозы постоянно заботятся о них, стараются сделать лучше их быт, облегчить условия труда. Когда бываешь на горных пастбищах, невольно вспоминаются впечатления писателя А. Серафимовича, посетившего наши края в 1927 году. Уже тогда он нашел здесь ростки нового, но все же бедность и невежество скотоводов поразили его: «На два-три месяца они сюда поднимаются со стадами. Если внизу, в ущелье, живут, думают, родятся, умирают полудикарски, то здесь жизнь совершенно дикарская. Отрезаны от всего. Безграмотны. Только трава, небо, снега, да скот, да дикие звери...» Сравниваешь эту картину с современной жизнью, и кажется, что не 50 лет прошли — века.

Когда идет речь о преображающей силе социалистического труда, не могу не вспомнить доярку Зухру Байрамкулову, Героя Социалистического Труда, делегата XXV съезда КПСС, депутата Верховного Совета СССР. В ее судьбе воплощены, по сути, и чудесное преображение труженика при социализ-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 483—484.

Абубекир Даднмович Аргунов.

ме, и пути решения у нас женской проблемы. Приведу лишь несколько строк из ее биографии.

В животноводство Зухра Абдурахмановна пришла со стройки, откуда «перетянул» ее директор совхоза «Учкекенский», талантливый хозяйственник Салис Борлаков, когда увидел, как ловко и увлеченно трудится девушка. Через несколько лет Зухра стала лучшей дояркой в совхозе. Шло время, оснащались техникой фермы, ученые создали хорошие рационы для коров. Передовым опытом быстро овладевала Зухра Байрамкулова, росло ее мастерство. За девятую пятилетку она выполнила два пятилетних задания. Но круг ее забот не ограничен фермой. Она активно участвует в решении и совхозных дел, и государственных. И во всем, что она делает, видна уверенность в своих силах, в своей судьбе.

Умелыми и трудолюбивыми горянки были всегда. Их золотые руки издавна славятся в песнях. Но прежде трудились они за глухим забором своего дома, а если и ткали ковры на продажу, катали бурки, искусно вышивали золотом одежду, то все равно оставались безвестными, жизнь их лучше не становилась. Бывает, еще и сегодня старые обычаи, религиозные пережитки могут влиять на судьбу женщины, но, как правило, это случается, когда она не вовлечена в общественный труд, редко бывает на людях, не имеет поддержки товарищей, коллектива.

Я рассказал о трех тружениках нашей области, а мог бы привести десятки, сотни судеб, на примере которых видно, как труд при социализме раскрывает творческие возможности личности, как духовно обогащает человека, делает его нравственно здоровым, формирует активную жизненную позицию. А чувство причастности к общему делу, трудовые успехи, признание заслуг дают людям хорошую нравственную и идеологическую закалку, создают иммунитет против чуждых влияний, помогают преодолевать различные пережитки прошлого.

Социалистический труд определяет и облик сел Карачаево-Черкесии, и их духовную жизнь. Наши аулы приобретают все больше городских черт. Поезжайте в любой, пусть он будет рядом со столицей области — Черкесском — или далеко в горах, вы увидите, везде больше новых добротных домов, чем старых. Дома кирпичные, построенные основательно, в несколько комнат. На железных крышах — антенны, редкая семья живет сейчас без телевизора. На главной улице с асфальтированными тротуарами — универмаг, дом связи, дом быта. Школы в большинстве аулов новые. В каждом районе есть Дворец культуры. Люди одеты по-городскому — у нас любят красиво одеваться. Обычай требует, чтобы на голове женщины была косынка. Девушки научились соблюдать его так, что косынка (конечно, самой модной расцветки) не закрывает волосы, а лишь украшает их.

Много в аулах приезжих, особенно в тех местах, что поближе к горам. Это наши туристы или иностранные гости. Да и сами горцы часто навещают другие места, ездят мир посмотреть. Для дедов и отцов путешествие в станицу Баталпашинскую (так раньше назывался Черкесск) или в Ставрополь было событием, сегодня горцы обычной считают поездку не только в Москву, но и за границу.

Когда оцениваешь то, что имеем мы сегодня, невольно опять вспомнишь старое. Замкнуто жили раньше мусульманские общины, отгорожены были от мира и своим отношением к иноверцам, и отношением «неверных» к ним. Да и вечные нужда, заботы не давали, как говорится, в гору взглянуть. И, конечно, ни в какое сравнение не идет с тем, что было прежде, уровень благосостояния людей. Чтобы не приводить многих цифр, скажу об одном колхозе — «Путь Ильича» Хабезского района.

28 колхозников здесь имеют личные автомашины, а 168 хотели бы их купить прямо сегодня. За последние 15 лет три четверти колхозников построили новые дома. Средняя зарплата доярок — 350 рублей в месяц. Условия быта тут мало чем отличаются от городских. Конечно, везде есть электричество, почти во всех аулах водопровод. А председатель колхоза Абубекир Дадимович Аргунов мечтает сделать в ближайшее время колхозникам еще один подарок — провести в их дома природный газ, для отопления и чтобы еду готовить.

Все, что хотел сделать для людей Абубекир Дадимович за те 36 лет, что он на посту председателя, всегда осуществлял. Сначала мечтал просто досыта накормить всех, теперь вот мечтает поскорее закончить строительство Дворца культуры с музыкальной школой, разбить парк отдыха за рекой и непременно, чтобы газ был в домах, чтобы легче жилось женщинам. Этот колхоз и его председатель заслуживают специального разговора. Сейчас я хочу сказать о том, как обстоит дело с образованием на селе, и поэтому еще упомяну, что в колхозе «Путь Ильича», где в производстве занято 1800 человек, работают 38 специалистов с высшим образованием, а из аула Кош-Хабль, входящего в этот колхоз, вышли четыре кандидата наук. Учреждена колхозная стипендия для учебы в университете.

Сегодня в Карачаево-Черкесии практически нет неграмотных (исключая немногих стариков). И здесь не обойдусь без экскурса в прошлое. До 1917 года

наши горцы не имели своей национальной письменности. Историю составляли устные рассказы стариков, песни сказителей. Грамота — в основном арабская — была достоянием князей и мулл, а Коран был единственной книгой в доме горца, но читать ее он не умел. Еще в 1923 году председатели исполкомов аульных Советов вместо подписи на документах нередко ставили именной мухур — печать. А эфенди твердили, что учиться языку «неверных» — русскому — грех.

И тем не менее первыми учителями карачаевцев, черкесов, ногайцев, абазинов и других малых народностей нашего края стали русские. Они пришли в наши аулы, чтобы просветить горцев, работали самоотверженно, учили не только грамматике и арифметике, но и новой жизни. Учителя разъясняли детям и взрослым на занятиях ликбеза, что такое колхозы, что дадут они крестьянину. Они породили и первые сомнения в истинности религиозных поучений, открывали горцам большой мир, жизнь других народов.

Учителя делились с учениками едой, одеждой, ходили по домам, уговаривали детей и родителей учиться. Но не сразу пришло к ним признание. Сакля горца всегда открыта для гостей, а перед учителями нередко в те годы захлопывали двери — неслыханное дело, но страх перед наказанием Аллаха был сильнее. Постепенно приходило доверие — вместе с экономическими преобразованиями, с социальными изменениями, благодаря которым горцы убеждались, что Советская власть — своя, народная и все, что идет из России, несет им добро. Появились и местные учителя, росло число учеников.

Сегодня нет колхоза без средней школы, а преподают в них в основном местные — те, кто окончил эту же школу, а потом институт. Народы нашего края получили свою письменность, их языки развиваются, на них создаются прекрасные литературные произведения. Но я хочу особо отметить, что у наших народов живет сильная тяга к русскому языку. Этому есть много причин. Главное, мне кажется, в том, что мы видим в нем символ братства и дружбы всех советских людей. Думаю, очень верно написала в одной из своих книг наша поэтесса Халимат Байрамукова: «Если мы (Карачаево-Черкесия) сегодня получили орден Дружбы народов, то в этом великая заслуга русского языка, объединившего народы нашей страны в дружную семью». Преображение Карачаево-Черкесии, бурный рост ее промышленности, сельского хозяйства, культуры, а главное рост сознания людей — это результат осуществления ленинской национальной политики, братского содружества советских людей.

Книги для высокогорных пастбищ.

Интернационализм — одна из ярких черт жизни Карачаево-Черкесии. Это норма отношений и в трудовых коллективах, и в личной жизни, в быту. Прежде всего он проявляется в главном — в труде. Без духовного единства, без добрых отношений между представителями всех национальностей и народностей (а их у нас в области 92) невозможен был бы успешный труд в колхозах, совхозах. Например, в колхозе «Кубань» рука об руку трудятся жители абазинского аула Псыж, русского села Садовое, карачаевского поселка Заречный и села Дружба, где представлены 10 национальностей. Это — одно из лучших хозяйств в области, здесь высок уровень благосостояния, люди живут интересно, много интеллигенции, хорошая художественная самодеятельность. То же можно сказать и о колхозе имени Кирова, объединившем русское, абазинское, греческое и черкесское села.

Утверждение интернационализма в сознании людей — одно из самых важных завоеваний социализма. Он пронизал всю нашу жизнь. Обычным делом стали браки между людьми разных национальностей. Рассказывают у нас такую историю. Четыре сына карачаевки женились на русской, черкешенке, осетинке и лезгинке. Сначала мать схватилась за голову: что же будет в доме, она не знает ни одного из языков своих невесток, как ими управлять, у них и обычаи другие, свои. Но у всех народов есть много общих прекрасных обычаев — трудиться честно, уважать чувства друг друга, относиться к старым со вниманием. Собственно, это и есть главные обычаи, которые надо беречь. И все хорошо устроилось в этом доме, где соблюдались такие обычаи. А когда каждая невестка на своем языке сказала матери мужа, что любит ее, как свою мать, свекровь прекрасно их поняла. Вечерами все пять женщин — старая и молодые стали учить языки, мать — русский, невестки — карачаевский.

Сегодня в наших селах даже верующие не помнят заповеди Корана, запрещающей брать себе в друзья «неверных». Ислам, чтобы выжить, мирится со многими новшествами или имеет в запасе подходящее к моменту поучение. А интернационализм, несомненно, несет в себе и большой атеистический потенциал, делает людей духовно богаче, взгляд их на мир шире и тем самым еще более сужает сферу, в которой действуют религиозные представления. Какую бы сторону жизни сельских тружеников ни взять, она по своему содержанию атеистична, самим своим существованием отрицает религию, показывает несоответствие этой идеологии нашему образу жизни — от коллективного труда до обычных добрых отношений между людьми.

В развитом социалистическом обществе созданы объективные условия для полного преодоления религии. Однако она еще порой дает о себе знать. В наших аулах и станицах, как я рассказывал, без-

условно определяющим в жизни людей является научное миропонимание. Религия не играет сколько-нибудь существенной роли в главных жизненных событиях, делах, но судьбами отдельных людей, случается, еще распоряжается. Оживает она в соблюдении религиозных обычаев, часто за счет того, что люди считают их национальными. Это значит, что мы еще не учитываем каких-то субъективных факторов, не помогаем преодолевать старое.

И если какая-то часть женщин у нас страдает от того, что в их жизнь вторгаются религиозные законы, или если они сами еще воспитывают детей в духе религии, значит, скорее всего, они в стороне от общественного производства, мимо них прошли наши пропагандисты или им не хватает человеческого участия. Если старик, который в молодости разоблачал религию, мулл и эфенди, вдруг начинает посещать мечеть, то скорее всего это значит, что он после выхода на пенсию остался не у дел, без должного общения с людьми. И, возможно. был бы в ауле клуб по интересам или какое-то светское место, где собирались бы для душевного разговора пожилые люди, не образовалась бы пустота в духовной жизни, не потянуло бы его в мечеть.

Все мы знаем такое явление нашей жизни, как «шефство над селом». Название его можно оставить, а содержание, по-моему, надо изменить. Шефы должны активнее обогащать именно духовную жизнь села, нести в нее интересное, и не формально. Такое шефство эффективно скажется на успехах сельских тружеников, на их духовной жизни, обогатит их знания и несомненно будет нести и атеистический заряд.

Недалеко от станицы Зеленчукской находится, как известно, Астрофизическая обсерватория Академии наук СССР с уникальным телескопом, о ней все слышали и читали. Там работают замечательные люди, ученые, инженеры. Близость такого центра благотворно сказывается на духовном климате станицы, общение с людьми науки, которые изучают небо, проникают в его тайны, порождает у людей атеистические представления.

Еще хочется сказать о такой стороне жизни нашего села, как праздники. В аулах, станицах очень много бывает этих событий — общих и семейных. Празднуют первую борозду или конец уборочной, свадьбу или рождение ребенка, призыв в армию, возвращение из путешествия, награждение орденом, присуждение грамоты, первый шаг ребенка, окончание строительства дома. И вот некоторые из этих праздников до сих пор включают в себя кое-какие религиозные элементы, которые давно потеряли смысл и прежнюю силу, но держатся традиционно, силой инерции. Соблюдают иногда обряды, порожденные исламом, причем даже люди неверующие. Можем ли мы не обращать на это внимания, полагаясь лишь на действие объективных условий социалистического общества? Конечно, нет.

Победительницы международного конкурса стригалей, проводившегося в области.

Международный аукцион в Учкекене

Горянки — участницы народного ансамбля

Мы организуем пропагандистскую работу, создаем народные университеты и лектории, стараемся влиять на тех, кто еще находится в плену религиозной идеологии. Сама наша жизнь подсказывает нам новые обряды, каких не было раньше. Кое-где удаются хорошо комсомольские свадьбы, праздники регистрации ребенка. Но поиск более удачных форм надо продолжать.

Жизнь сельских тружеников Карачаево-Черкесии богата и разнообразна. Все ее стороны, характерные черты опровергают религиозную идеологию и неуклонно воздействуют на сознание и психологию тех, кто еще не избавился от ее влияния, утверждают научное мировоззрение. Процесс этот необратим.

ВАЖНЕЙШЕЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ ПАРТИИ

Как известно, в марте этого года было опубликовано постановление ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды». Много места в нем было уделено деятельности общества «Знание». Состоявшийся в апреле этого года объединенный пленум правлений Всесоюзного общества «Знание» и общества «Знание» РСФСР наметил конкретные меры по реализации задач, поставленных Центральным Комитетом партии.

Важное место в выполнении постановления ЦК КПСС отводится повышению качества и эффективности лекционной пропаганды. Редакция планирует систематически публиковать материалы о ходе этой работы, о деятельности лекторов-атеистов, об опыте лучших пропагандистов и производственных коллективов в коммунистическом воспитании трудящихся, о действенности различных форм пропаганды атеизма, о роли трудового, нравственного, патриотического, интернационального воспитания в формировании научного, материалистического мировоззрения и активной жизненной позиции и т. п.

Наш корреспондент обратился к заместителю председателя правления Всесоюзного общества «Знание» кандидату исторических наук В. П. Маслину с просьбой рассказать, какие задачи решает сейчас Общество в связи с постановлением ЦК КПСС.

— Какое место занимает сегодня лекционная пропаганда в духовной жизни советских людей?

— Центральный Комитет партии в постановлении «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды» отметил, что она «прочно вошла в духовную жизнь страны, превратилась в действенный фактор формирования научного мировоззрения, активной жизненной позиции, высоких идейно-политических и нравственных качеств советских людей, играет важную роль в повышении эффективности производства и качества работы».

Тридцатилетний опыт общества «Знание» убедительно подтверждает это положение. Лекционная пропаганда — испытанный канал, через который осуществляются живые контакты широких масс трудящихся с руководящими кадрами, учеными, специалистами, деятелями культуры и искусства. Она отличается четкостью, мобильностью, многообразием форм, что позволяет полнее учитывать интересы самых различных слоев и групп населения, их общеобразовательный уровень и степень политической подготовленности.

Нередко можно слышать: в наше время, отмеченное небывалыми масштабами и темпами развития средств массовой информации — печати, радио, телевидения, — лектор, лекционная пропаганда отходят на второй план. Жизнь, практика идеологической работы решительно отвергают эти утверждения. Не умаляя нисколько роль средств массовой информации, силу их воздействия, нельзя не признать: они все же не могут заменить живого слова, непосредственных контактов между людьми. Отношения лектора и слушателя — это путь к познанию не с односторонним движением, а сложный процесс взаимного обогащения, духовного общения — по сути, коллективный поиск правильного решения вопросов. И не случайно в лекционной пропаганде особо широкое развитие получают сегодня такие ее активные формы, как вечера вопросов и ответов, устные журналы, диспуты, конференции и т. п.

В докладе на торжественном заседании в Кремле, посвященном 60-летию Великого Октября, Леонид Ильич Брежнев к числу выдающихся достижений социализма отнес историческую встречу труда и культуры. Это уникальное по своим масштабам и социальным последствиям явление состоит не только в союзе науки и производства, в подлинной народности нашей литературы и искусства, в массовом развитии технического и художественного творчества трудящихся, но и в благородном движении советской интеллигенции под девизом: «Знания — народу».

Сейчас трудно представить духовную жизнь нашей страны без «академии миллионов», какой стало общество «Знание», без десятков тысяч проводимых ею ежедневно лекций и бесед по различным вопросам политики и экономики, науки и культуры, без десятков миллионов ежегодно издаваемых Обществом научно-популярных книг и брошюр, без народных университетов — своеобразных общественных учебных заведений, в которых находят много интересного «и стар и млад», рабочий и инженер, механизатор и агроном, учитель, врач, домашняя хозяйка без лекториев, устных журналов и других форм массовой пропаганды. Деятельность Общества стала важной составной частью советского образа жизни, мощным фактором роста интеллектуального потенциала страны, активной формой приобщения интеллигенции к пропаганде знаний среди широких масс, к воспитанию нового человека.

— Что сейчас предпринимается обществом «Знание» для практического осуществления постановления ЦК КПСС по лекционной пропаганде?

— В этом постановлении дается высокая оценка деятельности Всесоюзного общества «Знание», ставшего важным звеном в системе идеологической работы, активным помощником партии в коммунистическом воспитании трудящихся.

Ныне Общество объединяет в своих рядах 3 миллиона 200 тысяч ученых, преподавателей вузов, специалистов народного хозяйства, руководящих работников государственных и общественных организаций, деятелей культуры. Значительно выросли масштабы его деятельности, повысились качество и эффективность пропаганды знаний, более

разнообразными стали ее формы. Постоянно расширяется диапазон тематической направленности. Лекционная пропаганда носит теперь поистине энциклопедический характер, охватывает практически все области политики и экономики, науки и культуры, техники и производственного опыта. Она стала ближе к жизни, делам и заботам людей, трудовых коллективов.

Вместе с тем отмеченные в постановлении ЦК КПСС существенные недостатки в лекционной пропаганде в полной мере относятся и к деятельности Всесоюзного общества «Знание».

Многие организации Общества недостаточно полно учитывают современные требования жизни, не уделяют должного внимания назревшим вопросам. Качественное совершенствование лекционной пропаганды еще отстает от ее количественного роста, ей порой недостает оперативности и действенности. Тематика выступлений нередко определяется имеющимися уже готовыми лекциями и сложившимся кругом лекторов. Далеко не всегда ярка и убедительна пропаганда достижений реального социализма, его коренных преимуществ перед капитализмом, не везде еще конкретно и целенаправленно ведется пропаганда достижений науки, техники и передового опыта.

Существенные недостатки имеются в подборе и подготовке лекторов. Как известно, лекционная пропаганда — эффективное средство изучения и формирования общественного мнения, между тем ее возможности здесь используются не полностью. Организации Общества порой также недостаточно глубоко изучают состав аудитории, запросы и интересы слушателей.

Центральный Комитет партии в своем постановлении указал нам развернутую программу по дальнейшему совершенствованию лекционной пропаганды, повышению ее роли в решении задач коммунистического строительства. Она в настоящее время призвана в еще большей степени служить воспитанию у советских людей высокой идейности, культуры, гражданской ответственности, коммунистического отношения к труду, нравственной чистоты, советского патриотизма и интернационализма, готовности к защите Родины. Необходимо полнее и активнее использовать силу слова в борьбе с отжившими и чуждыми советскому обществу пережитками, взглядами и нравами, с проявлениями мещанской психологии и морали.

Особое внимание обращено при этом на повышение качества и эффективности лекционной пропаганды. Она должна вестись систематически во всех коллективах, быть глубоко научной по содержанию и яркой по форме, непримиримой и наступательной в борьбе с буржуазной, маоистской и ревизионистской идеологией, давать исчерпывающие ответы на важные и острые вопросы. Лекция, как и любое пропагандистское выступление, не только несет информацию, но и выполняет организаторские и воспитательные функции.

Организациям Общества предстоит еще немало сделать для того, чтобы обеспечить глубокие качественные изменения в содержании лекционной пропаганды, шире внедрять научные основы в ее организацию, повысить ее действенность и эффективность. Более активно следует здесь практиковать текущее и перспективное планирование, причем сделать эти планы составной частью комплексных планов идеологической работы и социального развития трудовых коллективов и регионов.

— Что в связи с постановлением ЦК КПСС предстоит сделать организациям Общества в области научно-атеистической пропаганды?

— В постановлении ЦК КПСС подчеркнуто, что лекционная пропаганда — действенный фактор формирования научного мировоззрения, активной жизненной позиции, высоких идейно-политических и нравственных качеств советских людей. Важнейшей составной частью этой работы является пропаганда атеизма.

Надо отметить, что внимание организаций Общества к этому сложному участку идеологической работы в последнее время значительно усилилось. Вырос объем, произошли качественные изменения в содержании пропаганды научного атеизма, разнообразнее и интереснее стали ее формы и методы. Так, в 1977 году прочитано около миллиона лекций по этой тематике, на них присутствовали 50 миллионов человек. В стране действуют 1400 народных университетов и факультетов научного атеизма, в которых обучаются около 120 тысяч человек.

Атеистическая пропаганда стала проводиться более целеустремленно и эффективно. На Украине, в Литве, Латвии, Молдавии, в Ставропольском крае, Московской, Калужской и других областях и республиках разработаны комплексные планы, входящие составной частью в перспективные планы атеистической работы партийных комитетов. Более тесно атеистическое воспитание связывается теперь с трудовым, нравственным, интернациональным и другими направлениями воспитательной работы. Больше внимания обращается на усиление мировоззренческой направленности пропаганды новейших достижений фундаментальных наук, космонавтики, научно-технической революции в целом.

Многие организации Общества умело используют пропаганду новой Конституции СССР для разъяснения марксистско-ленинского понимания свободы совести, ее практического осуществления в нашей стране, для критики буржуазных идеологов, фальсифицирующих политику партии и Советского государства в отношении религии и церкви.

При всем этом, однако, выдвинутая в постановлении ЦК КПСС главная, ключевая задача — повышение качества и эффективности лекционной пропаганды — пожалуй, в большей мере, чем к другим областям пропаганды, относится к пропаганде научного атеизма. Ее решение требует дальнейшего углубления теоретического уровня, улучшения организации, неустанного творческого поиска.

Весьма важно полнее использовать огромные возможности слова лектора для создания повсеместно, прежде всего в трудовых коллективах, атеистического общественного мнения, для формирования у каждого советского человека активной жизненной позиции. Для этого также следует более широко, комплексно подходить к атеистическому воспитанию трудящихся, теснее связывать его с другим

направлениями воспитательной работы, полнее учитывать специфику и особенности различных групп населения.

В связи с тем что проблемы атеизма и религии занимают одно из центральных мест в обострившейся в современных условиях идеологической борьбе, необходимо значительно усилить наступательность и аргументированность критики буржуазных фальсификаций положения религии и церкви в СССР, более широко в этих целях использовать Конституцию СССР и конституции союзных республик.

В наши дни в науке происходят крупные революционные изменения, идет быстрое накопление новых фактов, поражающих воображение и зачастую не поддающихся объяснению с точки зрения привычных представлений. Идейная борьба вокруг истолкования новейших достижений науки требует углубления философского аспекта естественнонаучной пропаганды. И вообще очень важно, чтобы каждая лекция по любой отрасли знаний несла определенную мировоззренческую нагрузку, чтобы диалектико-материалистическое осмысление излагаемого материала было неотъемлемой частью всякого выступления лектора.

И еще один аспект этой проблемы. Поразительные достижения современной науки нередко порождают у людей несведущих излишнюю доверчивость к сведениям совсем уже невероятным, не имеющим к науке никакого отношения. К сожалению, находятся отдельные люди, которые с серьезным видом распространяют дешевые сенсации, спекулируя на авторитете науки. А это не только дискредитирует саму науку, но и порождает нередко мировоззренческую слепоту, идеалистические представления, даже мистику. Долг пропагандистов научных знаний — давать отпор подобного рода спекуляциям.

Как показывает практика, в дальнейшем улучшении нуждается организация атеистической пропаганды в трудовых коллективах. Причем тут в особой заботе нуждаются предприятия сферы обслуживания, строительства и транспорта, а также население отдельных районов и коллективы новостроек. Больше внимания мы должны также уделять таким группам населения, как пенсионеры, домохозяйки, которые лишены постоянного воспитательного воздействия коллектива.

В атеистическом воспитании следует полнее использовать возможности народных университетов. Представляется целесообразным включить темы по научному атеизму в программу народных университетов культуры, здоровья, педагогических знаний.

В коротком интервью просто невозможно достаточно исчерпывающе рассказать обо всем, что сейчас предстоит сделать в сфере атеистического воспитания пропагандистам Общества. Думаю, это актуальная тема для многих выступлений журнала.

— В постановлении ЦК КПСС говорится также и об улучшении печатной пропаганды знаний. Что в связи с этим будет сделано в обществе «Знание»?

То, что в постановлении ЦК КПСС большое место заняли вопросы, связанные с изданием научно-популярных книг, брошюр и методической литературы в помощь лектору, не случайно. Ведь устная и печатная пропаганда неразрывно связаны, дополняют и обогащают друг друга.

Следует отметить, что тенденция роста масштабов и углубление дифференциации тематической направленности лекционной пропаганды Общества характерна и для его печатных изданий. Так, ежегодный выпуск научно-популярной литературы у нас за последние 10 лет увеличился на 30 миллионов экземпляров и составляет ныне более 120 миллионов. Почти вдвое выросло число подписных серий цикла «Новое в жизни, науке, технике». Большой объем научной информации содержат такие фундаментальные издания, как международные ежегодники «Наука и человечество», «Будущее науки», а также справочник лектора «Наука сегодня». Постоянно растет спрос на научно-популярные журналы Общества. В последние годы значительно больше внимания уделяется выпуску методической литературы в помощь лектору.

Однако эти успехи отнюдь не могут заслонить недостатки в области печатной пропаганды. Нередко еще встречаются книги и брошюры, отличающиеся сухим, бесстрастным стилем изложения, невысоким научным уровнем. Издательство «Знание» и некоторые журналы Общества не всегда учитывают запросы лекторов.

Мы должны добиться резкого улучшения качества научно-популярной литературы, обеспечить актуализацию тематики, высокий идейно-политический уровень публикуемых материалов, оперативнее откликаться на важнейшие события внутренней и международной жизни. Особое внимание должно быть обращено на литературу в помощь лектору.

Правление Всесоюзного общества «Знание», выполняя указания ЦК КПСС, принимает совместно с Госкомиздатом СССР меры для решения этих задач. В частности, разработано положение о конкурсе на создание лучших произведений научно-популярной литературы. В ходе его, как мы надеемся, к этому трудному жанру будет привлечено внимание ученых и журналистов — талантливых популяризаторов достижений современной науки и техники. Совершенствуются планы изданий, особенно методической литературы.

Постановление ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды» — важный политический документ, определяющий задачи на длительную перспективу всех организаций Всесоюзного общества «Знание», а также всех других организаций и ведомств, ведущих лекционную пропаганду. Организации общества «Знание» уже развернули большую работу по его реализации. Активно, по-деловому прошли пленумы правлений обществ «Знание» союзных республик, областных, краевых, городских и районных организаций, собрания в первичных организациях Общества. На них было подвергнуто критическому анализу состояние лекционной пропаганды, разработаны конкретные меры по ее улучшению.

В то же время мы отдаем себе отчет в том, что сделаны, по существу, еще только первые шаги в работе по дальнейшему совершенствованию деятельности Общества, повышению качества и эффективности пропаганды знаний.

НАУКА МОЛДАВИИ

Президиум АН Молдавской ССР. Фото С. Орлова.

Рассказывает главный ученый секретарь президиума Академии наук Молдавской ССР, академик АН Молдавии Тадеуш Иосифович МАЛИНОВСКИЙ

Продолжаем публикацию материалов о развитии науки в союзных республиках страны. Читатели журнала познакомились с работами ученых Армении (1977, № 2), Дагестана (1977, № 5), Дальнего Востока (1977, № 6) и Казахстана (1977, № 8). В этом номере мы предоставляем слово ученым Молдавии. Интервью с ними в марте этого года записал наш специальный корреспондент В. Зыбковец.

— Главные исследования в нашей академии направлены на темы теоретические и практические, играющие важную роль в промышленном и сельскохозяйственном производстве республики.

Молдавия, как известно,— прежде всего край садов и виноградников, высокоразвитого сельского хозяйства. Для его дальнейшего успешного роста здесь есть все: благоприятный климат, отличные почвы, богатый опыт и высокая квалификация кадров. На базе высокопродуктивного сельского хозяйства у нас получила развитие пищевая и легкая промышленность, различные отрасли индустрии вооружили эти виды производства машинами и механизмами. Весомый вклад здесь принадлежит науке республики.

В то же время академия призвана решать и другие фундаментальные проблемы региона, поскольку располагает для этого и опытными научными кадрами, и соответствующим задачам экспериментальным и иным оборудованием. Сошлюсь лишь на несколько примеров.

Для электронной и электротехнической промышленности большое значение имеют дальнейшие работы в области полупроводников. И в нашем Институте прикладной физики под руководством академика АН Молдавии С. И. Радауцана выделено особое направление в исследованиях физики твердого тела — создание сложных полупроводников, дающих возможность получать большое разнообразие свойств. Так, изучение

строения этих кристаллов позволило выявить их пригодность в качестве элементов сложнейших приборов.

Есть у наших физиков еще одно интересное направление: использование малоизвестных свойств электричества в народном хозяйстве...

✦ Стоп-кадр первый: ПРИРУЧЕННАЯ МОЛНИЯ

Современному человеку, который широко пользуется в быту различными электрическими приборами, известно, что при включении их в сеть между розеткой и вилкой прибора проскакивает электрическая искра — маленькая молния. Известно и то, что искрящие контакты быстро разрушаются, подгорают. Многолетние исследования показали: полностью избежать разрушения контактов (электрической эрозии) невозможно. Но вместе с тем выяснилось и другое — способность электрической искры разрушать, легировать и обрабатывать металл. Исследования в этом направлении ведут лаборатории электроискровой обработки материалов и импульсной газовой электроники, которыми руководит вице-президент АН Молдавской ССР, директор Института прикладной физики академик АН Молдавии Б. Р. Лазаренко.

Сейчас я беседую с **Сергеем Петровичем ФУРСОВЫМ**, старшим научным сотрудником лаборатории, кандидатом технических наук:

— **Что дает электрическая эрозия?**

— С тех пор как человек впервые стал изготовлять орудия труда, началось соперничество между твердостью обрабатываемого материала и твердостью обрабатывающего инструмента. Современное производство требует материалов, твердость которых приближается к твердости алмаза. Тогда чем же их обрабатывать?

Открытие супругов Н. И. и Б. Р. Лазаренко и опыт применения его в нашей лаборатории привели к созданию такого вида обработки, при помощи которого можно обрабатывать сверхтвердые материалы. Правда, электроискровым методом можно обрабатывать лишь токопроводящие материалы, однако сфера его применения уже сейчас достаточно обширна.

Во-первых, это порошковая металлургия, во-вторых, точная обработка деталей любой твердости, в-третьих, легирование — упрочение поверхностей особо ответственных деталей. Кроме того, мы надеемся, что электроискровой метод сможет найти применение и в совершенно другой области. Вот обратите внимание на портрет художника Ильи Ефимовича Репина. Перед вами металлическая пластина. Она служила катодом, на нее наносилось серебро с анода — тонкого серебряного стерженька...

Электроискровой метод обработки... А ведь не так уж давно

С. П. Фурсов.

разряд молнии наводил на человека суеверный ужас. Небесный огонь представлялся неотвратимой карающей силой, насылаемой богами. Человек научился охранять себя от этого явления природы — был изобретен молниеотвод. Теперь наступил следующий этап в процессе познания— люди воссоздают природное явление в своих лабораториях, используя его в производстве.

Тадеуш Иосифович МАЛИНОВСКИЙ:

— Примеры, когда фундаментальные науки непосредственно работают на производство, у нас не единичны. Так, созданная нашими математиками теоретическая модель уборки и вывозки урожая сахарной свеклы успешно применяется в хозяйствах.

Наши геофизики изучают связь между движением земной коры и эрозией почвы, в частности процессом образования оврагов и балок: ценным почвам республики угрожает водяная эрозия — смыв водой. Эти исследования помогают выявить наиболее опасные районы и разработать эффективные противоэрозийные мероприятия. Мне хотелось бы обратить

ваше внимание на одно из направлений в работе Института геофизики — на прогноз землетрясений...

✦ Стоп-кадр второй: РЕАЛЕН ЛИ ПРОГНОЗ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ?

С таким вопросом я обратился к директору Института геофизики члену-корреспонденту республиканской Академии наук **Анатолию Васильевичу ДРУМЯ.**

— Для достаточно надежного прогноза землетрясения нужно знать по крайней мере три фактора: где, когда и с какой силой произойдет «подземная буря». Первый и третий факторы уже хорошо изучены — сегодня мы знаем, где находятся сейсмически опасные районы Земли, и даже имеем представление о возможной там максимальной силе землетрясений. По сути, это и есть не что иное, как долговременный прогноз. Тектонические карты уже существуют, с каждым годом ученые всего мира детализируют и совершенствуют их, и в Молдавии такие карты успешно применяются в строительстве. Больше того, подобные карты в республике разработаны даже для микрорайонов застройки. Например, землетрясение 4 марта 1977 года нас не «подвело», оно подтвердило реальность составленной молдавскими учеными сейсмической карты и было той силы, которую от него ожидали.

Что касается предсказаний времени землетрясений, то прочной научной основы для точных временных прогнозов в современной науке пока не существует. Правда, статистика так называемых сотрясений может кое-что рас-

А. В. Друмя.

сказать о частоте этого стихийного бедствия, о том, что оно возможно, предположим, в течение ближайшего года и будет силой восемь баллов. Но такой прогноз нас не устраивает, потому что не позволяет своевременно предупреждать население.

И все же я оптимист — считаю, что ученые смогут не только определять заранее место и силу землетрясения, но и точное его время. Основания для оптимизма дают и наши исследования карпатского очага. Он любопытен тем, что расположен на глубине 180—200 километров, в верхней мантии Земли, и очень локализован. Мы уже много лет наблюдаем за ним, изучаем процессы, происходящие там. Мы видели, что в карпатском очаге накопилось очень много энергии, которая вот-вот высвободится. И когда 4 марта произошло землетрясение, — оно не застало нас врасплох.

Для точного временно̀го прогнозирования необходимо изучать и явления, предшествующие или сопутствующие землетрясению. Известно, например, что ему могут предшествовать изменения в составе воды подземных источников, что отмечаются перемены в скорости прохождения звука в горных породах будущего очага и т. д.

Долгое время люди никак не связывали с землетрясением свечение, которое встречается иногда в равнинных местностях на высоких предметах, например на крестах или шпилях церквей. С этим явлением издавна связано немало суеверий. В нашей местности, например, считали, будто это предвестник скорой войны. Во время мартовского землетрясения 1977 года нам удалось установить, что оно связано с активизирующимся в это время атмосферным и земным электричеством. Правда, оно не может служить предвестником грядущей катастрофы, так как происходит всего лишь за несколько десятков секунд до первого толчка, однако суеверный ореол вокруг странного свечения окончательно развеялся.

Предсказание землетрясений — не только народнохозяйственная задача, даже не только чисто научная проблема, это большой социальный, мировоззренческий вопрос. Предупреждая о времени и месте стихийного бедствия, несущего порой разрушения и смерть, мы ограждаем людей и от гибели физической, и, образно говоря, от гибели духовной, так как показываем им силу разума человеческого, возможности науки и вместе с тем вселяем веру в возможности человека.

Тадеуш Иосифович МАЛИНОВСКИЙ:

В республике быстрыми темпами идут процессы интеграции и интенсификации сельскохозяйственного производства, которые выдвигают порой неожиданные проблемы. Их решение возможно с участием специалистов разного профиля, большое место среди которых занимают химики и биологи.

Ученые институтов отделения химических и биологических наук наряду с фундаментальными исследованиями ведут работы, тесно связанные с нуждами народного хозяйства республики. Так, химики-органики изучают компоненты растительного сырья, произрастающего в республике. Из ряда растений выделены биологически активные вещества, нашедшие применение в фармакопогии и других отраслях народного хозяйства.

Микробиологи успешно решают актуальную для науки задачу получения белка на основе микроорганизмов...

✦ Стоп-кадр третий: ЗДЕСЬ СОЗДАВАЛСЯ «ОАЗИС»

21 декабря 1973 года «Правда» опубликовала диалог «Земли» и экипажа космического корабля «Союз-13»:

— Выполняете ли вы операции с «Оазисом»? — спрашивает Земля.

— Выполняем, все идет по программе.

Далее в репортаже сообщалось о том, что такое «Оазис». И все же узнать о его сущности лучше всего у заведующего отделом микробиологии АН Молдавии доктора биологических наук, профессора **Вадима Витальевича КОТЕЛЕВА,** руководителя этих работ.

— «Оазис» — биологическая система, позволяющая исследовать процессы регенерации, возобновления в замкнутом пространстве, что очень важно для будущих длительных космических полетов человека. Ведь в такое путешествие не возьмешь с собой необходимое количество воды, пищи, воздуха, пригодного для дыхания. Поэтому очень важно иметь возможность их вос-

В. В. Котелев.

становления. В «Союзе-13» находилась вторая модель — «Оазис-2».

Это аппарат для культивирования некоторых видов микроорганизмов, состоящий из двух цилиндров, или ферментеров, в которых находятся жидкость и газ. В одном из них помещены водородоокисляющие бактерии, использующие в качестве источника энергии для своего роста в основном водород, полученный электролизом воды. В другом — бактерии, способные разлагать мочевину. Они частично поглощают кислород из первого цилиндра и выделяют углекислоту, которая в свою очередь используется водородоокисляющими бактериями для синтеза белка. Таким образом действует замкнутая система по регенерации воздуха и воды, производящая в то же время и биомассу.

Пожалуй, новым и необычным в этом аппарате являются водородоокисляющие бактерии, впервые используемые для этой цели в нашей лаборатории.

Отдел микробиологии занимается изучением биосинтеза белка различными микроорганизмами, что составляет одну из ведущих теоретических и практических задач мировой науки. Только выращивая растения, разводя животных, человечество в будущем не сможет обеспечить себя необходимым количеством белка. Наиболее перспективный способ получения его — синтез с помощью микроорганизмов. Микробы увеличивают свою массу примерно в 500 раз быстрее растений и в 1500—2000 раз быстрее животных; один культиватор с микроорганизмами объемом 100 кубических метров може

дать за трое суток столько белка, сколько дают его два гектара поля, засеянного пшеницей, не испытывая при этом зависимости от капризов погоды.

Список преимуществ, которыми природа наградила водородоокисляющие бактерии, получается довольно внушительным. Они развиваются, питаясь исключительно неорганическими «продуктами питания». К тому же эта группа микроорганизмов — единственные известные нам сегодня «преобразователи», прямо превращающие энергию водорода в белок.

Мы уже несколько лет работаем с водородоокисляющими бактериями, изучаем их биохимию и физиологию, разрабатываем новые системы их выращивания. Пожалуй, наибольшим нашим успехом стало выведение нового штамма — термофильных водородоокисляющих бактерий, растущих при температуре 50—55 градусов. Они производят в дваа-два с половиной раза больше белка, чем обычные штаммы.

Свойство водородных бактерий усваивать углекислый газ можно использовать и для очистки воздуха. Правда, существуют другие системы поглотителей этого вредного для человека газа — химические, например, но они обладают существенным недостатком — не возобновляются, их можно использовать лишь один раз. А микробы действуют практически бесконечно, в то же время вырабатывая белок. Это их свойство мы и использовали при создании системы «Оазис-2».

Казалось, на Земле мы многое узнали о водородоокисляющих бактериях. Но в Космосе они преподнесли нам новую загадку: стали расти в три раза быстрее. Предполагаем, что так повлияла на их рост невесомость, но утверждать это окончательно пока не можем, подождем новых подтверждений.

— А как была найдена новая культура микроорганизмов? Это выведенный в лаборатории вид бактерий или он существует в природе?

— Мы выделили штамм термофильных водородоокисляющих бактерий длительным культивированием грязевых почв, взятых из молдавских болот. В течение многих месяцев при температуре 55 градусов в среде водорода, кислорода и углекислого газа мы исследовали образцы почв, богатых микроорганизмами. Что произошло в культиваторе — то ли образовался совершенно новый вид, то ли приспособилась к таким необычным условиям одна из колоний бактерий, содержавшихся в почве, — нам пока неизвестно. Но следует сказать, что мы целенаправленно искали термофильные микроорганизмы, предполагая, что такие бактерии, развивающиеся при относительно высокой температуре и в газовой среде, способны производить много белка. Наши расчеты оправдались.

Еще раз подтвердилась истина: человек с помощью науки, постигая законы природы, создает то, что превосходит ее творения. В этом, мне кажется, глубокий мировоззренческий смысл науки, которой я служу...

Тадеуш Иосифович МАЛИНОВСКИЙ:

— Кроме фундаментальных естественнонаучных исследований, имеющих практическое значение, в системе Академии наук Молдавской ССР широкое развитие получили общественные науки. Лингвисты, например, изучают законы развития молдавского языка, работают над созданием словарей, в том числе и многоязычных, что очень важно для приобщения трудящихся республики к мировой культуре. Историки много занимаются этническими группами и народностями, давшими начало молдавскому народу. Этнографы исследуют народные праздники, традиции и обряды и на их основе создают новую советскую обрядность, лишенную былого религиозного содержания. Философы главное внимание уделяют проблемам, связанным с современной идеологической борьбой, а также с попытками фальсифицировать развитие философской мысли в Молдавии...

✦ Стоп-кадр четвертый:

СОРАТНИК ПЕТРА I

Отдел философии и права Академии наук Молдавии одной из первоочередных задач своих поставил «разработать научную историю философской и общественно-политической мысли Молдавии, — писал в одной из статей заведующий этим отделом академик АН Молдавской ССР Д. Т. Урсул. — Решение ее явилось составной частью процесса критического освоения культурного наследия молдавского народа... Советские философы Молдавии создали ряд трудов, впервые с марксистско-ленинских позиций освещающих философские и общественно-политические взгляды крупнейших молдавских мыслителей прошлого».

В числе этих исследований есть и работы **Василия Никитовича ЕРМУРАТСКОГО,** доктора философских наук, заведующего ка-

В. Н. Ермуратский.

федрой философии Академии наук республики, о Дмитрии Кантемире и **Александра Ивановича БАБИЯ,** доктора философских наук, старшего научного сотрудника отдела философии и права, «Против современных буржуазных фальсификаторов истории философской и общественно-политической мысли Молдавии». Я встретился с этими учеными, попросил их рассказать о Кантемире, его философских, естественнонаучных взглядах, об отношении к религии.

В. Н. ЕРМУРАТСКИЙ. Дмитрий Константинович Кантемир (1673—1723 гг.) прожил незаурядную жизнь. Молдавский господарь, он четыре года был заложником в Константинополе. Впоследствии занимал в Порте высокие государственные должности. В 1710 году был назначен молдавским князем, но, желая избавить свою страну от турецкого ига, заключил в 1711 году договор с Петром. (С этого времени Кантемир становится одним из приближенных советников русского царя.

Кантемир знал *турецкий*, персидский, арабский, греческий, латинский, итальянский, русский, молдавский и французский языки, написал интереснейшие работы:

«История возвышения и упадка Оттоманской империи», «Хроника стародавности романо-молдо-влахов», «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии», «Система мухаммеданского вероисповедания», «Спор души с телом» и другие. Научная деятельность его не ограничивалась какой-то одной областью знания — он занимался логикой и философией, этикой и литературой, историей, географией, востоковедением и музыкой. Его труды сыграли значительную роль в формировании и развитии общественно-политической и философской мысли Молдавии.

Принято выделять в его творческом пути два периода: до 1710 года — константинопольский, после 1711 года — русский. В первый из них он находился под сильным влиянием философии стоиков и православного богословия, ранние его работы несут печать идей Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия. Естественнонаучные взгляды молдавского мыслителя формировались под влиянием трудов голландского ученого Ван Гельмонта.

Для второго периода жизни Кантемира характерно постепенное освобождение от влияния богословия и средневековой схоластики. Общение с передовыми людьми русского общества усилили в его мировоззрении элементы материализма. Ученый рассматривал природу как совокупность вещей, имеющих материальный субстрат и находящихся в изменении и движении. Он полагал, что окружающий человека мир существует реально, его «мы охватываем умом, воспринимаем чувством и в какой-то мере ощупываем руками».

Материализм Кантемира не был последовательным, он смешан с религиозной схоластикой, мистикой, но сквозь их переплетение проступает верная мысль о развитии материи, идущем без влияния сверхъестественной силы. Однако недостаток естественнонаучных знаний не позволял Кантемиру найти объяснение таким сложным философским и биологическим проблемам, как происхождение жизни на Земле, этапы формирования живых существ. Недостаток знаний вынуждал обращаться к священному писанию — в спорных вопросах здесь он искал ответ. Сомнения мучили, а вера успокаивала: «Чтобы устранить сомнения, надо верить», но в то же время верой «рассудок полностью умерщвлен...»

— Конечно, все эти особенности мировоззрения Кантемира, в целом идеалистического, не позволяли ему полностью выйти за рамки традиционных представлений, навязываемых официальной идеологией в ее церковно-богословской форме, — вступил в разговор **А. И. БАБИЙ.** — Но из рассказанного Василием Никитовичем ясно, что Кантемир вовсе не предлагал целиком положиться на веру, как это пытались представить буржуазные исследователи. Главное и существенное у него — указание на отрицательное влияние веры (следовательно, и священного писания), на необходимость развития знания.

Особо нужно подчеркнуть, что искаженная трактовка некоторых кантемировских положений встречается и сегодня. В книге П. Карагацэ «История современных литератур Европы и Америки» (Милан, 1958—1959 гг.) Кантемир оценивается как ученый, в трудах которого встречаются лишь «следы платоновской философии, переработанной в духе христианства». Это типичный пример фальсификации.

— Мне хотелось бы, — говорит **В. Н. ЕРМУРАТСКИЙ,** — чтобы наш краткий рассказ о Кантемире был дополнен его взглядами на идеи гуманизма и свободомыслия. Без них представление о мировоззрении этого мыслителя было бы неполным.

Он осуждал войну и высоко ценил достоинство любого народа, говорил о необходимости культурных связей между нациями. Идеи Возрождения, получившие развитие в европейских странах, с трудом пробивали себе дорогу на востоке континента. Тем важнее и ценнее была их проповедь Кантемиром...

— Несомненно, идеи гуманизма этого мыслителя неразрывно связаны со свободомыслием, антиклерикализмом, — добавляет **А. И. БАБИЙ.** — Будучи человеком широко образованным, Кантемир превосходно знал историю религии и рассматривал смысл ее

А. И. Бабий.

обрядов и канонов как рационалист: совместимо ли то или иное положение церковной догмы с представлениями науки, не противоречит ли оно нашему разуму.

Государственный деятель, Кантемир осознавал место и роль церкви в государстве, но отделял народ от клерикалов и высказывался за ограничение вмешательства церкви в дела государственные. К служителям культа относился он довольно непочтительно. Осуждение шарлатанства священнослужителей и монахов, торговавших различными «священными реликвиями», спекулировавших на «божьих чудесах», попытки научно обосновать необходимость просвещения и свободного развития знаний о природе, требование освободить науку от опеки церкви и многое другое делают Кантемира нашим союзником в атеистическом просвещении народа.

Тадеуш Иосифович МАЛИНОВСКИЙ:

— Вот мы и совершили краткое путешествие по некоторым научным учреждениям Академии наук Молдавии. Чтобы рассказать о всех ее работах, потребовалась бы объемистая книга. Ведь штаб науки республики насчитывает свыше 3000 научных работников, среди которых 21 академик, 26 членов-корреспондентов, 73 докторов наук и 580 кандидатов. Следует учесть и то, что научный потенциал Молдавской ССР не ограничивается ее академией — в высших учебных заведениях, научно-производственных объединениях и отраслевых научно-исследовательских институтах работают еще свыше 4000 ученых. У них свои проблемы и задачи, успехи, достижения.

Остановимся вот на этой интересной работе...

✦ Стоп-кадр пятый: ЛЕД И ПЛАМЕНЬ...

Так назвали журналисты процесс сублимационной сушки фруктов и фруктовых соков, разработанный учеными Молдавского научно-исследовательского института пищевой промышленности Министерства пищевой промышленности СССР (МНИИПП).

Как известно, каждое вещество в природе может находиться в четырех агрегатных состояниях — твердом, жидком, газообразном и плазменном. Яркий пример —вода (жидкость, лед, пар и плазма). Вода есть во всех пищевых продуктах, причем в большом количестве — до 90 процентов, поэтому при всевозможной их обработке больше всего приходится иметь дело именно с водой. Чтобы хранить продукты достаточно долго, издавна в домашнем хозяйстве, а затем и в пищевой промышленности фрукты и овощи сушили — воздействуя теплом, испаряли из них влагу. При этом получался уже иной продукт, который не мог принять свой первоначальный вид. К примеру, чернослив — сушеную сливу — нельзя было вновь сделать свежим, так как при обычной тепловой его сушке разрушалась внутренняя структура мягких тканей плода.

Ученые занялись поиском принципиально иного способа обработки продуктов. Он получил название сублимационной сушки, что означает перевод воды из первого агрегатного состояния вещества (твердого) в третье (газ), минуя второе (жидкость).

Немного теории. При нормальных атмосферных условиях вода переходит в лед при температуре около 0 градусов по Цельсию. При этом образуется лед, который может испаряться, но необычайно медленно. Этой его способностью давно пользуются в быту — вымораживание белья ведь по своей сути и есть сублимация. Ее можно ускорить, если поместить лед в сосуд с глубоким вакуумом. Используя способность льда переходить в пар, минуя жидкое состояние, ученые МНИИПП разработали аппарат и технологию для получения сублимированных продуктов.

Их помещают в морозильный аппарат. Там продукт быстро замораживается, затем в сублиматоре создаются условия вакуума и повышается температура, иногда до плюс 150 градусов. В это же время сам продукт имеет температуру минус 15—17 градусов. Происходит очень быстрое испарение льда.

— Вот, попробуйте, — заместитель директора МНИИПП кандидат технических наук **Лина Афанасьевна БАНТЫШ** кладет в стакан небольшой брикетик темно-фиолетового цвета, затем добавляет воду, все перемешивает, и через несколько минут я пью ароматный напиток, напоминающий по вкусу черную смородину и виноград.

— Вы угадали, — подтверждает мою догадку Лина Афанасьевна, — это действительно сок черной смородины и винограда вместе с мякотью ягод, сублимированный по нашей технологии. Обработанные таким способом клубника, малина, слива, персики в 8—10 раз легче свежих, но сохранили все их качества — аромат, вкус, витаминный букет, внешний вид, структуру. Сейчас мы не успеваем выполнять заказы, наши продукты нужны геологам и спелеологам, туристам. И космонавтам. Вот что писал в газете «Советская Молдавия» 14 августа 1975 года космонавт А. Леонов: «Прошу передать через вашу газету благодарность труженикам Молдавской республики за сердечные поздравления по поводу нашего успешного полета и стыковки космических кораблей СССР и США. Передайте также большое спасибо молдавским ученым и консервщикам за создание хороших соков, фруктовых палочек и других деликатесов к космическим обедам».

Пищевую науку как таковую признали совсем недавно, обычно ее считали лишь технологией. Однако уровень наших теоретических разработок порой настолько высок, что они имеют и самостоятельное научное значение. Хотя бы исследование процесса сублимации. В ходе его мы столкнулись со сложностями чисто теоретического порядка, связанными с вопросами фазового перехода воды, этого распространенного, тем не менее еще во многом загадочного вещества природы. В решении проблем, а также в экспериментах по изучению влияния электрических и магнитных полей на сублимацию, в изучении модификаций льда при высоких давлениях большую помощь оказали ученые нашей академии. И в этом мне видится яркий пример содружества науки и производства.

...Богатый социалистический край, трудолюбивые люди, занятые преобразующей деятельностью во всех сферах производства, широко использующие в этом деле самые современные достижения науки и техники, — таков сегодняшний день некогда отсталой крестьянской Молдавии.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «СОВЕТСКАЯ МОЛДАВИЯ»

Повышение эффективности и качества научных исследований, укрепление их связи с производством, решение задач десятой пятилетки — эти вопросы были в центре внимания участников прошедшего в Кишиневе общего собрания Академии наук МССР.

В юбилейном году начата реализация общеакадемической комплексной программы научно-технической помощи народному хозяйству. Свыше 70 предприятий, агропромышленных объединений, проектных организаций внедряли рекомендованные учеными новые высокоэффективные приборы и установки, технологии, сорта сельскохозяйственных культур. Более 80 процентов научной тематики учреждений естественно-технического профиля предусматривали конкретно-практические результаты для использования в различных отраслях народного хозяйства. Таков один из фактов, приведенных главным ученым секретарем президиума АН МССР академиком АН МССР Т. И. Малиновским в докладе об итогах научной деятельности академических учреждений в 1977 году.

Кишиневский политехнический институт имени С. Лазо укрепляет связи институтских кафедр с предприятиями промышленности и сельского хозяйства. Здесь прочно утвердились такие формы, как работа по хозяйственным договорам, договора о творческом содружестве для решения каких-то локальных задач, а также родилась идея комплексных договоров о научно-техническом содружестве, которые помимо научно-исследовательской работы предусматривают повышение квалификации рабочих и ИТР завода, преподавателей и студентов, тесные контакты по линии общественных организаций.

Фото А. Карзанова.

УРОКИ НРАВСТВЕННОГО ПРОЗРЕНИЯ

Л. АЙЗЕРМАН

только один раз

Не знаю, как горел бы жар
Моей привязанности
кровной,
Когда бы я не подлежал,
Как все, отставке
безусловной.
Тогда откуда бы взялась
В душе, вовек не
омраченной,
Та жизни выстраданной
сласть,
Та вера, воля, страсть и
власть,
Что стоит мук и смерти
черной.

А. Твардовский

Статья продолжает цикл, начатый в № 2, 3, 4 за 1977 г. и в № 4 за 1978 г.

«Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту»[1].

[1] Василий Шукшин. Избр. произв. в двух томах, т. 1. М., 1976, стр. 3.

Мы разбирали на уроке в девятом классе три рассказа В. Шукшина: «В профиль и анфас», «Верую!», «Билетик на второй сеанс». Все писавшие и говорившие об этих рассказах видят, что их героев одолевает тоска, они полны «душевной неустроенности», у них начинает болеть душа, они не находят себе места, что-то их мучает, не дает покоя. Рассказы объединены общей темой: трагедия человека, пришедшего к пониманию, что жизнь прожита не так.

— Неудовлетворенность жизнью, желание чего-то большего, лучшего в ней, стремление как-то раскрыть себя, затаенные стороны своей души, которые просятся наружу. Часто эти желания непонятны, герой мучается, терзает себя вопросами: «А я не знаю, для чего я работаю. Ты понял? Вроде нанялся, работаю. Но спроси: «Для чего?» — не знаю. Неужели только нажраться? Ну, нажрался. А дальше что?.. Что дальше? Я не знаю. Но я знаю, что это меня не устраивает. Я не могу только на один желудок работать». Это слова шофера Ивана из рассказа «В профиль и анфас». Он не знает, что он хочет, но в жизни ему хочется большего. Тоска по неудавшейся жизни: что-то упущено, что-то потеряно, что-то не проявилось в жизни. И это чувство тяжелым осадком ложится на душу.

— Максим из рассказа «Верую!» тоже мучается вопросом: «Зачем жить? Для чего?» Оттого-то и наваливается на него тоска, «особенная тоска, какая-то нутряная, едкая». «Душа болит», — жалуется он своей жене Люде, которая при всем своем желании не может понять мужа. А Максим мается, не находит себе места, чувствует боль и злобу. «Ну и что? — сердито думал Максим. — Так же было сто лет назад. Что нового-то? И всегда так будет... А зачем?» Именно это «зачем» не дает ему покоя. Максим беседует с попом, который приехал лечить легкие. Но у попа тоже болит душа, для чего все, он тоже не знает.

— Тимофей Худяков из рассказа «Билетик на второй сеанс» прожил, по сравнению с Иваном и Максимом, долгую жизнь. «Этот остаток в десять — двенадцать лет, это уже не жизнь, а так — обглоданный мосол под крыльцом лежит, а к чему?» И опять мы видим уже знакомую неудовлетворенность жизнью, опять: «опостылело все на свете... Полный разлад в душе». Но теперь герою жалко не только себя, жалко прожитую жизнь, потому что «жизнь-то не вышла». «Жил бы честно», — говорит Тимофею Поля, сама не подозревая того, что задела за живое. Ведь Тимофей сам понимает, что жил бесцельно, пусто. Вертелся всю жизнь, ловчил, дом-крестовый рубил, всю жизнь всякими правдами и неправдами доставал то то, то это. А теперь оглянулся назад и понял, что не было у него настоящей жизни.

Читая рассказы Шукшина, девятиклассники не могли не увидеть, какое важное место занимает в них образ песни.

— В творчестве Шукшина настойчиво звучит мотив сравнения жизни с песней. Тимофей Худяков признается: «Прожил, как песню спел, а спел плохо. Жалко — песня-то была хорошая». Понял Тимофей, что ХОРОШУЮ песню спел он ПЛОХО, не так прожил жизнь, как нужно.

— Иван честно говорит: «Не знаю, зачем живу». А про песню, которую он поет старику, скажет: «Сам сочиняю. На ходу прямо». Так, пожалуй, и жизнь Ивана, ни смысла, ни цели которой он не видит, приходится чем-то ее заполнять, сочиняя прямо на ходу. А песня-то не получается...

Неспетая песня, не так прожитая жизнь, несложившаяся судьба — Шукшин-писатель, режиссер и актер все время обращался к этой теме (вспомним еще раз «Калину красную»). Обращался к этой теме как художник-гуманист, для которого счастье людей, подлинность единственной человеческой жизни — главное. «В городе ли, деревне,— говорил Шукшин,— одолевает нас тьма нерешенных проблем — проблемы механизации, проблемы мелиорации, проблемы интеграции и т. д. и т. п. Важные проблемы? Кто об этом спорит... И надо, конечно, эти проблемы решать. Нужны удобрения, нужны машины. Нужны каналы для орошения. И хорошие свинарники. Но вот что меня мучает страшно: всегда ли мы успеваем, решая все эти проблемы, задумываться о самом главном — о человеке, о душе человеческой? Достаточно ли мы думаем и заботимся о ней?»[2].

Вот об этом — о долге человека, о совести, о правде — напоминает читателю постоянно писатель Василий Макарович Шукшин.

Тимофей Худяков спьяну принял своего тестя за Николая угодника и стал молить его, чтобы тот дал ему «билетик на второй сеанс»: «Родиться бы мне ишо разок! А? Пусть это не считается — что прожил...» О том, что «билетика на второй сеанс» никто не даст, что «живем мы один раз, а не два и не три, и петь свою жизнь нужно не фальшивя»,— говорили девятиклассники, размышляя над страницами шукшинских рассказов.

— Писатель ставит перед читателем вопрос о духовной жизни человека, о смысле жизни. И, может быть, весь смысл, вся привлекательность его творчества в том, что Шукшин, задав эти вопросы, не старается полностью отвечать на них. Он только задает наводящие вопросы, подводя к главным.

— Наверное, каждый человек должен по-своему ответить на эти вопросы, но только все должны понимать одно, и об этом, по-моему, нас заставляют задумываться рассказы Шукшина; в жизни нужно найти смысл, найти верную дорогу, чтобы не приходилось все время мучиться от едкой, неотвязной боли.

— Второй жизни у человека нет, а есть только одна жизнь. И очень часто человек остается неудовлетворенным тем, как он прожил свою жизнь. Кажется, что было сделано не все, многое было упущено. И, как правило, только в старости понимаешь, что жизнь была плохая. И поэтому нужно оглядываться не только в прошлое, а смотреть в настоящее и заглядывать в будущее. «Какая моя жизнь?» — этот вопрос мы должны задавать себе уже сейчас, задумываться над тем, какая она будет, какой должна быть.

Потом, в десятом классе, я буду говорить о том, что современная советская литература все чаще и чаще обращается к героям, которые оглядываются на прожитую жизнь и подводят итоги прожитому. Ведь именно так построены и «Судьба человека» М. Шолохова, и «При свете дня» Эм. Казакевича, и «Фиалка» В. Катаева, и «Берег» Ю. Бондарева и «Предварительные итоги» и «Другая жизнь» Ю. Трифонова, и «Морской скорпион» Ф. Искандера, и «Однофамилец» Д. Гранина, и «Ночь после выпуска» В. Тендрякова.

По-разному подводят герои этих книг окончательные или «предварительные итоги». Одним не в чем себя упрекнуть, и в прожитом видят они достойную жизнь. Других, как «морской скорпион», жалит совесть, ибо, как «при свете дня», встают перед ними и прожитая жизнь, и та, «другая жизнь», какой она могла бы быть, но какой не стала. И те и другие книги напоминают человеку об ответственности перед жизнью, которая дается человеку один раз и прожить которую «нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». И те и другие ведут человека к твердому «берегу».

В последние годы часто и в большинстве случаев справедливо сетуют на инфантильность наших старшеклассников, на их несколько замедленное гражданское созревание. Естественно, что дело здесь не только в школьном преподавании. Не состоит ли одна из причин такого инфантилизма в

[2] Цит. по кн.: В. Фомин. Пересечение параллельных. М., 1976, стр. 343—344.

том, что мы, учителя, мало говорим с учениками о вечно мучительных вопросах бытия? Помните споры Онегина и Ленского?

> Плоды наук, добро и зло,
> И предрассудки вековые
> И гроба тайны роковые,
> Судьба и жизнь в свою чреду,
> Все подвергалось их суду.

Или размышления Пьера Безухова: «Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляет всем?»

Ну, а часто ли все эти вопросы рождают споры, влекут к размышлению, подвергаются суду нашему и наших учеников на школьных уроках? По отношению к ним явно проявляется робость. Пожалуй, особенно заметна она, когда речь заходит о «гроба тайнах роковых». Трудно не согласиться с читателем «Комсомольской правды», который написал в газету: «Мы ханжески боимся говорить и даже думать о «страшной теме», т. е. о смерти».

А между тем педагоги, писатели, ученые давно заметили, что именно в юности «тема смерти, которую ребенок успешно гонит от себя, теперь становится предметом серьезных размышлений»[3]. Ученические сочинения подтверждают, что это действительно так. Ограничусь двумя высказываниями:

— В какой-то момент жизни вопросы, что такое жизнь и смерть, как это люди говорят, что «человек умер», куда же делось его «я», его мысли, чувства, его душа — все эти вопросы встают с необыкновенной остротой.

— Больше всего я боюсь смерти случайной. Ведь столько останется несделанного, а как мои родные, а что будет на Земле дальше, без меня? Неужели все так же будут жить?

И. Кон, книгу которого я цитировал, отмечает, что подобные размышления социально полезны: «Отказ от детской веры в личное бессмертие и принятие неизбежности смерти заставляет человека всерьез задуматься о смысле жизни, о том, как лучше прожить отпущенный ему ограниченный срок. Бессмертному некуда спешить, незачем думать о самореализации, бесконечная жизнь не имеет конкретной цены. Иное дело — человек, осознавший свою конечность»[4]. Осознание единственности, неповторимости и конечности личного человеческого бытия способствует формированию цельного и глубокого нравственного миросозерцания. Серьезные размышления о жизни и смерти имеют очень важное значение для нашего атеизма. В частности, потому, что понятие о смерти — одно из краеугольных в религиозном мировоззрении, в обосновании религиозной этики.

Передо мной изданные Московской патриархией «Слова, речи, послания» митрополита Николая. На протяжении книги ее автор то и дело обращается к этим проблемам. Земная жизнь—ступень к жизни вечной, путь приготовления себя к жизни, не знающей конца. Главная цель нашей земной жизни — спасение бессмертной души. Наше сознание, все те чувства, с которыми мы здесь живем, не умрут, в условиях загробной жизни все это раскроется с новой силой. Смерти нет, но к смерти надо готовиться всю жизнь, потому что смерть — это дверь в вечность.

Человек должен думать о каждом миге своей жизни, ибо дана она, чтобы быть ступенькой к вечной жизни,— в этом религия видит главный ее смысл. «Да не будут бесполезны для спасения вашей души ни один день, ни один час нашей короткой земной жизни,— заканчивает свое Слово митрополит Николай.— Не забудем, что те несколько десятков лет, которые составляют нашу земную жизнь, по сравнению с вечностью это то же, что капля в безбрежном океане. А в эту короткую жизнь можно и погубить свою душу для вечности, и спасти ее!»

Представлению о жизни как о приготовлении к вечному блаженству мы противопоставляем наше понимание жизни — самоценной и самоцельной. Совершенно естественно при этом, что разное понимание жизни связано и с разным пониманием смерти. В этой связи нравственное и атеистическое воспитание в школе не может, просто не вправе обходить молчанием эту тему. Правда, необходимо иметь в виду, что в рассуждениях подобного рода необходимы мера и такт, эти рассуждения должны обязательно подниматься над течением повседневных будней, а не растворяться в них. Мне, например, было трудно понять, как могли в Хатыни туристы спокойно позировать фотографу сначала на фоне Вечного огня, а потом на фоне дома Каминского — единственного из жителей этой деревни, оставшегося в живых.

В одной из школ экспозиция прекрасного музея боевой славы была развернута в коридорах. Пришлось долго убеждать руководителей школы выделить для музея специальное помещение. Жизнь есть жизнь. Естественно и нормально, что на переменах ученики бегают, смеются, грызут яблоки. Но неестественно и ненормально, когда они бегают, смеются, грызут яблоки рядом с фотографиями виселиц и концлагерей, рядом с витринами, где за стеклом — найденные ребятами солдатские каски, пробитые пулями.

Есть вещи, которые кощунственно растворять в повседневности. Для них нужны особые часы, особая душевная сосредоточенность, особая нравственная приподнятость. Это важное условие относится и к урокам литературы.

«Базаров перед лицом смерти» — так формулирую тему для классного сочинения во время изучения романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Почему именно эту тему? Потому, что описание смерти Базарова, по словам Писарева, «составляет лучшее место в романе Тургенева», больше того — «весь интерес, весь смысл романа заключается в смерти Базарова».

О чем же писали девятиклассники?

Несколько человек считают, что в сцене смерти «Базаров предстает другим человеком», что он «отступает от своих убеждений», что «Базаров, который был в начале романа, и Базаров, лежащий на смертном одре,— совсем разные люди». С ними не соглашаются все остальные.

— Во время своей болезни Базаров беспрестанно зло и желчно иронизирует над собой. Но это скорее всего досада на свое бессилие перед смертью, вызванное глупой, нелепой случайностью. «Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает, и баста!» — говорит он. Базаров не хочет умирать, он чувствует в себе необъятные возможности, стремление к жизни. Потому-то с такой горечью и сожалением звучат его слова: «Сила-то, сила вся еще тут, а надо умирать!..»

[3] И. С. Кон. Какими они себя видят. М., 1975, стр. 20.
[4] Там же, стр. 21.

— Базаров мучается своей неспособностью осуществить те грандиозные задачи, которые перед собой ставил. Это не разочарование в деле, мыслях, которым он посвятил свою жизнь, нет! Это негодование на то, что ничего не удалось сделать ради достижения своих целей, что он ни в ком не нашел поддержки, понимания. Но своих идей Базаров не предал. Поражает мужество этого человека, ломаемого, но не сломленного.

— Умирающий Базаров, зная, что жить больше не суждено, не мечется, не ноет в поисках помощи и жалости, он, казалось бы, спокоен и равнодушен. Поражает одно: где этот человек находит в себе силы сдержаться, не закричать, что ему чертовски хочется жить, что ему ужасно трудно проститься с жизнью. Но он не тешит себя бесполезными иллюзиями.

Многие девятиклассники в своих сочинениях пишут о том, как перед лицом смерти проверяется атеизм Базарова.

— Очень трудно сохранить антирелигиозные убеждения перед лицом смерти. «Умру я, дальше-то что? Вдруг все-таки существует и бог, и загробная жизнь — ведь вокруг все верят», — мог бы подумать кто-то другой. Но не таков Базаров.

— Базаров умирает, не успев совершить то, что хотел сделать для России. Но он не перерождается перед лицом смерти, он остается самим собой, просто и мужественно встречая эту жестокую необходимость. По христианскому обычаю умирающего причащают, чтобы он, покаявшись в земных грехах, явился на «суд божий» с чистой душой. Отец упрашивает Базарова: «Евгений, тебе теперь лучше; ты, бог даст, выздоровеешь; но воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью, исполни долг христианина». Зная набожность своих родителей, любя их, не желая наносить им удар в такой тяжелый час, Базаров не может отказать отцу: «Я не отказываюсь, если это вас может утешить». Но в душе Базаров не изменяет своим убеждениям.

Обратившись на уроке к статье Писарева, мы прочитали в ней: «...смотреть в глаза смерти, предвидеть ее приближение, не стараясь себя обмануть, оставаться верным себе до последней минуты, не ослабеть и не струсить — это дело сильного характера. Умереть так, как умер Базаров,— все равно, что сделать великий подвиг».

«Memento mori», как говорили древние, что значит «лови момент»,— написал ученик в одном из своих сочинений. Анализируя ученические работы, я заметил, что это латинское выражение означает не лови момент, а помни о смерти. Ученик начал спорить, и я сказал, что на следующий урок принесу словарь. В это время в наш разговор вмешался другой ученик: «Не понимаю, о чем вы спорите: помни о смерти или лови момент — ведь смысл один и тот же».

Придя домой, я открыл словарь по этике и прочел в нем: «Отрицание нравственной сущности смерти оказывается формой отрицания нравственной сущности жизни и может служить лишь основанием для полной безответственности поведения. В этом смысле одним из нравственных принципов, оставленных в наследство античностью, является сформулированный в философии стоицизма принцип «Memento mori» (лат. помни о смерти), предлагающий поступать всегда так, будто дело, которое человек делает, или слово, которое им произносится, является последним из тех, что ему вообще дано когда-либо совершить. Этот принцип по существу обращен к размышлению не о смерти, а о небеспредельности жизни и побуждает людей не совершать поступки, которые подвергаются осуждению и в которых они потом сами горько раскаиваются. Тем самым он культивирует чувство ответственности за дела и слова людей» [5]. Следует добавить к этому, что осознание небеспредельности жизни может служить основанием и для прямо противоположного вывода. «Чего там: живем один раз»,— аргумент такого рода не раз становился оправданием подлости, хищничества, ренегатства. И тем важнее, поскольку мы сейчас говорим о школе, значение нравственных уроков литературы.

«На столбовой дороженьке сошлись семь мужиков... Сошлися и заспорили: Кому живется весело, вольготно на Руси?» Так начинается поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». И слова эти — «сошлися и заспорили» — поразительно точно передают то, что происходит на страницах большинства произведений русской классики. Онегин и Ленский. «Они сошлись», и чуть дальше: «Меж ними все рождало споры и к размышлению влекло». А споры Чацкого и Фамусова, Чацкого и Молчалина, Рудина и Пигасова, Базарова и Павла Петровича, Раскольникова и Свидригайлова, Раскольникова и Порфирия Петровича, Андрея Болконского и Пьера Безухова...

Пафос спора пронизывает и поэму «Кому на Руси жить хорошо», поэму, которую некоторые исследователи называют «поэмой-диспутом». Но если Чацкий, Онегин, Рудин, Базаров, Раскольников, Андрей Болконский, Пьер Безухов приобщены к высотам русской и европейской культуры, если это цвет дворянской или разночинной интеллигенции, то в поэме Некрасова спорят мужики. Но спорят все о тех же высоких, духовных материях и ищут все ту же настоящую истину, подлинную правду.

Именно эти духовные искания некрасовских героев и стали для нас главным в анализе поэмы. Особо сосредоточили свое внимание на том, как решается в поэме проблема счастья, на том, как отвечает поэт на вопрос — что же значит жить хорошо. Читая страницы, посвященные Ермилу Гирину, мы увидели, что два слова являются здесь ключевыми: совесть и правда.

Некрасов приводит читателя к пониманию того, что невозможно «жить хорошо», невозможно быть счастливым без «строгой правды», поэт утверждает неразрывность чистой совести и правды.

Закончив разговор о поэзии Некрасова, мы обратились к литературе современной, к творчеству Шукшина. Об этом уроке и рассказано в начале статьи.

Эпиграфом к своей статье я взял строки из стихотворения Александра Твардовского. Это стихотворение заставило одного из читателей обратиться к поэту с письмом. Ответом А. Твардовского я и хочу закончить: «То, что названное стихотворение навело вас на мысль, присущую всякому сознательному человеку с известного возраста, мысль о смерти, о неизбежности личного конца, о великом и вечном законе природы,— это, по-моему, никакой не пессимизм. Разве можно ценить жизнь, любить ее и делать ее, как подобает разумному существу,— во благо, а не во вред тебе подобным,— не зная, не имея мужественного и здравого сознания ее преходящести, временности? В том-то и сласть и ценность ее, что она одна у каждого и нельзя ее прожить как-нибудь спустя рукава. Осознание этого — начало того процесса духовного роста, который формирует зрелого человека...» [6].

[5] «Словарь по этике». Изд. третье. М., 1975, стр. 284.
[6] «Юность», 1974, № 5, стр. 67.

Знаток нанайских мифов Василий Данилович Доннан.

Фото А. Герасимова.

СЕКРЕТ

А. ЧАДАЕВА

На реке Кур в Приамурье стоит нанайское село Улика-Национальная. Люди, живущие здесь, говорят на кур-урмийском диалекте нанайского языка. В их среде и по сей день бытуют произведения устного народного творчества. Более шестидесяти сказок записала я от сказительницы Дарьи Николаевны Удинкан.

Какие непреходящие ценности несет в себе нанайский фольклор? В чем секрет его долголетия и немеркнущего обаяния?

Прежде всего — в самой природе мышления этого народа. Как-то встретилось мне в сказке слово «гакинёрони», по-русски — папоротник. Два корня просматриваются в нем. «Гаки» — «ворона». Спрашиваю Дарью Николаевну: «Что такое «нёрони»?» «Коготь», — отвечает. Папоротник — вороний коготь! А ведь и в самом деле похожи его весенние туго скрученные завитки будущих листьев на поджатую — когтями внутрь — воронью лапу.

Процесс словообразования в языке нанайцев, какой бы диалект мы ни исследовали, несет следы мышления образного, поэтического. Ассоциации, которые легли в основу многих слов, рождены зоркостью людей, чья жизнь шла в непрерывном, органичном общении с природой. Деревья, травы, камни, огонь, вода казались им существами живыми, наделенными душой, способной влиять на благополучие и саму жизнь человека. Сказки доносят до нас отзвуки язычества, одухотворявшего природу.

Кур-урмийские нанайцы поклонялись когда-то иве-«фотоха», которой заросли берега рек и проток в этих местах. Из ее гибких, похожих на шнур, корней издревле плели корзины и тарелки для рыбы, возводили плетеные каркасы жилищ, из коры вили веревки. Даже в научной классификации ботаников она значится как «ива корзиночная». Немало даров принесло человеку это доброе дерево. И воображение нанайцев перенесло иву на небо, сделало священной. Там, на «фотоха-муони», поселили они маленьких птичек: так виделись им души нерожденных детей.

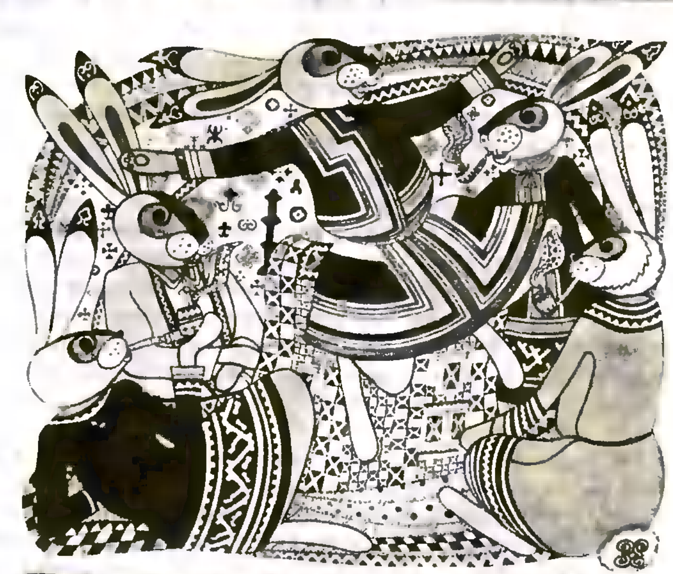
Вот почему героиней многих сказок стала ива. Но в них она предстает в ином, более земном наряде. Это девушка-«фудин», не захотевшая выйти замуж за водяного царя Мукааджяни. Нежного и храброго охотника предпочла она ему. Сражаются в озере ее женних водяной и жених земной. «Вода в озере, как в котле, кипит. Да только не вода это, а кровь. Плачет девушка, плачет-качается, в озеро смотрит. Сколько времени стоит — никто не знает. Вспомнила она свое детство, стала песни петь. Озеро тихонько-тихонько и успокоилось. Вода в нем чистая, прозрачная стала.

Видит фудин свое отражение в воде: вместо девушки-красавицы ива стоит. Ветки, как руки, к озеру тянутся... С тех пор всегда ива возле воды стоит. Ждет, когда ее любимый жених появится...».

Двулик и хитер багульник — «сэнкура». Народы Приамурья издавна знали его коварные свойства. Зажжешь — он тебя одурманит, голову закружит благовонным дымом, так что можно сознание потерять. А если пить настой багульника, вместе с белыми сушеными корнями болотной травки «авдаха», — вылечит от простуды. Положишь в меховые шкуры его листья — моль не попортит. Во всех ритуальных мистериях участвовал сэнкура-багульник. Думали нанайцы, будто духам-«сэвэнам» приятен его дым. Понюхают они его — станут покладистее, добрее.

Нет, пожалуй, ни одной «мужской», а значит, героической, длиною в несколько часов сказки, где бы храброму юноше не помогал волшебный запах багульника. «Мэргэн за утесом сэнкуры набрал, стал курить, дымить. В чашку лосиный жир набрал, брызгает», — говорится, например, в сказке «Оданфудин» — «Дурочка».

Наблюдательность и тысячелетний опыт заложены

в этих мифах и сказках. Непревзойденное знание тайги, свойств любого растения, повадок любого зверя или птицы отразилось в фольклоре. В этом — драгоценное качество народного творчества. И еще: в повседневной практике народов Дальнего Востока культ природы был равнозначен бережному отношению к ней. Нельзя было убить зверя лишнего или птицу в запале охотничьего азарта, нельзя осквернить землю возле священного дерева.

Необычайно богат и колоритен мир зверей, птиц, насекомых, изображаемых в нанайских сказках. Ведь сказка — всегда своего рода «почемучка». Мир состоял из загадок, и не вооруженные научными знаниями люди отвечали на них игрой воображения, в основе ко-

ли большую верность природе и, одновременно, следы тотемизма. У нанайцев и удэгейцев таким животным был тигр, у эвенков и нивхов — медведь.

Принцип выбора животного-покровителя опять-таки определялся превосходным знанием охотничьими племенами поведения избранного «прародителя». Василий Данилович Донкан из села Сикачи-Алян, известный следопыт, рассказывал мне об уме и могуществе «амба» — тигра — хозяина тайги: «Тавжный человек его уважает. Говорит: «Бог тайги». В тайге с ним встречался, но не близко. Он наная не тронет сам. Увидит — охотники пришли, он им свою фигуру покажет: на снег падает — остается его фигура. Хвалится: «Вот какой сильный я, какой длины у меня тело,

море. Ива стоит. Под ивой — золотой зайчик: три ножки, три ушка, один глаз. Сто раз успеет вокруг себя посмотреть, караулит, чтобы кто не подошел. Если ты самый ловкий и хитрый — поймаешь его. Если никудышный — ты с ума сойдешь, он тебя заколдует...»

Природа вошла в сказки народов Дальнего Востока и полифонией своего звучания, и пластикой линий, и буйной живописью красок. У маленького нанайца или удэгейца с колыбели развивали слух. Нанайские женщины привязывали к спинке люльки побрякушки, железные предметы, чтобы обострять слух будущего охотника. Художник Геннадий Павлишин видел у удэге такую же люльку, только вместо железок к ней были привязаны кости: «Я вошел, слышу:

ры старой лиственницы, желтая — если развести водой сухие гнилушки. Эта палитра, расцветшая в орнаментах бытовых предметов нанайцев и ульчей, удэгейцев и нивхов, сделала нарядными и их сказки.

Бьется мэргэн с шаманом в сказке «Золотой ершик». Героиня фудин видит их поединок отраженно. Небо, точно огромное зеркало, передает всю мощь и грозную силу сражения. «С той стороны — сплошная белая туча, плотная, как полотно. Ровно поднимается. Выше, страшнее. Вой из нее раздается по-лисьи, по-волчьи, по-звериному. Увидела вдруг: во-о-он маленькая тучка. Крутится, как мячик. На глазах растет, черной делается. Всю свою сторону закрыла. Стукнулись тучи. Вой еще сильней. Битва идет в небе. Потемнело на ули-

ДОЛГОЛЕТИЯ

торого лежало зерно опыта, осмысленного фантастически.

Но откуда, в самом деле, взялись на земле сонмища насекомых, кровососов, от которых нет житья в тайге? И воображение древнего человека изобретает страшилище-людоеда, чей внешний облик напоминает тысячекратно увеличенного раздувшегося клеща и большеголового шершня с выпученными глазами. «Голова у него — корзина, живот-мех надутый, глаза — плошки. В ушах серьги из собачьего помета». Две хитроумные подружки истолкли в ступе спящее чудовище-кровопийцу. «Там зернышки остались побольше и поменьше». Развеяли они зернышки по свету. «Самое большое стало шершнем. А поменьше — осой. А еще поменьше — комарами. Самые маленькие — мошками. С тех пор и повелось».

В русских сказках образы зверей — скорее стереотипы нравственных качеств человека, перенесенные на животных. Многие из этих качеств обобщены до нарицательных понятий. Медведь — символ неуклюжести, лиса — хитрости, заяц — трусости. В фольклоре нанайцев звери менее очеловечены. Они сохрани-

Иллюстрации художника Г. Павлишина к книге «Амурские сказки».

какие у меня лапы!» Амба на три дня вперед знает, кого он может убить. Охотится на кабана — промахнулся. Вернется на это место, измерит его: почему промахнулся? Самая сила тигра в хвосте. Если берет кабана, хвостом закручивается за дерево, так что кора лопается».

Все эти качества утрируются в сказочной трактовке. Хозяин тайги выступает сознательным защитником человека. Таинственная сила, заключенная в нем, помогает ему одолеть даже «бусяку» — злых духов, терзающих охотника, оживить шестерых его братьев и, превратившись в прекрасную девушку, стать женой молодого мэргэна. Такова канва сказки «Семеро братьев».

Непонятное в поведении животного вызывало у суеверного жителя тайги мистический страх. Заяц кричит по ночам. Значит, в нем живет бусяку. Поэтому шаманы никогда не оклеивали «гесел» — колотушку для бубна шкурой из заячьей лапки.

Сказочный заяц — эхо этого поверья. Не трус и не простак — хитрец, заколдовавший многих охотников. В сказке «Мо» — «Дерево» — всеведущая фудин наставляет юношу: «Семь марей тебе надо пройти, семь рёлок. Там мари зеленые, как

хлюп-хлюп. Бабка колыбель качает, кости по спинке стучат. Полная иллюзия: бат (лодка) идет по мелкой волне. Это они ребенка приучают к звукам воды».

Потом ребенок услышит эти звуки в тайге, на реке. Переплеск волн научит его ритму, шум ветра и деревьев — мелодии. И сказка, которую он услышит или расскажет сам, впитает в себя ритмы и звуки, вплетется в повествование песней. Но музыкальность национальных сказок не только в чередовании речитатива, повествования и песни. Она воссоздает и гармонию звучания природы. «К вечеру солнце село. Музыка хорошая раздалась: ракушки поют, лягушки квакают, зузукают комары» (сказка «Сорок фудин»). «Ветви у тебя будут играть, переливаться, будто волосы длинные. А зашумят — словно кто песню запоет» («Белая береза»).

Многоцветие тайги для народов Приамурья — не просто зрелище. В книге «Приамурские узоры» К. П. Белобородова пишет, что синюю краску для тонирования рыбьей кожи они умели извлекать из лепестков синеглазки или лазорника, красную — из сосновой коры и красных камней, из ягод клюквы. Черная получалась из сажи и ягод черемухи, коричневая — из ко-

Сказительница Дарья Николаевна Удинкан из села Улика-Национальная.

це, мрак...» Этот контраст черного и белого и создает напряжение сцены.

Звездный мир не исчислялся у нанайцев астральными расстояниями. Для

них, таежников-следопытов, звезды были ночными ориентирами, особенно не смещающаяся в течение ночи Полярная звезда. Они так и назвали ее — «хадахани» — неходящая.

Лунное затмение они, например, объясняли так: «Опять эндури свою собаку выпустил. Злая собака укусила «бя» — луну, и отправился бя на далекие небесные луга травами лечиться. Далеко ушел — вот и не видно его». Зато расположение звезд Большой Медведицы и вовсе обошлось без вмешательства божественной силы. Ковш — «дэлкан», четыре палочки с рогаткой, на которых невод сушат. Неправильно, криво вбил их в небесную твердь нерадивый зять в одной небесной семье. Старик тесть рассердился, выскочил с топором, за зятем гонится. Жена и дочь за ним — удержать его хотят. Так и бегут с тех пор, никто никого догнать не может.

Конкретность мышления древнего человека соотносила далекое и непонятное с предметами и явлениями обиходными и привычными. И сейчас еще живы у кур-урмийских нанайцев сказка, где луна — это не что иное, как тусклый медный щит, сродни «толи» — медному диску, который надевал на грудь шаман, чтобы обороняться от злых духов во время камлания. Щит этот дал своему сыну небесный старик. «Будешь от диких зверей защищаться во время ночного дозора», — сказал ему.

В другой сказке рисунок лунного рельефа ассоциируется с фигуркой девочки, несущей ведра на коромысле. В основу метафоры легла извечная тема «Золушки», несчастной падчерицы. «Ангачакан»-сироту тиранит мачеха, заставляет носить из проруби воду, которую тут же выливает за порог. «Луна! Луна! Хоть ты забери меня!» — три раза кликнула девочка и плачет, стоит с коромыслом на плече. Чувствует: светло-светло стало. Видит — луна спускается. «Садись, — говорит, — на меня». Пожалела девочку, унесла. Бывает, когда при луне дождик идет или снег — это та ангачакан плачет.

Лирический сюжет сказки «Падчерица на луне», видимо, был настолько популярен среди нанайцев, что даже орнамент на старой утвари повторяет его: в диск луны, похожий на нимб, вписана условная фигурка с ведрами на коромысле.

Предметом особого поклонения древних народов было солнце, дароносец тепла и света, самой жизни на земле. Идее гончарного круга, колеса, височных колец у земледельческих племен Древней Руси, мячу из нерпичьей кожи у эскимосов и североамериканских индейцев, диску бубна, завиткам орнаментальной спирали у приамурцев мы обязаны совершенному по форме «дневному светилу». Отзвуки почитания солнца можно усмотреть в некоторых старых обычаях. Так, считалось грехом, святотатством вылить помои в лужу, где играет солнечный зайчик.

Сказка персонифицирует величественный образ «сиу» — солнца, делает его ближе, доступнее. Сиу — прекрасная солнцеликая девушка. Никакие искушения не должны отвлекать ее от главного занятия — «светить всегда». Мать сиу дает ей иголку, и стоит кому-нибудь слишком пристально взглянуть на светоносную деву, как вонзит она ему в глаз острую иглу (сказка «Отчего на солнце смотреть нельзя»). Этот несколько необычный сказочный сюжет тоже, возможно, хранит след первозданного целомудренного и почтительного отношения к Солнцу.

Природа — повивальная бабка пытливости ума и первая воспитательница нравственности. Целомудренное, бережное отношение к ней — основа многовековой культуры малых народов Дальнего Востока. Выразитель их нравственного идеала в сказках — юноша, мэргэн (у удэге — мэяхи, у эвенков и ульчей — марга). Он обобщил в себе лучшие черты каждой из этих маленьких народностей.

Сказка рисует этого героя восторженно. Он — избранный, необычный. Даже портрет его отличен от привычных восточных эталонов красоты. «Большой палец у него как будто из гранита сделан, такой крепкий. Светлокурые волосы. Глаза необыкновенно зоркие, цвета как жемчуг» (сказка «Дабидака»). Как и полагается будущим богатырям, он растет не по дням, а по часам. «В 10 дней начал бегать и петь, в 20 — все понимать. Год ему стал — ростом как взрослый парень». Его добродетели не абстрактны. Они защищают отшлифованные в веках обычаи своего народа. Мотивы и цели поступков героя всегда благородны и совпадают с назидательной задачей сказки.

Мэргэн — воитель, лук и стрелы — его главный довод в споре с несправедливостью. Прежде у нанайцев был распространен обычай побратимства. Побратимы менялись одеждой, кисетами, поровну делили добычу. «Даже если перышко останется — поделим». В сказке «Мо» мэргэн убивает названного брата за предательство. Родители убитого не сетуют на юношу, считают наказание законным возмездием: «Старик плачет: «О-о, прости сынок, я его родил. Разве я знаю, кого мы вырастили. У тебя тоже может быть так». Почитание отца, матери, старшего по возрасту было родовой традицией нанайцев. Называть старших по имени считалось фамильярным, было равносильно оскорблению. И сейчас племянник окликает тетку не по имени, а словом «гугу» или «дахама». Жена, обращаясь к мужу, называет его «мафа» — уважаемый, старший. Дети говорят ему «ама» и т. д.

Сказочный герой — первый защитник матери. С помощью чудесных превращений он возвращает ей погибших сыновей, исцеляет мать от увечья и восстанавливает ее доброе имя, мстит богатырям — муханам за убийство отца. В этом сюжетном мотиве просматриваются еще и рудименты родовой мести времен родового строя.

Согласно родовым обычаям, у мэргэна много жен, но чаще всего это одинокие несчастные женщины, нуждающиеся в покровительстве, и мэргэн-муж выступает в качестве их благодетеля. Какими бы причинами (экономическими, социальными, психологическими) ни вызывалось это явление в жизни, в сказках, все эти мотивы сводятся к одному — нравственному: жениться на женщине — значит избавить ее от голода, нужды, защитить от посягательств или просто таким образом отблагодарить ее за помощь.

Характер мэргэна, какой бы сверхсилой он ни был наделен, по-человечески не однозначен, даже противоречив, выписан сложно. Это образ доверчивого, скромного до застенчивости человека. Он никогда не совершает своих подвигов на глазах у любимой, никогда не говорит о них. Напротив, даже смертельную опасность, угрожающую ему, старается представить бытовым пустяком. Это отсутствие хвастовства, неумение декларировать свои поступки, душевная деликатность — черта национального характера народов Приамурья, естественно унаследованная их сказочными персонажами.

Любая нанайская сказка на том и замешана, что герой сражается с грозными, неподвластными обыкновенному смертному духами. Не крылось ли в этой закономерности подспудное стремление нанайцев освободиться от ежеминутной жестокой опеки духов, созданных их же воображением и возведенных в степень реальности? Ведь сказки не только обобщают, аккумулируют опыт, ставший традициями, но и идут вспять, прорастают парадоксами, в которых и заключены, как в готовую прорваться оболочку, стремления к переменам, веяния новых времен.

— Почему сказку люблю? — переспросил меня как-то старый человек Тихон Ахтанка. — Интересно. В сказках очень много правды, и той, что была, и той, что будет. С жизнью они совпадают.

Вот почему в традиционный строй старинных сказок вторгается новая образность, рожденная сегодняшним бытом нанайцев. Технические новшества кажутся современной сказительнице чудеснее, чем самые невероятные волшебства, и она смело переосмысливает привычный образ сказки.

На каменной птице летит мэргэн выше облаков. «Наверное, это самолет был», — поясняет себе и мне Дарья Николаевна Удинкан. Увидел мэргэн город большой. Из труб дым идет, город закрыл. «Наверное, это заводы были», — слышу опять. Ее волшебные лодки быстры, как... глиссеры. А приказы шаманок-фудин распространяются молниеносно: «Не иначе — у них телефон был».

Сказки мобильнее, чем национальные мифы или легенды. Они первыми регистрируют формирование нового мировоззрения в среде малых народов. И в этом также секрет их долговечности, достойный пристального изучения, внимания и поддержки. В одном из писем Дарья Николаевна Удинкан писала мне: «Я никогда не думала, что мои сказки будут жить. Думала — навсегда умерли. Мне даже не верится, что мой голос — в прошлом темной женщины — может пробудить добрые чувства».

г. Хабаровск

СВОБОДА СОВЕСТИ И ДУХОВНАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

М. НОВИКОВ,
доктор философских наук

Под напором растущих требований эксплуатируемых классов буржуазия вынуждена идти на некоторые уступки в удовлетворении социальных нужд трудящихся. В то же самое время она стремится использовать весь арсенал своих пропагандистских средств для дискредитации советского образа жизни и экономических, социальных и идейно-политических достижений развитого социалистического общества. С этой целью в последние годы особенно активно эксплуатируется не имеющая ничего общего с реальной действительностью идея об отсутствии в СССР свободы совести, о мнимых нарушениях органами государственной власти конституционных гарантий, о якобы имеющем место преследовании церкви, духовенства и верующих. Для подтверждения всех этих и подобных инсинуаций используются инспирированные «свидетельства» лиц, враждебно настроенных к советскому строю, а также претендующие на научность аргументы, почерпнутые из резервуаров буржуазной пропаганды. На анализе этих аргументов мы остановимся более подробно.

Свобода совести на различных этапах исторического развития понималась по-разному. До XVIII века это понятие означало не более как требование веротерпимости, свободы выбора религии, противостоящее безраздельному господству официальных религий. У выдающегося социалиста-утописта XVI века Томаса Мора каждому из жителей Утопии «позволяется принадлежать к той религии, какая ему нравится»[1], то есть обеспечивается свобода верований. Без малого через 200 лет знаменитый английский материалист Джон Локк страстно доказывал «справедливость и практичность веротерпимости» и в этой связи считал необходимым строго разграничивать «дела гражданского правления от религиозных дел и установить справедливые границы между теми и другими»[2]. На этом основании он настаивал на отделении церкви от государства. Такую точку зрения разделяли большинство материалистов XVII века.

Решительный шаг вперед в понимании свободы совести сделали французские материалисты XVIII века. Открыто выступив против господствующей религии, они не только объявили ее силой, враждебной разуму и подавляющей творческую мысль, но и неприемлемым для цивилизованного общества предрассудком. Гольбах, например, неустанно доказывал, что всякая религия проповедует нетерпимость, вражду и рознь между народами, призывает «к ожесточению и навсегда изгнала из человеческого сердца чувства любви и симпатии»[3]. Тут уж речь шла не только о веротерпимости, но и о свободе не исповедовать никакой религии.

Однако если в период борьбы с феодализмом идеологи буржуазии не только выдвигали требование веротерпимости, но и возвышались до требования устранения религии из жизни общества, то дело коренным образом изменилось после завоевания буржуазией политической власти. Религия вновь была взята на вооружение — с той лишь разницей, что она теперь охранялась не феодальным, а буржуазным законодательством. Провозглашенная идеологами капиталистического государства свобода совести уже не означала ничего иного, кроме свободы выбора религии, свободы пропаганды религии, свободы менять одни религиозные убеждения на другие. На эту особенность указал К. Маркс: «Буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам **религиозной свободы совести...**»[4].

Столь ограниченное и урезанное понимание свободы совести

---

[1] Томас Мор. Утопия. М., 1953, стр. 199.

[2] Д. Локк. Избр. философ. произв. в двух томах, т. II. М., 1960, стр. 141, 145.

[3] «Французские просветители XVIII в. и религии». М., 1960, стр. 640.

[4] К. Марис и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 30.

определялось ограниченностью и урезанностью всех прав и свобод в капиталистическом обществе. Буржуазия, по словам основоположников научного коммунизма, «превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод **одну** бессовестную свободу торговли»[5].

В настоящее время в большинстве капиталистических стран принадлежность к религии официально или неофициально поддерживается целой серией требований и рекомендаций. Так, посещение богослужений в ряде ведущих капиталистических стран считается признаком политической и нравственной благонадежности, влияющей на прием и увольнение с работы. Определенные должности могут занимать только люди, исповедующие господствующую религию.

Отсюда следует, что подлинная свобода совести становится реальностью не вследствие провозглашения этого принципа, а только в результате обеспечения всех других прав и свобод и, прежде всего, экономического и политического равенства, изменения характера труда и его места в жизни человека. Никакое формальное отделение церкви от государства и школы от церкви, никакие широковещательные заявления об обеспечении прав и свобод без экономического, политического и духовного равенства граждан не являются показателем реальных прав и свобод, в том числе и свободы совести. В любом буржуазном обществе демократические идеалы свободы и равенства — по сути пустая декларация. По конституциям многих капиталистических стран президент и премьер-министр могут занять свой пост только в том случае, если они исповедуют государственную религию, узаконена религиозная присяга, запрещается пропаганда атеизма.

Таким образом, буржуазное понимание свободы совести в принципе сводится только к свободе выбора религии, свободе религиозной пропаганды, свободе менять религиозные убеждения. Что же касается свободы атеистических взглядов и убеждений, свободы атеистической пропаганды, то они квалифицируются буржуазными идеологами как нарушение и ущемление свободы совести. Это и служит истоком мифов об ущемлении религии и преследовании верующих в СССР, о нарушениях свободы совести — о «государственном атеизме» в нашей стране.

Один из важнейших принципов подлинной свободы совести — право каждого гражданина по собственному усмотрению определять свое отношение к религии и атеизму. И оно четко зафиксировано в статье 52 Конституции СССР: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается.

Церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви».

Конституция СССР не устанавливает юридических различий между верующими и атеистами, не вводит никаких ограничений в зависимости от отношения к религии или атеизму. Этот основополагающий общий правовой принцип свободы совести находит адекватное отражение в советском законодательстве о религиозных культах. И тот факт, что советское законодательство предоставляет равные права и на атеистическое и на религиозное воспитание в семье, отнюдь не вынужденная уступка, не тактический прием (как это часто утверждают буржуазные религиоведы и теологи), а последовательная реализация принципов подлинной свободы совести. Суверенное право родителей воспитывать детей в соответствии со своим мировоззрением начисто опровергает вымыслы о действующей в СССР системе ограничений в духовной жизни. Более того, свобода атеистической пропаганды, немыслимая в капиталистических странах, обогащает духовный мир советского человека, предоставляет ему полную возможность свободного выбора мировоззренческой ориентации.

Все это означает, что с правовой точки зрения могут быть взяты под сомнение не принципы реализации свободы совести в СССР, а утверждения буржуазных идеологов о «государственном атеизме» в нашей стране.

Что обычно вкладывается в понятие «государственный атеизм» буржуазной и теологической пропагандой?

Венский архиепископ Франц Кёниг, председатель ватиканского секретариата по делам неверующих, специализирующийся в последнее время на фальсификации марксистского атеизма, пытается доказать наличие «государственного атеизма» утверждениями о предоставлении в нашей стране привилегий неверующим и дискриминации верующих при приеме в высшие учебные заведения. В действительности же приемные комиссии вузов не интересуются отношением абитуриентов к религии и атеизму. Ни в одном из документов, требующихся для допуска к экзаменам и зачисления в наши учебные заведения, нет никаких пунктов, удостоверяющих принадлежность или непринадлежность абитуриентов к какой-либо религиозной организации.

Особенно часто буржуазная пропаганда спекулирует на различного рода примерах, с ее точки зрения ограничивающих деятельность некоторых религиозных объединений и групп, что якобы подтверждает привилегированное положение атеистов. Этот довод не имеет ничего общего с действительным положением дел. В СССР ограничивается не религиозная деятельность, а деятельность тех религиозных объединений и групп, которые покушаются на права, честь и достоинство советских граждан. Не может же, в самом деле, наше государство безразлично относиться к антисоветским или изуверским акциям некоторых религиозных групп. Социалистическое общество охраняет права и интересы своих граждан на основе принципа социальной справедливости и социального равенства и вполне правомерно требует, чтобы эти права и интересы никем без исключения не нарушались. Так, впрочем, должно поступать всякое подлинно демократическое общество.

Социалистическое государство ведет огромную культурно-воспитательную работу, вовлекает ши-

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 426.

рокие массы трудящихся в общественно-политическую и трудовую деятельность, осуществляет коммунистическое воспитание. Оно обеспечивает единство обучения и воспитания, светский характер образования, исключающий влияние религии.

Но отсюда вовсе не следует, что социалистическое законодательство предоставляет какие-либо преимущества атеистам. Это отнюдь не означает также, что в государственных нормативных актах ущемляются интересы верующих. Религия в социалистическом обществе — частное дело его граждан. Государство ни прямо, ни косвенно не вмешивается в собственно религиозные вопросы. Государство, по словам В. И. Ленина, не ставит вопроса о запрещении религии в социалистическом обществе, считая объявление войны религии анархическим фразерством.

Создав условия, обеспечивающие свободу и равноправие всех граждан, независимо от их религиозных убеждений, социалистическое общество тем самым претворило в жизнь подлинно демократический идеал свободы и равенства, основывающийся на принципиально новом типе цивилизации. Свобода совести стала достоянием всех без исключения граждан СССР.

Нетрудно понять, что буржуазная пропаганда, голословно твердящая о существовании так называемого «государственного атеизма» в социалистических странах, рассчитана на малоосведомленных слушателей и читателей. В ее утверждениях все поставлено с ног на голову: ограничение прав и свобод в буржуазном обществе изображается вершиной демократических завоеваний, а подлинные свободы развитого социалистического общества фальсифицируются и искажаются.

Свобода совести — не только правовая категория. Она является важнейшим аспектом политической свободы. Еще накануне первой русской революции Ленин говорил о свободе совести как необходимой составной части политической свободы, обеспечивающей устранение всех общественных условий, насиловавших совесть человека. Ленин придавал первостепенное значение такому пониманию свободы совести, которое выражало бы коренные интересы трудящихся классов и противостояло бы узкокорыстным целям реакционной буржуазии. Анализируя классовую подоплеку высказываний о свободе совести губернского предводителя дворянства Стаховича на миссионерском съезде в Орле, Ленин отмечал, что весь смысл этих высказываний сводится к предложениям «попам ходатайствовать «пригодным порядком» о свободе совести. Это все равно, что на съезде становых предложить бы ходатайствовать о политической свободе!»[6].

Ленинская оценка свободы совести позволяет с четких классовых позиций понять принципиальное отличие марксистского и буржуазного подхода ко всем вопросам религии и атеизма. Она также дает возможность усвоить ту простую истину, что все политические права и свободы, в том числе и свобода совести, обеспечиваются лишь в процессе революционного преобразования общества на социалистических началах. При этом Ленин всегда предупреждал, что мы ни в коем случае не должны «сбиваться на абстрактную, идеалистическую постановку религиозного вопроса «от разума», вне классовой борьбы, — постановку, нередко даваемую радикальными демократами из буржуазии»[7]. Реальное обеспечение свободы совести возможно только в таком обществе, где, как утверждали К. Маркс и Ф. Энгельс, «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»[8].

Политическая организация нашего общества такова, что оно сплачивает трудящиеся массы, вовлекает их в социалистическое строительство. Каждому человеку, независимо от его отношения к религии и атеизму, предоставляется равная возможность для участия в творческой деятельности. Наше общество не заинтересовано в ограничении каких бы то ни было прав верующих — это наносило бы ущерб делу коммунистического строительства, расшатывало бы социально-политическое единство советского народа. Само собой понятно, что ограничение враждебной интересам народа деятельности некоторых религиозных групп к этому никакого отношения не имеет.

Сплочение и объединение и верующих и неверующих для решения грандиозной задачи построения коммунизма не способствуют укреплению позиций церкви. Наоборот, самоутверждение человека в общественной деятельности помогает ему освободиться от иллюзорных представлений и консервативных привычек. Именно поэтому важнейшим и решающим условием преодоления влияния религии является все более широкое вовлечение всех без исключения верующих в процесс активного созидательного творчества.

Вся деятельность социалистического государства, опирающаяся на незыблемый фундамент марксизма-ленинизма, формирует диалектико-материалистическое мировоззрение у трудящихся масс. Невиданный в истории рост образования и культуры, трудового энтузиазма сам по себе обусловливает угасание религии, как и всех пережитков прошлого. Сейчас уже как очевидцы мы убеждаемся в правоте слов Маркса, считавшего, что религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм.

Если религия всегда снижала творческий потенциал личности, то трудовая и политическая активность, освобождая человека от предрассудков и заблуждений, повышает его. В этом проявляется одна из важных особенностей культурно-воспитательной функции Советского государства. Но это не имеет ничего общего ни с дискриминацией верующих, ни с ограничением их прав, как пытается доказать буржуазная пропаганда. В СССР никто не выражает политического недоверия ни верующим, ни священнослужителям.

Таким образом подлинная свобода совести, создающая все предпосылки и условия для вовлечения верующих в общественно-политическую и трудовую деятельность, оказывается объективной основой преодоления религиозных представлений в сознании людей. В процессе участия

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 336.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 146.
[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 447.

верующих в материальном производстве в ходе их духовного обогащения восполняются ослабленные религией социальные связи. 60-летний опыт коммунистического воспитания в нашей стране — убедительное подтверждение истинности марксистско-ленинского учения о том, что вовлеченность широких народных масс — как верующих, так и неверующих — в активное историческое творчество становится определяющим фактором развития массового атеизма.

Свобода совести — составная часть социалистической демократии. Уничтожая все формы дискриминации и неравенства, социалистическая демократия утверждает для всех советских граждан равные права и свободы. Тем самым создается реальная база сотрудничества верующих и неверующих в решении целого ряда актуальных проблем современности.

Свобода совести — также важный аспект нравственной свободы, имеющий огромное значение для формирования нравственного сознания.

Как известно, подавление религией и церковью прав и свобод человека на всех этапах общественного развития самым негативным образом отражалось на нравственном сознании и нравственном поведении, на семейно-брачных, национальных и иных отношениях. Достаточно вспомнить отношение к женщине, которое утверждали христианство, ислам, иудаизм и другие религии, чтобы составить представление о негативных последствиях господства религиозной идеологии.

Мусульманское право, например, приравняло свидетельское показание одного мужчины к аналогичным показаниям двух женщин. Шариат утвердил целую систему купли-продажи девушек, превратив брак в денежную сделку. Можно привести тысячи других примеров, показывающих, как религия унижала честь и достоинство людей, какие антигуманные представления она утверждала.

Все без исключения религии мешали человеку осознать свою ответственность за исполнение общественного долга, сводили проблему морального выбора к усвоению и выполнению раз и навсегда сформулированных в вероучении нравственных требований. Это уже само по себе ограничивало социальное и духовное развитие личности.

Что же касается религиозного представления о свободе воли, то оно никогда не соответствовало общественной необходимости, а служило лишь одним из средств оправдания социальной несправедливости.

К этому можно добавить, что верующий все свои поступки так или иначе соотносит только с нормами и правилами, сформулированными в вероучении. Подчинение этим предписаниям, которые в силу своей абстрактности никогда и никем не могли быть полностью выполнены, порождало немало противоречий в сознании верующих, так как требования религиозной морали весьма мало согласовывались с нравственными нормами, господствовавшими в обществе. А это мешало самовыражению личности, ограничивало свободу морального выбора, притупляло чувство ответственности и вины за поступки, противоречащие общественным требованиям. Утверждая идеи предопределенности, религия тем самым брала под сомнение саму возможность человека активно выразить собственную сущность.

В то же время реализация принципов подлинной свободы совести объективно ведет к возрастанию и свободы морального выбора и ответственности личности за свои поступки и действия. Возможность руководствоваться не абстрактными религиозными нравственными предписаниями, а осознанными, реальными, диктуемыми социальной необходимостью нормами раскрепощает духовный мир человека, позволяет ему сознательно определить свое поведение по отношению к обществу, к другим людям, к живой и неживой природе.

Широко распространенное в теологической и буржуазной литературе обвинение атеизма в том, что он воспитывает нравственный нигилизм, аморализм, разрушает веками складывавшиеся духовные ценности, принижает и опустошает человека, не имеет ничего общего с действительностью. Научный атеизм отвергает только такую мораль, которая защищает интересы угнетателей, выводится из абстрактных божественных повелений и формирует чуждые общечеловеческим гуманным нормам и, естественно, социалистическому образу жизни правила, нормы, представления. Научный атеизм самым решительным образом выступает против антинаучных идей о преобразовании общества на основе нравственного самосовершенствования под воздействием религиозной проповеди.

Хорошо известно, что научный атеизм никогда не отвергал и не отвергает нравственных ценностей, накопленных человечеством в ходе его развития, хотя никогда не упускает из вида их классовое содержание и историческую обусловленность. Он в полном объеме приемлет такие, например, нравственные категории, как добро, честь и достоинство, долг и совесть и т. п.

Современная буржуазная пропаганда пытается доказать, что только в обществе свободного предпринимательства возможна ничем не ограниченная свобода личного решения, нравственного выбора, образа мышления, способа удовлетворения религиозных потребностей. Однако нетрудно заметить, что свободный выбор религии в буржуазной пропаганде соотносится не с духовным раскрепощением личности, а с господствующей в буржуазном обществе свободой усвоить любую разновидность официальной идеологии. Поэтому в полном соответствии со своими классовыми интересами буржуазия считает необходимым сохранить религиозное руководство школами и воспитанием молодежи, поддерживает вмешательство религиозных центров во все сферы духовной жизни общества.

Все это не имеет ничего общего ни с подлинной свободой совести, ни с истинными духовными потребностями трудящихся масс. Настоящей свободой совести может быть только такая совокупность прав и свобод, которая обеспечивает духовную эмансипацию личности, освобождает ее от противоречащей ее интересам религиозной регламентации поступков и деятельности и утверждает научное мировоззрение.

СЕЛО ОБУДОВО

Читатель сообщает, советует, спрашивает

Вот приняли мы новый наш Основной Закон — Конституцию СССР, вступила она в действие с первого же дня принятия, живет и работает, как сказал товарищ Брежнев, и вспомнилась мне — да, наверное, не мне одному — старая наша сельская жизнь, когда еще только создавались колхозы. Расскажу все по порядку о моем селе, каким я его помню и люблю. Ведь для каждого человека то место, где он родился и вырос, — дорого и любимо и живет в его сердце, куда бы он ни уехал. Потому и называется — родина...

Родился я в 1918 году в селе Обудово Спировского района Калининской области. Детство и молодые годы до самого призыва в Красную Армию прошли у меня в родном селе. Образование мое — всего семь классов. Но в начале тридцатых годов человек, окончивший семилетку, считался на селе шибко грамотным. А я думаю, что обязательно наступает час, когда грамотный человек сам себе задает вопросы: есть ли бог? Что такое религия? Я лично еще до окончания семилетки убедился, что бога люди придумали. Дошел до этой мысли своим умом, и вся моя жизнь подтвердила это убеждение. Пришлось на своем не совсем еще долгом веку немало пережить, сталкивался я и работал с людьми разных национальностей. И не встретил случая, чтобы бог кому-то помог, чтобы молитвы кого-то избавили от страданий.

Тяжелораненный попал я на фронте в плен к немцам. Пытался много раз бежать либо каким иным путем выбраться из лагерей смерти, но сделать это не удалось. Прошел я фашистскую каторгу и в Германии, и во Франции, и в Польше, и в Чехословакии. Работяги мы, конечно, были неважные — измученные и голодные, хотя нас для «бодрости» колотили эсэсовцы палками. Но все пленные, с какими только приходилось встречаться, — русские, поляки, американцы, англичане, французы, сербы, болгары, итальянцы — относились друг к другу по-человечески, к какой бы национальности кто ни принадлежал. Делились маленьким кусочком хлеба, окурочком сигареты и просто добрым отношением, сочувствием, улыбкой. А в фашистском лагере смерти — это, ох, как много! Голод мучил нас до невозможности, смерть за каждым ходила по пятам, а вот о боге почему-то не говорили, не надеялись на него. И удивительно — в самых жутких условиях обходились пленные различных наций, разной веры и неверующие между собой хорошо, без зла, без ругани. Все мы были как братья.

Хлеборобский нелегкий труд познал я с малых лет в родном моем селе Обудово. Славилось Обудово работящими мужиками. Непременно в хозяйстве держали овец и поросят, а кто и по две коровы, хотя корму иногда не хватало, кормили буренушек соломой. А если не иметь скотины, то семью кормить было нечем. Ведь ребятишек было по шесть, семь, а то по девять и больше. Конечно, обувь и одежду тогда такую, как сейчас, мы не носили, бегали босиком от ранней весны, как снежок стает, и до осенних холодов. Штанишки самотканые, застегнутые на одну пуговицу, — вот и вся одежда у мальчишек. Вообще вещи в те времена ценились высоко и носили их аккуратно, передавали по наследству. Старики рассказывали, что, когда шли в церковь, обували худенькую обувенку, а новые сапоги несли под мышкой. Около храма переобувались, а после службы — опять новые сапоги под мышкой.

Но каким бы бедным у нас ни был хозяин, он обязательно строил на своей усадьбе баньку. Только самые что ни на есть наибеднейшие не имели бань, но тех пускали мыться соседи.

Гумно с ригой было тогда одной из главных забот крестьянина. Здесь обмолачивали и сушили хлеб, а осенью, по окончании уборки, гумно забивали обмолоченной ржаной, яровой, ячменной и льняной соломой. Поэтому гумно и ригу, сберегая их от пожара, строили в конце огорода, на задворках. Все хозяева верили, что в темное ночное время там шастают нечистые духи и черти, и мало кто ночью туда решался пойти. Однако под большие религиозные праздники страх этот пропадал — во многих ригах, банях всю ночь гнали самогон, и считалось, что подвыпивших мужиков и баб черти сами боятся.

Были в селе и те, что жили лишь милостыней. Вокруг их избушек не было ни кола, ни двора. Побирались нищие по деревням, стояли на церковной паперти и смиренно дожидались, пока кто-нибудь подаст хлеба или копеечку.

Все места вокруг Обудова имели свои исконные названия: ключи, осинновицы, попово поле, тутани, мокрый луг... Давно уже некоторые из этих названий потеряли свое значение. В ключах били из земли некогда два ключа — не стало их. В осинновицах не стало осин, лишь на оставшихся межниках можно определить по мелким осинкам, что здесь когда-то был лес. Никто не знал, откуда пошло название «тутани». Место это находилось на перекрестке чуть заметных в траве старых дорог. Давно уж по ним не ездили, и бывали люди там лишь в сенокос. Но крепко держалось суеверие — мол, в тутанях водятся черти, нечистые духи и привидения.

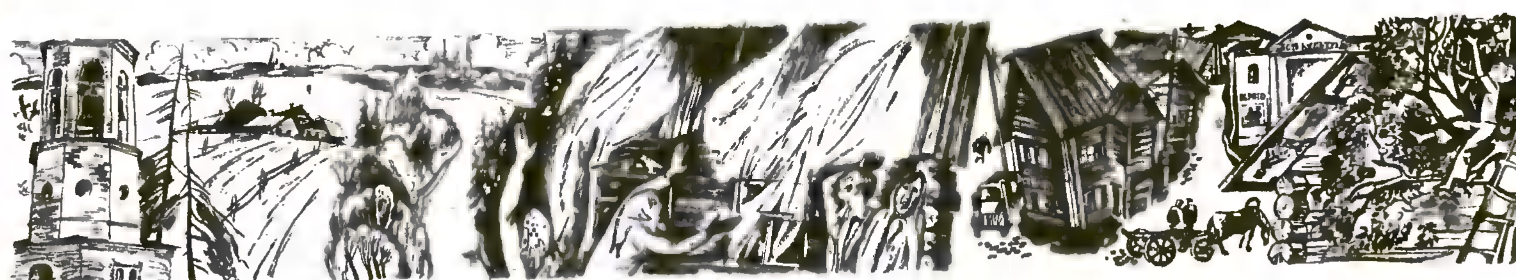
Почти со всех сторон село окружали леса. А если смотреть на него со стороны железной дороги, то за четыре версты хорошо было видно высокую колокольню. Приход у нашей церкви был большой: семь деревень, кроме самого Обудова. Но колокольный звон оповещал не только о праздниках, но и о пожарах.

Самый большой колокольный звон бывал на пасху. Звонили все семь дней, и гуляло село всю неделю, и по обычаю — все больше на кладбище. Рассаживались мужики кучками на могилы и целыми днями играли в карты. Игра до того вводила людей в азарт, что иные продолжали и после пасхи — в ригах и банях, по неделе домой не показывались. Проигрывали последние гроши, одежду, дело доходило даже до скотины. Сколько плакали из-за этих проклятых карт у нас бабы.

В дни пасхи поп, дьякон и псаломщик должны были побывать в каждом доме по всему приходу: в Обудове и во всех семи деревнях. Очередность устанавливал церковный староста. Обойти за неделю весь приход священник, конечно, не имел возможности, тем более что каждый хозяин дома, особенно богатый, приглашал к столу. С утра поп мог еще служить, а уж к обеду и дальше у подвыпившего батюшки ничего нельзя было разобрать. Но люди не обижались: в каждом доме приготавливали для него крашеные яйца, куличи. Поп брал большую часть, дьякон поменьше, а псаломщик — что останется.

Отец мой нанялся возить на своей лошади почту и, приучая к делу, иногда посылал меня. Рано утром ехал я за ней в районный центр. Это было не близко — в один конец девять верст. И вот в то время разгадал я одну волновавшую нас загадку. Считалось издавна, что на пасху — самый длинный день и такой, мол, он в честь великого христианского праздника. А я понял, что длинный он оттого, что придут люди домой от всенощной под утро, а вскоре снова надо в церковь идти, воротятся, а день все еще тянется. Много у обудовцев было подобных «загадок», и считали, что они от бога.

Но и тогда находились у нас неверующие люди, хотя это было, ой, как опасно. В июле, например, в самый разгар сенокоса, у нас праздновали Петров день и считалось большим грехом в этот день работать. И ни одного года не проходило, чтобы на Петровки не было в селе пожара. Дело в том, что работящие мужики не выдерживали безделья, уезжали в луга покосить или скопнить сено. А религиозные ревнители в отместку поджигали дом такого безбожника или делали что-нибудь худое со скотиной, а потом говорили: «Это бог его покарал!»

Повзрослев, стал я комсомольцем, но еще раньше перестал ходить в церковь. А вскоре закрыли ее, и вышло это само собой. Поп у нас служил временно, был он приезжий и почему-то уехал. Верующие пытались возобновить службу в церкви, но попа не нашли, и на этом все кончилось. Да и сама наша жизнь стала резко меняться — мало кто скучал о церкви. Приходилось, правда, слышать от верующих старух, что теперь, дескать, надо ждать конца света, что всех людей попутал Сатана, что на том свете всем нам за это гореть в геене огненной. Но эти сказки уже никого не пугали.

Коллективизация в селе началась в 1929 году. Поначалу организовались у нас четыре хозяйства, которые назывались ТОЗЫ. Немного свыкшись в коллективе, решили в 1933 году всем селом соединиться в один колхоз, название ему дали «Могучий», и оно отвечало действительности: хозяйство получилось богатое. Много свету и радости прибавилось в Обудове. Колхоз помог сельсовету открыть избу-читальню, библиотеку, детский сад, медицинский пункт, два магазина и даже свою хлебопекарню. И уже шел разговор, чтобы провести в Обудово электричество. Словом, зажили обудовцы прекрасно и радовались своей колхозной жизни.

Но не всем жителям села эта новая жизнь — без бога и без богатых — пришлась по вкусу. Неизвестные люди решили озлобить народ, посеять панику, разрушить колхоз, разорить село. И началось летом тридцать третьего года: что ни день — поджог. Неизвестно, кто поджигал, но начались пожары с самого большого в селе дома — двухэтажного, деревянного, который принадлежал до революции торговцу Солодову, а при Советской власти тут помещались сельский Совет, почта, а затем и правление колхоза. Народ успел потушить этот пожар, но затем пожары стали вспыхивать по нескольку раз на день.

Жили обудовцы в страшной тревоге и в постоянной готовности к битве с огнем. На колокольне, откуда было видно далеко, день и ночь находился наблюдатель. Лошади стояли запряженные в пожарную машину, так и не выпрягались. Дежурила и милиция. Самый разгар полевых работ, а не успеют колхозники прийти в поле, как уже кто-то кричит: «Горит!» — и все бросаются в село.

Несчастье озлило обудовцев. Попадись им поджигатель, разорвали бы его в клочки. И на воротах, заборах, на стенах кто-то писал угрозы: «Спалим Обудово! Выжжем Обудово!» Верующие стали поговаривать, что бог нас за грехи карает, за наших безбожников. А тут еще церковь закрыли... Но все знали: ни при чем здесь бог. Злодей-поджигатель живет среди нас, и малому ребенку ясно, что мстит тот поджигатель обудовцам за новую колхозную жизнь.

Недель шесть продолжались пожары, но народ не дал спалить село, и поджоги прекратились. Подозревали кое-кого, но лишь за подозрение не привлечешь к ответу.

Жизнь наладилась, прошлое забылось. Но вот председателя колхоза И. Я. Баландина, умелого, опытного руководителя, забрали от нас на партийную работу в район, а новый вместе со своим приятелем-счетоводом очень любили крепко выпить. Так они пропили немало колхозного добра. Вот им и понадобилось сжечь правление колхоза вместе с документами. В сухой и ветреный сентябрьский день в тридцать восьмом году вспыхнул в селе большой пожар. И не успели люди еще опомниться, как загорелось в другом конце села.

В день того страшного пожара мы с женой были на работе на станции, далеко от села. Воротились, а дома нашего уже нет, и пошли мы на огород — в баню. Там на руках у моей матери спала наша трехмесячная дочь Тамара. Завернула ее бабушка в фуфайку, а сама плачет от горя. А мы с женой были рады, что ребенок наш жив. Ведь с кем дите было оставлено? С двумя стариками. Но дочка наша заболела воспалением легких и недели через две умерла. Оказывается, во время пожара бабушка положила ее в огороде на землю, а сама побежала спасать образа. Ребенок завернут был плохо, и продуло нашу крошку осенним ветром на холодной земле. Горюю я о дочке и поныне.

После пожара, истребившего в селе полсотни дворов, некоторые погорельцы выехали из Обудова. Но большинство остались на пепелищах и начали строиться заново — кто как смог. Невидненькие получались новые дома. Стояли они редко, как хутора. Вид села изменился. Сады погибли.

Каждое лето я навещаю свое родное Обудово. Ныне село разрослось, дороги хорошие, везде электричество. На том месте, где было когда-то правление колхоза, стоит богатый клуб. В центре высится большой кирпичный жилой дом. А там, где в тутанях хозяйничали черти, все сравнялось в обширные плодородные поля. Но многое еще напоминает старое Обудово. Все так же бьет из земли родник у церкви, все на том же старом месте стоит магазин, и тот же громадный камень лежит у его порога вместо ступеньки. И много еще сохранилось старых домов.

Но каким бы оно ни было — и новое и старое — дорого оно моему сердцу, родина моя, село Обудово.

П. КОВАЛЕВ, плотник

с. Завидово,
Калининской области

Рисунки В. Иванова.

Личные наблюдения

В детстве я жил на Кубани. В станице с 20-тысячным населением не было ни театра, ни клуба, ни кино. По воскресным дням на базар приезжали фокусники, циркачи, которые развлекали жителей. Молодежь по вечерам собиралась на улицах, пели песни, веселились, как могли, устраивали вечеринки. Вот такие были развлечения. Что же оставалось? Только церковь! В храм божий ходили и людей посмотреть, и себя показать. Но прежде всего, разумеется, молиться, и молились истово, прося бога об отпущении грехов. Каждый шептал о своих нуждах в надежде получить помощь. А тем временем служитель церкви несколько раз проходил с тарелкой, собирая деньги на ремонт церкви и содержание причта.

Подростком я посещал церковь и невольно задумывался: зачем это богу нужно, чтобы люди во время службы становились на колени? Разве нельзя просить бога стоя? И я решил, что порядок такой — молиться на коленях — придумали попы, а люди им поверили, что так нужно, и подчинились, и выполняют. Эта мысль, наверное, и была началом моего юношеского атеизма.

Большая красивая церковь находилась в центре села. Вокруг нее стояла ограда с кирпичным фундаментом и чугунными решетками, а примерно в полуверсте от церкви была невзрачная сельская школа, в доме из трех комнат. Вот такая маленькая школа на всю большую станицу. В школе обязательным предметом был закон божий. Ученики вытверживали Ветхий и Новый заветы. Но я не мог поверить, что всемогущий бог создал всю планету — землю, моря, растения, зверей, рыб, животных, птиц и человека — за шесть дней и из ребра человека женщину. Я боялся сказать о своем неверии, но вскоре расстался с учебой. Случилось это так.

Отец Николай, наш «законоучитель», на уроке закона божьего подошел ко мне и ударил по щеке. Мальчики на задней парте шалили, но поп не разобрался и дал пощечину мне, а затем повел к доске и поставил в угол. Я не мог перенести незаслуженную обиду, вернулся к парте, взял свои учебники и ушел домой, а дома заявил, что больше в школу не пойду. Мои родители и родственники долго уговаривали меня продолжать учебу, но я остался при своем решении, не понимая, какой вред причинил этим упрямством будущему своему образованию.

Осенью меня отправили в город Грозный, в семью одного знакомого коммерсанта, у которого я должен был работать. Семья эта была набожная, выполняла все, что предписывала православная церковь: соблюдали посты и праздники, ходили каждое воскресенье в церковь. Глава семьи, однако, больше интересовался коммерческими делами, чем религией, но ему это не ставили в вину.

Работая в магазине, я был правдив, честен и заметил, что мой сослуживец смотрит на меня как на чудака. А работать

приходилось с утра до вечера. В свободное время я гулял по городу, наблюдал городскую жизнь и сделал для себя горький вывод. Сколько бы человек ни молился в церкви, в мечети или в синагоге, честным трудом мало кто богател. Богатели, наживались, обманывая, обмеривая, обвешивая, обсчитывая. Значит, бог помогал богатым обманывать и обсчитывать?

В первые годы после Октябрьской революции появилось в продаже много антирелигиозной литературы — о том, что нет бога и загробной жизни, о материалистическом учении. Но у многих людей, кто уже не верил во всевышнего, возникло все же опасение, что, не боясь наказания в аду, не страшась греха, неверующие все станут преступниками. Кого бояться, если бога нет и нет ни ада ни рая? Значит, можно убивать и воровать? Надо ли говорить, как сильно ошиблись те, кто так думал. 60 лет уже стоят рядом два мира — мир социализма и мир капитализма, где все более увеличивается преступность, а в нашем социалистическом обществе, живущем без уроков закона божьего, человек видит и ощущает все сильней принципы коммунистической морали — истинные законы человечности и человеколюбия. И это мои личные наблюдения.

Р. ШУБЕРТ

г. Макеевка
Донецкой области

С нашей точки зрения

Вот уже несколько лет ведется дискуссия о том, какое место занимает преподавание научного атеизма в общей системе подготовки студентов. Справедливости ради надо сказать, что скептиков в этом вопросе почти не осталось, однако практическая помощь кафедрам научного атеизма еще недостаточна. Действительно, ограничение курса основ научного атеизма 24 часами заставляет преподавателей искать дополнительные часы через другие кафедры.

В свое время высказывалась такая мысль: для более эффективного усвоения студентами курса основ научного атеизма следует вести преподавание с учетом профиля вуза, факультета и использовать атеистический потенциал профилирующего учебного материала, на котором строится подготовка будущих специалистов.

С этим нельзя не согласиться. В Ужгородском университете наряду с подобными формами применяются и такие, как чтение факультативного курса по основам научного атеизма. Кафедра научного атеизма разработала такой спецкурс из 16 лекций, рассчитанный на 32 часа. Курс был утвержден на ученом совете университета и сейчас читается на историческом и филологическом факультетах. В перспективе нам бы хотелось, чтобы такой спецкурс читался на физическом, математическом, медицинском, биологическом факультетах и факультете романо-германской филологии.

Тем самым преследуется двоякая цель: расширение и углубление знаний по вопросам научного атеизма и показ наиболее актуальных проблем, характерных для данной местности. Конкретно это выглядит так: в своей программе мы большое внимание обращаем на разоблачение реакционной роли римско-католической, униатской, протестантской церквей во времена венгерского и чехословацкого буржуазных режимов в Закарпатье.

Л. ЗУБЕНКО,
доцент кафедры научного атеизма
Ужгородского университета

Ужгород

Читайте в следующем номере:

150 лет со дня рождения
Л. Н. ТОЛСТОГО
Статьи, очерки, архивные материалы

●

Р. МАВЛЮТОВ
БРАКОСОЧЕТАНИЕ ПО-МУСУЛЬМАНСКИ

●

В. РОЖНОВ
СНОВА О МИСТИКЕ

●

Я. ПОВАРКОВ
ЭПИКУР И ЭПИКУРЕЙЦЫ

●

К. МАТВЕЕВ
ЧТО ЗА ЛЮДИ АССИРИЙЦЫ?

●

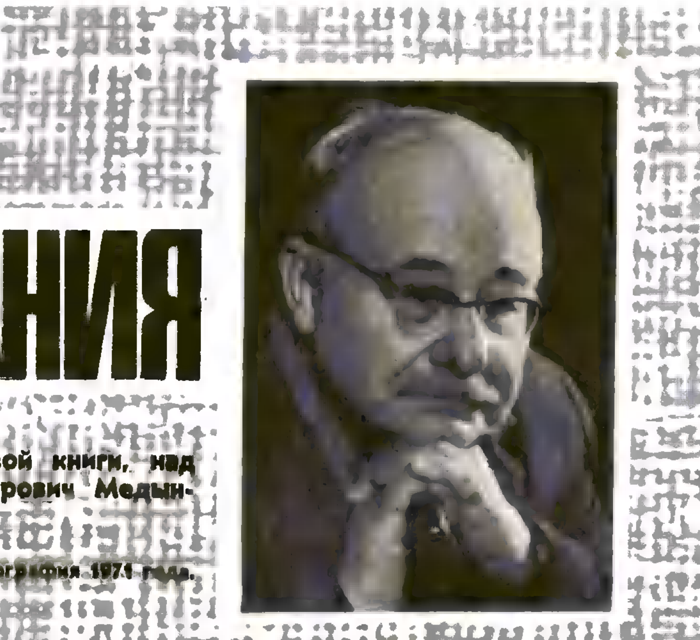
Г. КАЛАТОЗИШВИЛИ
ТОЛСТОЙ, ВОПЛОЩЕННЫЙ НА ЭКРАНЕ

●

И. ГРИГУЛЕВИЧ
ПАБЛО НЕРУДА В СТРОЮ

Григорий МЕДЫНСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ

Завершаем публикацию отрывков из новой книги, над которой сейчас работает Григорий Александрович Медынский (см. № 6 и 7).

Фотография 1971 года.

А вот еще одна переписка, которую я тоже никак не могу обойти стороной.

Уважаемая Зинаида Васильевна!

Скажу честно: мне очень некогда, я дорожу своим временем, так как осталось у меня его меньше, чем у вас, и в свои годы я спешу закончить большую итоговую работу. Но вам я не могу не ответить. По вашему описанию я очень ясно представил вас в деревенской избе, когда в «длинные зимние вечера в трубе завывает ветер и окна задувает снегом, когда в каждом углу притаилась жуткая пустота, от которой так «страшно», и в этой избе, в этой пустоте вы одна со своими одинокими страшными мыслями о смысле жизни, о смерти и бессмертии, с мыслями о боге.

Я вас очень понимаю: «Как тяжело одиночество!»

Могу представить себе, как ночью, во время бессонницы, навеянной и этими мыслями, и воем ветра в трубе, вы встаете и молитесь «господу своему» и плачете от радости.

Но отчего же эта радость и отчего вы плачете перед лицом «господа своего»!

И вы отвечаете:

«А радость моя в том, что вот сейчас я пенсионерка, у меня нет больше ни прав, ни обязанностей, когда я с каждым днем все больше и больше теряю реальность, и у меня есть что-то свое реальное, которое дает мне возможность опереться **в страшный час моей смерти.** Это вера в то, что у Христа все живы — и живые и мертвые. И отсюда я могу **создавать для себя будущее.**

А у вас этого нет».

Мне кажется — это центральное место в вашем письме и в том озлобленном споре со мной как представителем атеизма или, как вы выражаетесь, «живым атеистом». «И пишу я вам со злорадством, — читаю я в этом письме, — потому что на атеистов я очень сердита и хочется мне высказать вам правду в лицо до конца». Таков весь тон вашего письма.

Но я не хочу отвечать вам тем же. Наоборот, мне вас, повторяю, по-человечески жалко, это во-первых. А во-вторых, вижу в вас мыслящего — неправильно, но мыслящего — человека, и в вас, в ходе ваших мыслей, я вижу **логику веры.** Обычно ведь вера бывает слепа, абсолютно слепа и нелогична, а вы в своих письмах обнаруживаете именно эту **логику веры,** которую можно, так сказать, прощупать и обнажить.

В своем письме вы подчеркнули две фразы: **«в страшный час моей смерти», «создавать для себя будущее».** А несколькими строками выше вы сообщаете: «Ответ о смысле жизни я нашла, и **мне ни до кого нет дела».**

А как вы пришли к этому выводу? Вернемся несколько назад:

«В чем же смысл **моей жизни,** если я вижу, как автомобили, самолеты и всевозможные несчастные случаи и болезни уносят огромное количество жизней. А как же я могу знать, может быть, сегодня вечером настанет и **моя очередь!** А ложась спать, я не знаю — может быть, меня разбудит смертный приговор, и **тело мое,** которое я **так берегу** и **холю,** пойдет в пищу червям? Где же тогда и в чем смысл **моей жизни,** где тот смысл, который не уничтожается страданием и смертью, который поможет **мне идти навстречу смерти** со спокойствием и даже с радостью?»

«Этого ответа у вас, атеистов, нет! — уверяете вы. — Что атеист сможет противопоставить **своей смерти** и разрушению? Потому что **перед лицом смерти** и прогресс, и полеты в космос — все это оборачивается вздором и чепухой».

Перечитайте теперь все, что здесь выписано, обратите особое внимание на подчеркнутые слова — и вы не сможете не заметить, как навязчиво, как до болезненности настойчиво и упорно говорится здесь: «я», «мое», «моя», «мое тело» и «моя смерть». Какой болезненный, почти животный страх перед неизбежностью смерти! Согласитесь с этим!

А это значит, что чувством, движущим вашу мысль, является **эгоизм.** Да! Не удивляйтесь и не возмущайтесь — эгоизм, чувство, совершенно противоположное той любви, которую вы называете первым свойством бога. А что такое любовь? Это — способность положить «душу свою за друзей своих». А вам «ни до кого нет дела», и «радость моя в том, что нет у меня теперь ни прав, ни обязанностей», и вы можете «создавать для себя свое будущее». Это все ваши слова.

Не вяжется у вас, дорогая Зи-

наида Васильевна, никак не вяжется одно с другим! Вы хотите избавления от всех страхов своих, и не только от них, но и от всех тревог и забот, от всех прав и обязанностей, от всякой реальности вообще, и во имя этого, для этого уходите от правды жизни.

Вторым свойством бога вы называете «правду» и тут же, не связывая одно с другим, продолжаете: «эта правда страшна, человеку трудно ее вынести, поэтому мы всегда прячемся за иллюзии». Вот за такую иллюзию прячетесь и вы, и иллюзия эта и есть бог, которого вы называете «правдой».

В чем подлинная правда жизни? Человек смертен — да! Пришел и ушел — «земля еси и в землю отыдеши», и никуда от этого не спрячешься, ни за какие иллюзии. И только ваша озлобленность по отношению к атеистам позволяет или заставляет вас говорить, что «атеисты скрывают от людей правду о человеке» и что «только религия ставит человека лицом к лицу с неприкрытой реальностью».

На самом деле все обстоит как раз наоборот. Атеизм, только атеизм, в отличие от религии основывает свое мировоззрение на неприкрытой реальности мира и жизни: человек — это сын природы, часть природы, ее порождение и ее вершина, человек — это природа, познающая самое себя. И на этой реальности мира атеизм хочет построить реальную, а не иллюзорную жизнь человека. Но вы не только не признаете ничего этого, но в своем «злорадстве» изыскиваете разные «каверзы», вплоть до утверждения, что «цель у атеистов — погубить людей».

«Вот я вам задам, — пишете вы, — один каверзный вопрос, на который обычно атеисты не отвечают. Если нет бога, нет бессмертия, то в чем же тогда смысл моей жизни? Какими силами и зачем я вызвана из небытия в эту жизнь, которая обессмысливается моей смертью, и эта смерть может наступить каждую минуту? Атеисты отняли у людей бога, который обещает нам бессмертие. А что же вы, атеисты, даете человеку взамен царствия небесного и чем его заменяете? На этот вопрос, я уверена, вне религии ответа не существует».

Существует!

Вы говорите, что, «отняв веру в бессмертие души, атеисты унизили человека, превратили его в тленный, никому не нужный прах». Наоборот, совсем наоборот!

Унижает человека именно религия, ее учение о том, что, получив от бога «божественную» душу, человек не только не сохранил ее, а осквернил, размотал, продал ее дьяволу и ему нужно совершить какой-то необычный подвиг, чтобы вернуться к божественным истокам и этим спасти себя.

В противоположность этому именно атеизм возвышает человека; ты вышел из небытия, из природы, прошел через зверя, сохранив в себе остатки звериной натуры, но ты, преодолев все это, **именно ты** породил в сознании своем идею добра, справедливости, любви, создал в воображении своем и идею «бога», которого наделил высшими достижениями человеческого духа, и теперь ты бьешься, мучительно бьешься над тем, как эти высшие идеи добра, любви и справедливости воплотить в жизнь. Пусть это у тебя плохо получается, и ты то и дело соскальзываешь с этого святого пути в болото своих животных инстинктов и пережитков, но ты спохватываешься и снова вступаешь в борьбу со злом. Так иди же по этой стезе, не изменяй себе, своим человеческим идеалам, и ты придешь, куда зовет тебя твоя человеческая совесть. Не изменяй ей! Иди! Удачи тебе! Успеха тебе! Доброго пути тебе!

Вот что говорит человеку атеизм.

Я не понимаю и не принимаю и ваше определение совести как частицы бога в человеке («Бог есть любовь... Бог есть источник любви» и т. д.). Но мы знаем множество примеров, когда неверующий человек является носителем большой любви к людям и даже жертвует ради них жизнью и, наоборот, самые богомольные люди бывают жестоки и даже преступны. Ведь и в Евангелии сказано: «Не всякий, говорящий мне: «Господи! Господи!», войдет в царство небесное». Ведь так?

Дело не в словах, дело в поведении, в жизни человека, в его отношении к людям и к обществу. А это отношение воспитывается, накапливается и воспитывается — тут я с вами согласен. Нужны дела, пример, жизненный и нравственный опыт. Этот опыт накапливается годами, десятилетиями, даже столетиями и, передаваясь от поколения к поколению, составляет то, что люди называют совестью. Ваше требование, чтобы «ученик ежедневно стоял на молитве 2—3 часа в безмолвии перед распятием Христа», — это просто нелепость. Этого даже в царское время не делали — а я его помню.

Как вы, учительница, можете предлагать такую нелепую и жестокую систему (жестокую, потому что без ремня и палки нельзя ее осуществить), как вы можете утверждать, что вместо законов природы, законов жизни необходим закон божий — а я его тоже учил, а потом 15-летним мальчишкой отказался от него, но никакого преступления никогда не совершил, потому что для меня суть нравственности — это поведение человека в жизни, на практике, в его отношении к людям, и ближним и дальним, и к обществу, и к самому себе.

Вы пишете: «Вот когда ученик заучит заповеди божьи...» Их учили и вдалбливали две тысячи лет, а что из этого получилось?

«Что атеист сможет противопоставить **своей** (опять «своей») смерти и разрушению?» — спрашиваете вы. Отвечаю: дела!

В ответ на это вы утверждаете, что «все, что мы делаем сегодня, завтра превращается в ничто, в прах». Какой убийственный пессимизм! Неверно все это! Неверно! Это, вероятно, вызвано одиночеством, тоской и страхом перед неизбежностью смерти. И вы обращаетесь ко мне: «Если вы думаете иначе, возьмите в свидетели свой собственный жизненный опыт, он — неподкупный судия».

Беру. Я написал не так много, но и не так мало книг, по которым люди учились жить, сознавали свои жизненные ошибки, исправляли их и становились лучше. Об этом у меня есть многие десятки и сотни их собственных признаний и благодарностей. Одних я предостерег от грозивших им опасностей, других выручил из беды, и они выходили на свободу, женились, присылали мне фотокарточки своих жен в свадебном наряде, потом — карточки своих детей, делились своими жизненными, трудовыми успехами. И вслед за Пушкиным я повторяю: «Нет, весь я не умру», я тоже оставлю в жизни какие-то искры добра и разума. В этом я вижу свое личное бессмертие.

Рядом со мной вот уже 59 лет идет моя жена Мария Никифоровна. Более сорока лет она отдала школе, ее ученики делают в жизни большие дела, передают своим детям и даже внукам те искры добра и разума, которые она вложила когда-то в них. Одна из ее учениц — теперь крупный инженер-самолетостроитель, в этой же области работает и ее дочь. Другой ее ученик участвовал в создании лунохода. Третий — наш посол в одной из стран Азии, четвертый — крупный хирург. Все это — тоже бессмертие.

Возьмите себя. Вы не один десяток лет работали в деревенской школе. Научили грамоте и пустили в жизнь тоже не одну сотню людей, которые возводят дома, строят дороги, мосты, выращивают хлеб. Наконец, вы сами дали жизнь четырем своим детям: они и их дети тоже трудятся для людей, для жизни. Разве все это не бессмертие! Причем реальное, настоящее. Так зачем же создавать себе иллюзии, Зинаида Васильевна!

Человек бессмертен делами своими. Большие или малые, но если они совершены во благо людей, они остаются в жизни — монументы, дома, мосты, книги, картины или просто добрая память — «вот был человек!». И только те, кто ничего не совершил в жизни, кто ее пропил, прожег, проиграл, тот уходит в полную безвестность — как будто и не жил. Ну что ж! Значит, заслужил.

Так понимаю бессмертие я, атеист с 1915 года, и сейчас в свои 79 лет спокойно смотрящий в лицо неминуемому. Но я не унываю, не паникую и не ищу никаких иллюзий. Мне только хотелось бы иметь впереди еще лет пять жизни, чтобы закончить ту большую работу, которую сейчас делаю. Говорят, что человек умирает изнутри. Но и живет он тоже изнутри, своими собственными силами, своими делами, желанием и стремлением сделать что-то еще и еще для людей.

Скорее всего все, что я здесь пишу, вы не примете. Дело ваше. Но я все-таки пишу, потому что мне по-человечески жаль вас в вашем одиночестве и потому что желаю вам, искренне желаю, добра.

Всего вам хорошего.

Вот перед нами раскрылась одна человеческая душа, и мы услышали ее тревожный стон, стон души малодушной и растерянной. Конечно, раскрылся перед нами человек старый, стоящий на грани жизни. Но это и есть как раз та грань, когда подводятся последние и решающие итоги не только и не просто прожитой жизни, но и ее внутренней сущности. И чтобы яснее и рельефнее все это было понято и прочувствовано, расскажу о другой жизни и другой сущности.

70-летняя женщина, тоже бывшая учительница, прожила не в пример первой тяжкую, очень тяжкую, полную бед и испытаний жизнь. И все это не написано, а высечено на ее лице: складки скорби, суровость и сосредоточенная выдержка. На фотографии — компания старых друзей, окончивших школу много лет назад, и среди них — она одна. И это бросается в глаза. Нет, это не одиночество, не отчуждение, это — обособленность мысли и характера. Это — личность.

Расскажу, для полноты картины, историю этой личности, по ее собственным письмам.

«В раннем детстве я жила у людей в няньках. В школу пошла поздно, девяти лет. Школа была трехклассная, земская. Изучали мы закон божий, и я всему верила, и Иисуса Христа видела во сне, он помогал учить уроки. Училась я отлично, но без помощи Иисуса, а потому что сама каждый день готовила все уроки не как-нибудь, а на отлично! И учительница была хорошая, она уговаривала родителей учить меня дальше, и когда ее перевели в другую школу, четырехклассную, она взяла меня с собой. А тут царя не стало, объявили о Советской власти. Из нашего училища получилась средняя школа первой ступени, потом я перешла во вторую ступень, которую закончила в 1924 году. В 1921 году вступила в комсомол. Будучи комсомолкой, работала заведующей районной библиотекой, выступала с докладами о происхождении земли, о религиозных праздниках и т. д. ...Потом меня послали в Вологодский пединститут. Там на историческом факультете подробно изучали историю всех религий. А Евангелие и Библию я сама читала для антирелигиозной пропаганды...

В комсомоле мы очень увлекались диспутами с анархистами, тоже молодыми, главным образом учащимися. Рассаживались комсомольцы налево от сцены, анархисты — направо. Аплодировали анархисты своему оратору, мы — своему. Для меня эти диспуты были захватывающими.

Много тогда было диспутов еще о вере в бога. Я на все бегала. Выступали настоящие попы и архиереи. Как правило, помещения всегда были переполнены, стоящих было не меньше сидящих.

Вообще все комсомольцы чувствовали себя переделывающими жизнь. Так и было.

Теперешний комсомол и вся молодежь тоже продолжают переделывать жизнь вместе с коммунистами. Особая борьба идет за то же, что и в первые годы Советской власти, а именно — за Человека с большой буквы, за активного борца коммунистического общества...

Каждого члена партии я сравниваю с первой когортой коммунистов - подпольщиков и, если сравнение окажется не в его пользу, я во всеуслышание говорю: «Так коммунисты не должны поступать!» И я не согласна трусливо молчать или говорить не то, что чувствуешь, в угоду таким «авторитетам».

Такова она, Татьяна Дмитриевна Мошкина, обратившаяся ко мне с письмом после прочтения «Трудной книги».

«Ваша книга дала мне уверенность в перевоспитании современных людей в людей коммунизма, и сама я почувствовала обязанность включиться в это дело: решила взять хотя бы одного «трудного» подростка и постараться направить его в сторону долга и коммунистического взаимоотношения с людьми».

Решила — сделала: пошла в детскую комнату милиции. Там ей предложили повлиять на «трудного» Сережу, который в свои 17 лет с трудом окончил пять классов, работает на фабрике и заочно учится в 6-м классе.

«Родители считают, что все в порядке, да и взрослый он уже — скоро в армию идти. Пошла на фабрику узнать, как он работает: оказалось, что плохо, очень плохо, и делает прогулы. Пошла в школу. Там он не показывался уже месяц. Но учительница сказала, что он парень разумный, мог бы освоить программный материал, если бы аккуратно ходил на консультации, а он вечерами бродит с какими-то шало-

паями. Я решила перенести разговор в семейную обстановку, но попросила треугольник фабрики приставить к нему хорошего наставника».

«С Сережей не ладится, — читаю я в другом письме через какое-то время. — С производства его выгнали за прогулы, не из-за пьянки, а из-за лени, потому что он счастье видит только в рыбалке и дожидается с нетерпением лета, ни о какой учебе не думает. Я своевременно просила мастера приставить к нему наставника, но он сказал, что весь коллектив ему наставник. А коллектив у них оказался тоже не из лучших — пьянствуют, прогуливают, план не выполняют. Так мне сообщила профорг их фабрики.

И еще дело осложняется тем, что Сережа и его родители оказались совсем без жилья. Жили они на частной квартире, но хозяйка продала дом и новые хозяева выгоняют их, хотя отец — инвалид войны, без ноги. Он встал на очередь в горисполкоме еще в 1972 году, тогда была 17-я очередь, а теперь 23-я. Писала и я в горисполком, а в понедельник пойду на прием к председателю — просить, чтобы обратили внимание на эту семью.

У Сережи есть еще брат, 27 лет, не пьет, не курит. Он не может жениться из-за отсутствия жилплощади. Оба они высоки ростом и не только симпатичны, даже красивы. Вообще я хотела поближе познакомиться с семьей, а потом уже с советами соваться. С этой целью я пригласила Сережу вместе с матерью к себе — посмотреть картины Эрмитажа, Третьяковки, послушать мой рассказ о поездке по Волге. Я написала ему пять пунктов борьбы с ленью и добавила: «Вот если бы у тебя хватило силы воли и настойчивости выполнять эти правила 2—3 года изо дня в день, то был бы ты всеми уважаемым гражданином СССР».

Потом у этой неугомонной 70-летней женщины появилась еще забота: две девочки, у которых отца нет, а мать пьянствует. Опять хлопоты в горисполкоме, обсуждение поведения матери в комиссии по делам несовершеннолетних. А здоровье ухудшается, отказывают ноги, ей уже трудно ходить, и эти девочки ходят к ней на дом.

Когда вышла моя книга «Разговор всерьез», я послал ее, конечно, Татьяне Дмитриевне и получил письмо:

«Нет подходящих слов благодарности за присланную книгу. Я скорее прочитала ее сама и снесла бывшему моему подопечному Сереже и их семье. Потом передам семейству девочек...»

В другой раз:

«Когда я пришла к Сереже за вашей книгой, спросила: «Как работается?» Он сказал: «Там я больше не работаю». Я испугалась: «Почему?» А он говорит: «Учусь на шофера». Я удивилась, потому что раньше ему все работы не нравились, может, эта понравится. Потом он еще сказал совсем неожиданное: «Решил не пить и не курить». Тут я совсем обрадовалась. Видно, книги помогли и сам он за ум взялся».

Вот она присылает мне статью «Красота поднебесная» из местной газеты — о реставрационных работах в Великом Устюге, о прошлом и будущем этого города — и отчеркивает такой абзац:

«Наступит время, когда «поднебесная красота» предстанет в первозданном виде. Красота эта не только веселит и умиляет сердце, но и укрепляет любовь к Родине, к ее истории, от которой судьбу Великого Устюга не отделишь... Как же нужно было жить нашим предкам, чтобы и в наш век благодаря только их давнему и ставшему бессмертным труду Устюг Великий почитался знаменитым не только на Севере, но и во всей стране».

Посылая мне эту статью, она пишет:

«И гордость меня обуяла за свой городишко и захотелось похвастаться им с надеждой, что вам тоже захочется пополнить ряды туристов и навестить наш Великий Устюг».

Кто скажет, что автору всех этих писем — восьмой десяток? Пусть ей отказывают ноги, но душа у нее молодая, нестареющая. Сопоставим ее с той, немощной, изнывающей в тоске и тревоге под вой уральской вьюги и припадающей в этой тоске «к господу своему»...

Я пересказал вкратце историю и философию этой моей корреспондентки Татьяне Дмитриевне, и вот что она написала в ответ:

«Меня очень удивила бывшая учительница с Урала. Для меня бог существует только в воображении людей, как всякие другие легенды, создаваемые народами. А как это она, учительница, верит в Христа?..»

Две судьбы, два характера, два мироотношения и, соответственно, две философии. Сопоставим их, и мы придем к гениальной формуле Маркса: «Религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял».

Конечно, с религией связано очень много, целый комплекс проблем — исторических и политических, философских и психологических, — и потому глубоко прав Сухомлинский, называя примитивными попытки одним махом расправиться с религией, объявив ее тьмой и мракобесием. Без понимания религии невозможен настоящий атеизм, а понять религию нельзя, не осмыслив сложного исторического пути развития человека.

Но что значит «понять религию»? Это значит осознать ее историческую роль, понять, что в свое время она была естественным этапом социальной и духовной жизни человечества, как каменный топор, когда не было железного, как три кита, державших землю, пока пытливая человеческая мысль не установила правильную, научную картину положения земного шара. Это значит понять и осмыслить, что и христианство не просто «попы выдумали», что это сложное историческое явление, выросшее в свое время из мятежного духа угнетенных рабов и отражавшее их бунтарские устремления. Только в дальнейшем, когда эти мя-

тежные устремления были извращены и приспособлены к интересам угнетателей, христианство приняло тот вид, против которого мы теперь ведем идеологическую борьбу.

«А ты кто, человек, что споришь с богом? Изделие скажет ли сделавшему его: «зачем ты меня так сделал?» Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?»

В этих словах апостола Павла выражена сущность христианского смирения: человек — «изделие», человек — раб не только в социальном и политическом, но и в глобальном, высшем, философском и нравственном смысле. Вот почему эта идеология, идеология человеческой беспомощности неприемлема для нас и для нашей эпохи, эпохи, когда человек становится не «изделием», а творцом и хозяином жизни. И здесь главный водораздел — в понимании человека, в отношении к нему как творцу и носителю нравственного начала. Вот почему атеистическое воспитание является необходимой и существенной частью нашей общей воспитательной системы.

«Крой, Ванька, бога нет!» — этот нигилистический клич остался в моей памяти с первых послереволюционных лет. Тогда же, в те трудные, голодные времена помню, как на базаре в ответ на заломленную неимоверную цену за картошку ошеломленная покупательница воскликнула: «Побойся бога!» «Теперича бога бояться нечего», — цинично ответил ей краснорожий торговец.

Так вульгарно, по-хулигански воспринималось иной раз провозглашение основ нашей атеистической революционной идеологии — как разрушение и отрицание всяких сдерживающих нравственных начал. Между тем пропаганда и воспитание атеизма были и остаются серьезнейшей философской и нравственной проблемой нашей эпохи. Тысячелетия люди жили с верой и надеждой на некую высшую, всеведающую и всемогущую силу, и вдруг — жизнь без бога, добро без бога, нравственность без бога. Религия — это «вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира» (К. Маркс), и естественно, поднявшись на борьбу против бессердечности старого мира, мы не могли оставить в неприкосновенности его самосознание и самочувствование как идеологию человеческой беспомощности.

Однако преодоление и изживание религии, при учете ее многовековой давности и психологической глубинности, с одной стороны, и определенных сложностей, которые возникают и в новой жизни, — с другой, это очень сложный социально-психологический процесс, требующий продуманного, тактичного отношения.

Пришлось мне как-то побывать в древнем русском городе Рязани. В поисках нужного адреса я обратился к молодому человеку.

— А вот, батя, как дойдешь до той каланчи, так спросишь, — развязно ответил он.

— Так это же не каланча, — попробовал я поправить его. — Это колокольня, собор вашего рязанского Кремля.

— Ну, все равно! Один черт!

В этом «один черт» заключается опасность того нигилизма, который через потерю чувства истории, внутренней связи с прошедшими веками ведет к душевной опустошенности. А пустая душа подростка, как сказал тот же Сухомлинский, большая беда.

Одним словом, отрицание бога вовсе не означает отрицание нравственности. Напротив, это ее утверждение, это возвеличивание человека, повышение его ответственности, это победа мятежной человеческой мысли над путами мертвящего догматизма, это осознание внутренней потребности в благородных поступках не из страха перед наказанием на том свете, а ради собственного человеческого достоинства. Более столетия назад Карл Маркс так определил нашу цель: «С одной стороны, **очеловечить чувства** человека, а с другой стороны, создать **человеческое чувство,** соответствующее всему богатству человеческой и природной сущности».

Добро от бога — говорят сторонники религии, и тем иной раз соблазняют жаждущие чистоты юные души. Нет! И добро и зло — все это от людей. Задача заключается в том, чтобы не искажать, не извращать, а практически, в делах, поступках, в поведении осуществлять идеалы и принципы, те «простые законы нравственности», о которых говорили Маркс, Энгельс, Ленин. И это тоже нужно понять. А понять — значит осуществлять. Потому что самое главное — в осуществлении.

● Принося жертвы богу, учитывай вкусы жрецов.

● Рай, переполненный ангелами, — сущий ад.

● Жаль, что горькие плоды не бывают запретными.

● Сколько благих намерений втоптано в грязь по дороге в рай!

Михаил ГЕНИН

● Как и талант, бездарность — тоже божий дар.

● Из двух плодов чаще выбирают запретный.

● Диспут светил выглядел как светопреставление.

Александр РАТНЕР

Ленинград

● Если тебя ударили в правую щеку — береги левую!

● Что дозволено Юпитеру, то быку и в голову не придет.

Аркадий ХАЕНКО

г. Краснодар

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ И ДОБРА

К 150-летию со дня рождения Л. Н. ТОЛСТОГО

Н. КОЗЛОВ,
кандидат философских наук

Отношение Л. Н. Толстого к религии и церкви отличается чрезвычайной сложностью и противоречивостью. С одной стороны, резкий и бескомпромиссный антиклерикализм, критика официальной религии, в частности догматического богословия, обличение казенной церкви и ее служителей. С другой — поиски «новой» религии, «стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины»[1].

Буржуазные идеологи как в прошлом, так и теперь стремятся представить писателя религиозным мыслителем. Выхолащивая социальный смысл поисков Толстого, они изображают дело таким образом, будто бы писателя волновали не острые социальные проблемы своего времени, не положение трудящегося народа, а «чисто религиозные вопросы». Внимательное, непредвзятое исследование проблемы не оставляет камня на камне от этих лживых утверждений.

Критическое отношение к религии проявилось у Толстого еще в юности. В 1847 году, будучи студентом Казанского университета, он, анализируя по заданию профессора гражданского права Д. И. Майера «Наказ» Екатерины II, высказывается отрицательно об «исключительности», «истинности» православия. Получается, иронически замечает он, что «православная религия есть одна истинная, а все другие христиане суть заблудшиеся овцы»[2]. Ранние дневниковые записи свидетельствуют о том, что молодого писателя несравнимо больше привлекает вера в силу и мощь человеческого разума, чем вера в «божественное». «Не могу доказать себе существования бога, не нахожу ни одного дельного доказательства и нахожу, что понятие не необходимо, — записал он, например, в дневнике 8 июля 1853 года. — Легче и проще понять вечное существование всего мира с его непостижимо прекрасным порядком, чем существо, сотворившее его» (46, 167).

Но параллельно с этими элементами критицизма и «вольномыслия» писатель четко формулирует в ту пору намерение создать «новую» религию. «Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь, — читаем в дневнике за март 1855 года. — Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры в таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле» (47, 37).

И спустя много лет уже широко известный, признанный писатель приступает к осуществлению этого намерения. Из-под пера его выходят трактаты и статьи — «Исповедь», «В чем моя вера?», «Что такое религия и в чем сущность ее?» и многие другие. На первых страницах «Исповеди» Толстой со столь характерной для него откровенностью и искренностью рассказывает о том, как и в силу каких причин складывалось его критическое отношение к православию. Скептицизм окружающих его людей по отношению ко всему «божественному», антиклерикальные насмешки Вольтера, «знания и опыты жизни» — все это приводило Толстого к выводам и заключениям не в пользу господствующей веры, а ее служители и апологеты к тому же не вызывали у него никаких симпатий.

Стремление наблюдать и глубоко проникать в жизнь, свойственное Толстому, раскрывало глаза на то, что «явное признание и исповедание православия большею частию встречалось в людях тупых, жестоких и безнравственных и считающих себя очень важными. Ум же, честность, прямота, добродушие и нравственность большею частью встречались в людях, признающих себя неверующими» (23, 2). Живой и острый ум писателя обнаруживал в текстах священного писания и примитивизм, и алогизмы, и бессмысленность. Одним словом, доверие к религиозной догме, к церковной проповеди, к обрядам было основательно подорвано уже в юности.

Но эти — по существу своему «безрелигиозные» — настроения к концу 70-х годов претерпевают серьезные изменения. Обострившееся внимание к социальной проблематике, тревожная озабоченность положением трудового народа сочетались с углубленным интересом к религиозно-нравственным вопросам. «В продолжение более года» писатель соблюдает все церковные предписания, совершает все религиозные обряды, внимательно изучает богословскую литературу, подвергает ее рационалистической критике, по-своему, «по-толстовски», трактует традиционные богословские проблемы, освобождая их от мистицизма, наполняя теологические понятия иным, явно нецерковным содержанием.

Наиболее ярко проявилось это в таких трудах, как «Исследование догматического богословия», «Соединение и перевод четырех евангелий» и других. Критическое чтение богословской литературы, осмысление ритуальной практики, уяснение связей православия и его служителей с господствующими классами, с отвергаемым Толстым строем жизни — все это привело писателя к острейшему конфликту с официальной церковью.

«Жандармы во Христе», при тайном и явном покровительстве самодержавия, отлучили Толстого от церкви, надеясь этой мерой заставить замолчать гневный, протестующий голос, обличающий эксплуататорские классы и союзницу их — православную церковь. Отвечая на это синодальное определение, он заявил: «...Теоретически — я перечитал все, что мог, об учении церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие; практически же — строго следовал, в продолжение более года, всем предписаниям церкви, соблюдая все посты и посещая все церковные службы. И я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения» (34, 247).

Обращаясь к раннехристианским идеям и представлениям, Толстой находит, по его словам, настоящий смысл учения Христа. Христианство, в его понимании, не есть то «странное» учение, которое преподается церковью, но «ясное, глубокое и простое учение жизни, отвечающее высшим потребностям души человека» (24, 7). Он называет противоречивыми, а то и просто «недобросовестными» истолкования христианского вероучения теологами и священнослужителями.

«Та вера, которую исповедует наша иерархия и которой она учит народ, есть не только ложь, но и безнравственный обман» и не содержит «никакого учения о жизни и о смысле ее» (24, 10). Все эти антиминсы, копья, кресты, чаши, свечи, иконы — не что иное, как «орудия колдовства». А церковные обряды и таинства, — по существу, всего лишь «различные приемы колдовства, приспособленные ко всем возможным случаям жизни. Для того, чтобы ребенок, если умрет, пошел в рай, нужно успеть помазать его маслом и выкупать с произнесением известных слов; для того, чтобы родильница перестала быть нечистою, нужно произнести известные заклинания; чтобы был успех в деле или спокойное житье в новом доме, для того, чтобы хорошо родился хлеб, прекратилась засуха, для того, чтобы путешествие было благополучно, для того, чтобы излечиться от болезни, для того, чтобы облегчилось положение умершего на том свете, для всего этого и тысячи других обстоятельств есть известные заклинания, которые в известном месте и за известные приношения произносит священник» (34, 247).

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 209—210.

[2] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 25. Далее ссылки на 90-томное издание сочинений Толстого (1928—1958 гг.) даются в тексте с указанием тома и страницы.

Учение о троице, о сошествии одной из трех ипостасей бога на землю для искупления грехов рода человеческого, о воскресении «сына божия» и вознесении его на небо, ожидание второго пришествия и т. п. — все это несогласно «ни с разумом, ни с современными знаниями, ни с человеческой совестью» и служит средством оглупления людей, извращает духовный мир человека, сеет «неверие в человеческий разум», является своего рода «отравлением... сильным ядом» (35, 188).

Оглядываясь на минувшие века, Толстой обращает внимание на ожесточенные церковно-религиозные споры и конфликты, на нетерпимость одной веры к другой и делает вывод, что все это не могло содействовать и не содействовало единению, дружбе и братству людей. Наоборот, эти распри сеяли и сеют вражду и недоверие. «Все вероучения, — писал он, — одинаково утверждали положения непостижимые и ненужные для жизни и во имя их отрицали друг друга и нарушали единение людей — **главную основу христианского учения**» (24, 10).

Религия, в представлении писателя, это — установление нашего отношения к миру. Из нее должны вытекать все поступки человека, она — универсальное руководящее начало, принцип духовно-нравственной жизни человечества и каждого человека. В его понимании, бог — «дух», «любовь», «начало всего»... «Он во мне и я в нем»... «Верю в то, что истинное благо человека — в исполнении воли бога, воля же его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними»... «Верю в то, что смысл жизни каждого отдельного человека поэтому только в увеличении в себе любви» (34, 251—252).

У Толстого можно встретить и другие определения понятия «бог»: «судьба, законы природы», «совесть», «разум». Понятия «бог» и «добро» были равноценны и равнозначны для героя романа «Анна Каренина» Константина Левина. Вера в добро была для него «единственным назначением человека», а религия сводилась к «деланию добра» (19, 381). «Бог» Толстого «строится» и «создается» на основании тех «свойств разума и любви, которыми мы владеем», религию же свою писатель именует «религией правды и любви» (58, 114—115).

Но поиски Толстым «новой», «истинной» религии нельзя отождествлять с «богоискательством» и «богостроительством» более позднего времени, когда идеологи контрреволюционной буржуазии — Бердяев, Булгаков, Мережковский, Гиппиус, Философов, испугавшись освободительного движения трудящихся масс, поставили своей целью «оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию»[3]. Оживляя и укрепляя религию, эти богоискатели сознательно противопоставляли ее научно-материалистической и атеистической тенденции, идейно вооружавшей силы, боровшиеся за коренные социальные преобразования.

Толстовские «поиски бога», связанные с сознанием и психологией патриархального крестьянства, имели иное направление. Рационализм и скептицизм его религиозно-философских трактатов ломал религиозно-ортодоксальный, догматический метод мышления. Многие его суждения выглядят «ересью» крайне левого толка. Искания Толстого нередко перерастали из «поиска» бога в стремление освободиться от любых предрассудков.

Блуждая «по дебрям» теологии, он осуждал несправедливый, классово-антагонистический строй жизни. Его мысль билась над решением тревоживших его совесть социальных проблем. Его проповедь — проповедь в религиозном облачении — обращена была к острым, насущным проблемам общественного бытия. Нужды и требования народа — и материальные и духовные — для писателя превыше всего; «служение богу» у него часто адекватно служению людям. Решение всех человеческих проблем у Толстого связывается не с «всевышним», а с поступками людей, с их преобразующей мир деятельностью. «Царство божье», по его трактовке, свободно от какого-либо мистицизма, создать его можно только на земле, усилиями и волей людей.

Несмотря на нотки пессимизма, мировоззрение Толстого оптимистично. Пессимизм, с его точки зрения, — дело «неумное», пессимизм отрицает жизнь требуя от нее того, чего она не может дать. По Толстому, жизнь — это только посюсторонняя земная жизнь, которой жило и живет все человечество.

Много прекрасных мыслей сказано им о труде. Труд — не «наказание божье». Наоборот, высшее счастье человека — в труде. Труд — необходимейшее условие человеческой жизни. Прогресс человечества представляется Толстому как торжество братства, единения, коллективизма, взаимного понимания и взаимной помощи стран, наций, рас. Он не выносит нравственные проблемы за пределы «этого мира»; не о «царствии небесном» вел он неустанный разговор, а о делах земных. Его «бог», его «религия» ориентированы иначе, нежели у ортодоксальных христианских теологов. «Бог» у Толстого «не делает глупостей», не запутывает людей, именем его недопустимо обманывать, угнетать людей, творить насилие.

Официальная религия и казенная церковь, по мнению писателя, не несут ничего полезного народу. «Колдовство священников» никому не нужно. «Люди церкви», ведя праздный, нетрудовой, паразитический образ жизни, хотят, чтобы их жирно кормили и сладко поили, что, считал Толстой, лишает их права считать себя носителями «божеской истины», присваивать себе «учительную» роль.

Люди сами решали и могут решать жизненные проблемы и бороться против того, что мешает им. «С тех пор как есть люди, разумные существа, они различали добро от зла и пользовались тем, что до них в этом различении сделали люди, — боролись со злом, искали истинный, наилучший путь и медленно, но неотступно подвигались на этом пути» (25, 347).

Церковь же, наоборот, всегда тормозила прогресс человеческого общества. Было, правда, время, делает оговорку писатель, когда церковь руководила духовной жизнью, но оно давно прошло.

В трактате «В чем моя вера?» писатель говорит: «Все живое в нашем европейском мире отпало от церкви и всяких церквей и живет своей жизнью независимо от церкви». «Все живое» — это, по мнению Толстого, «социализм, коммунизм, политико-экономические теории, утилитаризм, свобода и равенство людей и сословий и женщин, все нравственные понятия людей, святость труда, святость разума, науки, искусства, все, что ворочает миром и представляется церкви враждебным» (23, 440—441).

Осуждая участие православной церкви в благословленных ею гонениях на людей и целые народы, обличая ее нетерпимость к другим верованиям, проповедь ненависти и вражды, пытки и казни, творившиеся с ее ведома и при ее одобрении, Толстой не только ставил под сомнение «святость» церкви, но и со свойственными ему мастерством и художественной силой срывал «маски», «покров святости» с эксплуататорского строя, обнажая его несправедливость и враждебность коренным потребностям и интересам людей труда.

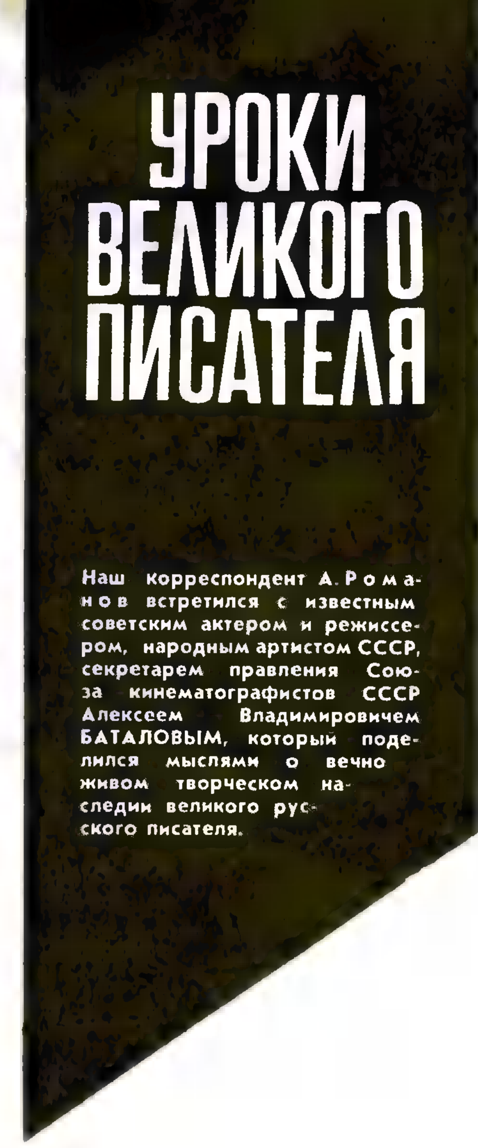
В силу ряда причин как субъективного, так и объективного характера Толстой не создал цельной социальной теории. В. И. Ленин подчеркивал, что «именно синтеза ни в философских основах своего миросозерцания, ни в своем общественно-политическом учении Толстой не сумел, вернее: не мог найти»[4]. Религиозные искания Толстого сопровождались постоянными и глубокими сомнениями в истинности создаваемого им религиозно-этического учения. Подобно главному герою повести «Отец Сергий» он убеждал, не будучи убежденным сам, в верности, осуществимости предлагаемых им путей и средств преобразования жизни и духовного совершенствования человека. Жизнь, внимательным исследователем которой Толстой был, преподносила ему немало доказательств иллюзорности и утопичности предлагаемых им рецептов преобразования общества, несостоятельности его проповеди.

Страстный темперамент бойца, бескомпромиссность в утверждении и отстаивании своей идейной позиции, великая интеллектуальная энергия вступали в явное противоречие с проповедью непротивления и ненасилия. Это приводило к тому, что Толстой просто не умещался в рамках им же созданного и пропагандируемого религиозно-нравственного учения. Целеустремленная и меткая толстовская критика официальной религии и казенной церкви, обнажение их связей с «богатыми», обличение антигуманности служителей церкви, проповедников, богословов, оправдывающих и освящающих несправедливый строй, — все это сохраняет свое значение и в наши дни.

Ясно понимая, что, говоря словами Ленина, «противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху»[5], мы высоко ценим его реалистическое творчество, критику частной собственности, социального неравенства, обычаев и порядков эксплуататорского общества.

---

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 80.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 91.
[5] Там же, стр. 22.

УРОКИ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Наш корреспондент А. Романов встретился с известным советским актером и режиссером, народным артистом СССР, секретарем правления Союза кинематографистов СССР Алексеем Владимировичем БАТАЛОВЫМ, который поделился мыслями о вечно живом творческом наследии великого русского писателя.

— Горький, говоря о произведениях Толстого, что они останутся в веках как памятник упорного труда гениального писателя, подчеркивал: «Толстой — это целый мир». Что для вас, Алексей Владимирович, при творческом соприкосновении с этим миром оказалось особенно трудным?

— Перед каждым художником, будь то актер, режиссер, график или чтец, встреча с произведениями Толстого сразу же вызывает целый ряд профессиональных загадок, ответы на которые каждому надлежит искать заново, сообразно со своим опытом, знаниями и умением. Однако как ни различны могут быть пути к решению этих задач, всякому, так или иначе, приходится соотносить свои представления с теми требованиями, тем восприятием и пониманием, которые присущи нынешнему читателю или зрителю, сегодняшнему времени. Сама работа с произведением Толстого незаметно подводит вас к необходимости вновь и вновь задумываться над тем, как оно будет звучать сегодня.

Много лет всяческих сомнений и поисков прошло, прежде чем состоялась моя первая «публичная» встреча с Протасовым в фильме «Живой труп». Сперва я готовился прочитать монологи по радио, потом появилась надежда, что буду играть в одном из ленинградских театров, затем неожиданное предложение режиссера Владимира Венгерова и новая экранизация пьесы на «Ленфильме». Однако все эти варианты работы, переходы от радио и театра к экрану, в общем-то никак не изменили тех вопросов, которые с самого начала поставила передо мною роль Феди Протасова. Я думаю, многие из этих требований даже не ограничены рамками пьесы, а возникают всегда, как только приходится иметь дело с текстом Толстого. И самым главным для меня — и как для исполнителя и как для режиссера — всегда оказывается решение загадки соединения в одних и тех же словах, фразах или репликах невероятной глубины и значимости сказанного с удивительной искренностью и простотой выражения. Кажется, именно так данный человек и должен действовать, говорить, чувствовать — будто всего-навсего точное наблюдение, рисунок с натуры. Но в то же время подробность и точность толстовского письма вмещают в себя столь общие и значительные мысли, что невольно хочется все акцентировать, все сохранить. А как это сделать, не потеряв стройности целого отрывка, — порою просто неизвестно.

Недавно я ставил на радио «Казаков» (читал сам, работал с прекрасными актерами), перед нами вновь встали те же проблемы, что волновали меня в «Живом трупе». Похожесть, натуральность, естественность, когда послушаешь сам себя, оказываются совершенно недостаточными, бедными в сравнении с тем, что читаешь, глядя на страницы.

Обращаясь к Толстому, невозможно ограничиться только верным изображением персонажей или укрыться за грамотным прочтением фраз. И потому главной задачей я считаю выявление всеми доступными актеру или режиссеру средствами той внутренней напряженности, что скрыта за простыми репликами героев, за множеством подробностей самого «мирного» повествования.

— В трактовке роли Протасова вы пошли своим, непроторенным путем. В исполнении таких актеров, как, скажем, Романов, Симонов, — Федя прежде всего «не жилец». Ваш же Протасов хочет жить, ищет выхода. В замечательном диалоге с князем Абрезковым, который ссылается на православные убеждения и церковный брак, Федя резко перебивает собеседника: «Да, я знаю его тип... прямолинейность, консерватизм в этом отношении. Но что же им нужно! Развод! Я давно сказал им, что готов дать, но условия принятия вины на себя, всей лжи, связанной с этим, очень тяжелы». Верно ли, что Протасов делает все, чтобы сохранить для себя реальный, земной мир?

— То, о чем вы говорите, явилось для меня самым первым толчком к работе над этой ролью. Разумеется, и просто так записать в свой послужной список Протасова очень заманчиво. Но, согласитесь, гораздо интереснее браться за дело, когда есть надежда если уж не открыть роль заново, то хотя бы попытаться придать ей такие черты, которые существенно отличат именно ваше исполнение.

Конечно, этот путь куда более опасен, чем традиционное исполнение, потому как сразу настораживает нашу Сциллу и Харибду — критику и публику — и проскочить невредимым между их давно сложившимися представлениями довольно трудно.

Помню, после выхода фильма один рецензент сетовал, что в роли Феди я говорю слишком современно, точно герой из «Девяти дней одного года». Бедный критик! Он и не подозревал, что, желая сразить меня, высказал самый приятный исполнителю комплимент, так как я дольше всего бился именно над тем, как научиться говорить слова роли в ключе современного, близкого мне человека, как наполнить знакомые всем реплики живыми, конкретными чувствами.

И делал я это совсем не для того, чтобы играть в поддавки с публикой и эдак на современный лад трансформировать Толстого, но по глубокому убеждению, что Федор Протасов гораздо живее, ближе мне, а стало быть, и любому зрителю, чем тот канонический, сложившийся, кстати, уже после смерти автора, театральный вариант, который был рассчитан на вкусы публики начала девятисотых годов.

Многократно перечитав пьесу, ее черновики, вникнув в историю написания «Живого трупа», я как бы заново открыл для себя то, что на театре в силу прочной традиции ускользает от зрителя. Мне представился несколько иной, но главное — несравненно более созвучный моим собственным ощущениям человек. И вот именно его, а не ходячую традицию, захотелось сыграть.

Тут нет возможности перечислить все и привести ко всему подкрепляющие цитаты из Толстого, но и самая простая деталь может подтвердить правомерность такого восприятия.

Протасову нет еще и сорока лет, у Лизы только что родился первый ребенок. Стало быть, эта семья едва начала свое существование и рухнула не вследствие долгой, занудной, все перемоловшей жизни, а как-то вдруг, посреди пути. Выходит, Протасов отказывается от этого неудавшегося, фальшивого начала, а не от самой жизни. Он хочет жить, иначе, но он хочет жить.

Вроде бы все это давно всем известно и ничего нового тут нет. Но почему же до сих пор я сам как зритель на многих спектаклях не ощущал остроты, пронзительной боли этой ситуации? Почему самоубийство и смерть Протасова не вызывали у меня ощущения безвременной гибели, обрыва жизни в момент совсем непредвиденный? Ведь Федя искал не смерти, а только другого, настоящего, с его точки зрения, существования.

Живой труп — это только положение, а не сущность Протасова. Здесь такая же разница восприятия, как между тем, когда погибают давно и тяжело болевший человек и случайно напоровшийся на западню беглец. Да, в Протасове, как во всяком человеке, скрываются корни его судьбы. И, конечно, он не просто беглец, но исключение — уже потому, что чувство правды, естественного положения вещей в его душе обострено до крайности. Однако как ни сложно все, что связано с этим героем, как ни выделяется Федя среди людей своего круга, он во многом гораздо непосредственнее, живее, искреннее тех, кто живет «как надо».

Не углубляясь далее в загадки его судьбы, хочу только сказать, что я ста-

рался быть на стороне того ощущения мира, какое дано Протасову не мною, а самим Толстым. Потому для меня особое значение приобрели и возраст героя, и те бурные реакции, которые пробуждают в нем всяческие предложения об устройстве жизни. Мне хотелось, чтобы все возникало и решалось тут же, на сцене, впервые для Протасова и для исполнителя.

— Можно ли понимать одну из главнейших идей «Живого трупа» как то, что и развод, и невозможность расторжения брака — лишь часть невыносимых условий окружающей действительности, которых герою все равно не одолеть?

— Я совершенно убежден, что именно так, имея в виду все, а не только сложность развода, можно сколько-нибудь близко к замыслу автора сыграть эту пьесу. Когда император Александр III говорил о драме «Власть тьмы», запрещенной к постановке на сцене: «Надо было бы положить конец этому безобразию Толстого. Он чисто нигилист и безбожник», — он как монарх, видимо, подразумевал то авторское неприятие самих основ казенного уложения России, которое никоим образом невозможно свести к одному конфликту Толстого с православием. Будь Протасов просто плохой прихожанин или борись он только с церковным порядком в отношении брака, все оказалось бы значительно примитивнее, искусственнее и безопаснее. В том-то и дело, что предатель, явившийся на его дороге, так же враждебен и омерзителен Протасову, как государственная служба или суд. Чудовищным вмешательством в человеческую жизнь для него выглядят и вопросы, которые задает следователь, и само решение суда. Вспомните разговор с адвокатом, который происходит за несколько минут до самоубийства:

Петрушин. ...Теперь уж все дело в шляпе. Вы только скажите то, что вы мне говорили, что, если вас судят, так только за то, что вы не совершили самоубийства, то есть того, что считается преступлением по закону и гражданскому, и церковному.

Федя. Я ничего не скажу.

Петрушин. Отчего?

Федя. Не хочу и не скажу. Вы только мне скажите: в худшем случае что может быть?

Петрушин. Я уже говорил вам: в худшем случае ссылка в Сибирь.

Федя. То есть кого ссылка?

Петрушин. И вас, и вашей жены.

Федя. А в лучшем?

Петрушин. Церковное покаяние и, разумеется, расторжение второго брака.

Федя. То есть они опять меня свяжут с ней, то есть ее со мной?

Петрушин. Да, уж это как должно быть. Да вы не волнуйтесь. И, пожалуйста, скажите, как я вам говорю. И только. Главное, ничего лишнего. Ну, впрочем... Я устал, пойду посижу, и вы отдохните, пока присяжные совещаются. Главное, не робеть.

Федя. И другого не может быть решения?

Петрушин. Никакого другого.

Судейский. Проходите, проходите, нечего в коридоре стоять.

Государственная служба, суд враждебны и омерзительны Феде Протасову. Чудовищным вмешательством в человеческую жизнь для него выглядят и вопросы, которые задает следователь, и само решение суда.

Федя. Сейчас. (Вынимает пистолет и стреляет себе в сердце. Падает...)

Теперь позвольте коснуться еще одной загадки в этой истории. Загадки, которую Толстой вовсе оставил без объяснения. Виктор Каренин, став мужем Лизы Протасовой, регулярно, потихоньку от жены, отправлял куда-то деньги. На вопрос об этих деньгах он категорически отказывается отвечать следователю, а Протасов, вместо ответа, вступается за Каренина. В пьесе нет ни малейшего намека, объясняющего действия Каренина, но вы ясно ощущаете, что за всем этим кроется мучительная ситуация, тайна истинных взаимоотношений Каренина и Протасова уже после его исчезновения.

Нет сомнения, что развод для всех этих людей — только видимый островок, только часть того сложнейшего положения, в котором они оказались. Для таких людей никакое формальное решение ни в коей мере не может быть благополучным концом, не может вернуть им покоя и счастья.

Мне кажется, в этом-то и заключается внутренний драматизм всей пьесы, ее вечная притягательная сила. Если бы это было иначе, современный зритель вряд ли нашел бы что-то, прямо относящееся к его собственной жизни, а в конце концов, и к нашему времени. В том-то и дело, что Толстой с неподражаемой беспощадностью к своим героям ищет ответы и решения внутри самого человека. Он противопоставляет совести, разуму, долгу весь окружающий мир с его законами, понятиями и стремлениями. И вот это будет живо и актуально, пока жив человек. Именно в наш век, когда люди легко прячутся за так называемые «объективные обстоятельства», условия и всяческие необходимости «реальной жизни», так сильно и ярко выступают вперед живые во всякой детали герои Толстого. Своей сложностью и глубиной они так или иначе заставляют нас заглянуть в самих себя, осознать истинные, не видные на

Чувство правды, естественного положения вещей в душе Феди обострено до крайности.

поверхности последствия своих поступков и слов.

Теперь я говорю не только о «Живом трупе», но о том, что остается частью жизни всякого человека, сознающего свою ответственность хотя бы перед окружающими, не говоря уже о более серьезных и сложных связях.

— Можно ли сказать, что эта сложность, противоречивость характера для вас как актера представляет наибольшую ценность в каждой роли, включая и образы современников?

— Безусловно, везде, пусть хоть в малой мере. Если это не пустая, выдуманная автором для украшения схемы «многогранность» героя, а живое наблюдение характера реального, сколь угодно противоречивого, выражающее внутреннюю сущность изображенного человека, то, на мой взгляд, это главная опора для актерской работы.

Возьмите сценарий «Девяти дней одного года», попробуйте убрать то, что кажется обидной тупостью Гусева, — и исчезнет человек. Он как-то плохо, во всяком случае, не так, как подобает идеальному герою, относится к жене, к дому. Он слишком прямолинеен. Это правда, но через все эти поступки, в самом этом неумении и нежелании жить «как надо» просвечивает то главное, что дает ему силы преодолевать себя на избранном однажды пути, двигаться по этой дороге до конца.

Я дольше всего бился над тем, как научиться говорить слова роли в ключе современного, близкого мне человека, как наполнить знакомые всем реплики живыми, конкретными чувствами.

Что это — вера в науку, в разум, в свое назначение на земле? Называйте как угодно, но это все равно останется тем, что отличает именно Гусева от других, возможно, живущих гораздо ближе к здравому смыслу людей.

В нашей памяти остался удивительный образ молодого режиссера Скуйбина, человека бесконечно далекого от глобальных проблем атомной физики.

Скромная будничная работа на студии, съемки фильма — все вроде бы как всегда. Но смертельно больной Скуйбин знал, что время его уже отмерено и то, что он делает сегодня, возможно, делается в последний раз. Для всех окружающих внутренняя сила, красота и обаяние этого человека были тем удивительнее и ярче, чем повседневнее казались его дела.

Верно, что такие люди встречаются редко, но о них стоит помнить и говорить.

— Видимо, внутренней необычайностью и глубиной образов и объясняется то, что интерес каждого нового поколения к творчеству Льва Николаевича Толстого не только не ослабевает, но и постоянно растет в разных странах, на всех континентах?

— Только что на Западе закончена подробнейшая, кажется в десяти сериях, постановка «Анны Карениной». Опять-таки совсем несовременная история развода. Скучная неверность жены — что это нынешнему, привычному к порнографии миру? Для чего теперь эта экранизация?

Как-то после премьеры «Живого трупа» в Финляндии одна очень аккуратная, взволнованная старушка, видно почитательница Толстого, выйдя из зрительного зала, обратилась ко мне как представителю России с упреком и похвалой одновременно. Она сказала, что мы очень хорошо сыграли пьесу и теперь совершенно ясно, как глупо поступили те, кто отлучил писателя от церкви, ибо он как раз и говорит о том, какие страдания выпадают на долю человека, дерзнувшего нарушить церковный брак.

Вряд ли сегодня на западе предприниматели брались за «Анну Каренину» ради этой старушки. Вероятнее, делалось это для огромного большинства зрителей разных поколений, довольно далеких от русской культуры, а тем более условий и законов общества, в которых жила героиня романа. Стало быть, ныне для людей выдвигается на первый план что-то другое, вернее всего внутренний мир героев, те «простые» вопросы, которые присущи всякой жизни.

И, конечно, еще одно обстоятельство, важное не только для меня как актера, но и для всякого зрителя или читателя.

Встреча с Толстым — это всегда поражающее, неповторимое, всегда новое соприкосновение с вдохновением великого мастера, с искусством во всей его силе. Привыкнув теперь, в спешке, все, что можно и нельзя, излагать по-деловому, нередко по поверхности фактов, мы часто упускаем то, что отличает великие творения. Именно то, как это сделано, как это замечено и воплощено гением художника. Страницы Толстого погружают читателя в мир настоящей литературы, и это не просто радостная встреча, но и всегда урок мастерства.

О чем писали русские газеты и журналы в августе 1878 года

В Тульчине Подольской губернии недавно возникло дело об истязании тестем невестки. Не более двух месяцев назад священник села К. выдал замуж за семнадцатилетнего сына отставного жандарма Машлая бывшую у него на воспитании сироту... Уже через несколько дней между новобрачными началось несогласие, а через месяц жена оставила мужа и убежала к своим родственникам в другую деревню. Так как по народным воззрениям муж, а тем более тесть имеет право жизни и смерти над невесткою, даже может ее «резать на кусочки», то отец и сын немедленно отправились на поиски и, естественно, прежде всего прибыли к священнику, бывшему ее опекуну, прося его посодействовать им в поимке. Беглянку в скором времени отыскали где-то в погребе и привели к бывшему опекуну. Священник в общем ареопаге домочадцев присудил высечь «взбесившуюся овцу» розгами. Поощряемые добрым примером гуманного священника Машлаи окончательно убедились в традиционном праве абсолютно распоряжаться женщиною как вещью.

«Голос»

Из Весьегонска пишут, что там беспрестанными дождями произведено чудо: у южных дверей городского соборного храма устроен портик, который поддерживает чугунные колонны, утвержденные на камнях (булыжнике). Недавно на одном из камней были замечены небольшие струйки едва текущей воды. Весть об этом «чуде» быстро разнеслась по городу, и толпы благочестивых граждан стали стекаться к камню, источающему воду. Явились больные и страждущие телесными недугами. Некоторые для уврачевания принесли своих детей, другие же сами спешили умыться из чудесного источника. Толпа росла: каждый желал коснуться целебной влаги. Начались молитвы, коленопреклонения. Происхождение же чуда объясняется крайне просто. Частые дожди через сток воды, устроенный на краю портика, мало-помалу наполнили пустоту одной из колонн. Из нее вода нашла себе выход в небольшое отверстие, которым колонна слабо примыкает к углублению, сделанному для нее в камне... С тех пор уже несколько дней народ толпится с утра до ночи у чудного источника...

«Голос»

Нам пишут из Задонска: «...В настоящее время распространился слух в среде местных жителей и приходящих богомольцев, что неподалеку от города покоится св. Пахомий. На краю города появился камень с крестом и оградой, куда и начали стекаться богомольцы, веруя, что там погребен св. Пахомий. В праздничные дни можно было видеть около камня толпу до 50 и более человек. Некоторые из богомольцев кладут на камень деньги и берут горсть земли, веруя, что это целебная земля.

«Голос»

На основании устава о духовных семинариях окончившие или вышедшие до окончания курса казеннокоштные воспитанники в случае выхода из духовного ведомства в гражданское обязываются возвратить духовному ведомству сумму, употребленную на их содержание в семинарии, о чем и делается приписка на семинарских аттестатах и свидетельствах.

«Голос»

Из Кременской обители, находящейся в 10 верстах от станицы того же имени в Войске Донском, бежал настоятель, захватив с собою монастырскую казну в числе 8000 рублей. Он слыл по окрестностям за весьма религиозного человека и привлекал в обитель богомольцев и благотворительных купчих. Вместе с о. игуменом бежала жена купца, захватившая также с собою кругленькую сумму из супружеских капиталов.

«Русские ведомости»

Знаменитая мать Митрофания *, проживая в Ставропольском монастыре, продолжает и там заниматься «операциями»: она разыгрывает лотереи при пособии начальства. Ей понадобились деньги, и она, собрав мебель и другие вещи, обратилась к какой-то особе с просьбой поручить полиции раздавать билеты, и полиция производит насильственно-навязательную подписку. Хорошо тому жить, кому бабушка ворожит.

«Неделя»

Что касается... исповеди и св. причащения, за которые брать даяния воспрещено, то распоряжение это последовало ввиду особого характера означенных таинств... Немедленная расплата за эти таинства не может более или менее не смущать совести христианина. Но где же и кем соблюдается означенное запрещение? ...Везде и прихожане дают, и духовенство берет.

«Странник»

Астраханский комитет Православного миссионерского общества... возобновил свое ходатайство перед высшим правительством о скорейшем отводе в этой губернии особой местности, где крещеные калмыки могли бы селиться отдельно от своих язычествующих единоплеменников.

«Миссионер»

* Бывшая настоятельница Владычного монастыря в г. Серпухове, осужденная в 1874 г. за участие в финансовых мошенничествах. О ней см.: Г. Семар. Дело игуменьи Митрофании. «Наука и религия», 1970, № 5.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Ведь не хотел же, не хотел идти, а вот на тебе... Теперь сам на себя жалуйся! И черт с тобой, в другой раз будешь умнее. Сейчас и уйти неудобно. Жди, пока эта волынка кончится, потей, жарься на солнце...

Смотри-ка, у них уже и трибуна готова. Красным обтянута. Герой, тоже мне. Подумаешь, главный инженер... Да понятно — завод богатый, оркестр — тоже, верно, из их организации. За свои деньги такие похороны никто бы не потянул. Вон мужики говорят, что завком на поминки будь здоров кинул. Соньку, вишь ты, гордость заела — от заводского памятника напрочь отказалась. И от денег...

Митинг... Все вроде слушают, а потом те, кто на поминки не приглашен, пойдут пиво пить. Вон губы облизывают. В такую жару хоронить — последнее дело. И чего здесь автоматов с газировкой не поставят?..

Сонька убивается, конечно. Еще бы, небось он немало каждый месяц приносил. Все на нем сидели: и дети, и бабка, и она. Чего там дети получают, что мои, что Николая - покойника...

Что-то говорят. Микрофонов много — толку мало. Кричал бы — слышнее было бы. Тут ведь тихо, тут кладбище. Иль поближе подойти? Так ведь неудобно. Те, что поближе, — плачут. Хоть и родственник, да неудобно. Вот сам министр и директор завода выступают... Небось, еще неделю назад Николаю вздрючку давали, а тут расчувствовались, платочки повынимали.

Это надо же, моя-то Соньку под ручку поддерживает. Тоже убивается. Белугой ревет, а еще недавно была готова этой Соньке глаза выцарапать... Забыла все, что ли? Ведь они в молодости-то из-за этого самого Николая чуть не поубивали друг дружку. Видать, и старости все проходит... А какая старость? Мне сорок пять, значит, Зинке сорок два, и Соньке — тоже... Или поближе подойти? Сонька, вроде, меня видела... Разве у нее сейчас поймешь — видела или не видела. Надо все-таки подойти...

Старость — не старость, а помер... В одночасье. И ведь только на три годочка постарше меня будет. Сердце, сгорел на работе. Сонька моей говорила, что по ночам сидел... А как новый самолет испытывают, так неделями и подушке не прикладывается. Все на нервах, вся жизнь на нервах. Зря деньги не платят...

У меня тех денег нет, да хоть работа спокойная. И для здоровья полезная. Дерево. Пили-чеши, подстругивай. Хотя, что в ней полезного? Лаки такие пошли, что разок-другой дыхнешь — под горло подступает. Да и спокойствия нет. Раньше работал сам по себе — вот было спокойствие, а теперь — план, качество, соревнование. Опоздаешь на минутку — на другой день ищи себя на доске. Да и дома спокойной жизни нет. То спокойно, а то Зинка взовьется. Видать, простить не может, что я тогда, еще в деревне, от Николая ее увел. А сама того не понимает, что не я ее увел, а Сонька подсуетилась...

«Покой нам только снится» — как говорят по телевизору. Вот и скопытишься в самом соку, как Николай. Не от сердца, так от рака. Говорят, все от химии, от лаков.

Эта мысль показалась Василию Петровичу такой отчетливой, такой правдоподобной, что он мгновенно представил себя на месте Николая в убранном тяжелым черным бархатом гробу, под душной дубовой крышкой. От этого видения на глаза его навернулись крупные слезы и легко покатились по потному лицу. Он глубоко и судорожно всхлипнул и стал пробираться поближе и трибуне, поближе к жене покойного и к своей собственной жене. Но пока медленно и деликатно обходил Николаевых сослуживцев и подчиненных, сердце его успокоилось и слезы просохли. Подойдя к женщинам, Василий Петрович остановился немножко поодаль и низко опустил голову.

На поминки он не пошел — обойдутся, мол, и без него. Жена пошла — достаточно, и так народу будет пропасть... Он оправдывал себя, но основной причиной было то, что он так и не прослезился на похоронах. Вот если бы его душевный порыв и те несколько полновесных слезинок были замечены, то он посчитал бы себя вправе помянуть односельчанина. Но он их, как говорится, не донес, потому и остался дома — сел смотреть по телевизору футбол. Футбол смотреть по телевизору он очень любил, больше, чем на стадионе. Дома смотришь как хочешь, а на стадионе жарься сейчас, не хуже, чем на похоронах. А для чего, когда можно дома?.. Зина все равно расскажет, как там было. У нее глаз цепкий. Приметливая. Ей там быть обязательно надо — она Сонькина двоюродная сестра. Ей надо обязательно.

Зина пришла домой поздно, усталая, хоть и выпивши. Ясно — хлопотала по столу. Рассказывать ничего не стала, а долго сидела на кухне и смотрела в окно. Вздыхала, но не плакала. Василий Петрович приставать к ней с расспросами не стал...

2.

Через год после тех похорон оказался Василий Петрович снова на Новодевичьем кладбище.

День стоял осенний, солнечный и свежий, через кладбищенскую кирпичную стену планировали кленовые листья и мягко шуршали по тротуару. Времени у Василия Петровича было хоть отбавляй, и он как-то незаметно для себя завернул в кладбищенские ворота. Первым делом отыскал то место, где был похоронен Николай. Тогда, во время похорон, оно было голо: вынутая из могилы земля, битый, сопревший кирпич и цветастая, неживая путаница венков. Теперь все было прибрано. На Николаевой могиле стоял памятник; на черном, круглом, отполированном до блеска цоколе белый мраморный бюст. Неожиданно это было для Василия Петровича. Очень неожиданно... Он подошел поближе и внимательно прочитал: «Дорогому мужу и отцу», а чуть пониже строгими цифрами — дата рождения и кончины. И Николай, как живой, даже очки изображены. Строгий, умный и, пожалуй, красивее, чем был в жизни. Смотрит высоко, не в самое небо, а высоко. Должно быть, тот, кто делал этот бюст, имел в виду профессию авиа-

ЮРИЙ ПЕРОВ

Рисунки А. Бисти.

ПОВЕСТЬ

ПАМЯТНИК

ционную. Красивый памятник... Под самым цоколем на красной плите лежали белые цветы. Свежие, только что сорванные. Видать, Соня не забывает, приходит. Вокруг могилы подметено, ни листочка. Скамеечка без пыли. Приятно посмотреть. Так оно и должно быть. Зина говорила, что жили они дружно. Уважали друг друга.

Долго стоял в раздумье Василий Петрович у могилы. Стоял, думал, и мысли были смутные, неконкретные, но почему-то под горло подступал комок и не хотелось уходить из этого тихого уголка. Похорон в этот день не было, на соседних могилах хлопотали какие-то женщины, никто не мешал, и он стоял себе молча и смотрел на мраморное лицо Николая.

На другой день была суббота, и он, ничего не сказав жене, как-то неловко было об этом говорить, снова пошел на кладбище. На метро шесть остановок без пересадки — очень удобно, а там пешком — пока папироску выкуришь, уже и дошел.

Народу на этот раз было побольше. Тетки около ворот продавали разные цветы. Василий Петрович купил белых — и прямо к Николаю. Со вчерашнего дня ничего не изменилось, только цветочки подзавяли и листья налетели. Василий Петрович руками подобрал листочки, а свои цветы положил рядышком.

Вчера он ходил по кладбищу без всякой системы и цели, а сегодня ему захотелось все рассмотреть как следует, по порядку. На указатели он, конечно, смотреть не стал, а пошел, как хотелось. И если в прошлый раз он ходил и ничего такого не думал, и потому его отношение к памятникам и надгробиям было неопределенным, то сегодня он как-то незаметно стал вдруг примеривать как бы для себя все эти памятники. Словно бродил не по кладбищу, а по огромному магазину и ему нужно обязательно что-то выбрать.

Будучи человеком простодушным, он поначалу немножко стеснялся и украдкой посматривал по сторонам: ему казалось, что все видят, как он примеривается. Но постепенно он увлекся, чувство неловкости прошло, и он стал внимательно осматривать каждый памятник со всех сторон. Рассматривал придирчиво, рассудительно. Прикидывал, что не по чину, а следовательно, глупо и заносчиво, что не по деньгам, а следовательно, просто невозможно и думать об этом нечего. Его радовали могилы людей знакомых ему по кино или телевизору, а то и просто понаслышке. К ним он был особенно строг — задерживался у этих могил подолгу. Он стоял, шевелил губами, иной раз даже приседал, чтобы получше все разглядеть, и размышлял: стоит ли такой артист или этот вот профессор такого памятника.

Могилы с неизвестными Василию Петровичу фамилиями вызывали у него тихое, порой до слезы, умиление. Он понимал, что не завод поставил такой богатый и красивый памятник, а родные и близкие постарались. Наверное, в последнем себе отказывали, а вон какую память отгрохали.

Но сколько ни ходил он по кладбищу, ничего для себя подходящего так и не выбрал. Ему, как на грех, нравились — до зависти, до щемления в груди — большие и роскошные памятники, вроде памятника Дурову, известному клоуну и дрессировщику животных.

Когда пришло время уходить, Василием Петровичем вдруг овладела грусть. Не та легкая грусть, переполняющая всякого человека на кладбище, и даже не грусть, а скорее глухая тоска. Закусив в пельменной и выпив пару бутылочек жигулевского, он подумал — как споткнулся: «А ведь мне никто памятник не поставит. На мебельную фабрику надеяться нечего. Похоронить, конечно, Зине помогут, денег дадут, автобус пришлют, а памятника не будет. Сошьет кладбищенский сварщик на живую нитку крест из водопроводных двухдюймовых труб, ограду из арматурного железа, покрасят это все в зеленый цвет. В первое время будет приезжать Зина на пасху, если, конечно, недалеко, потом перестанет. Краска с железной табличкой облезет, и никто не узнает, где могилка моя. Как в песне поется... Дети... А что дети? Им некогда. У них своя жизнь. У Нинки, того и гляди, второй появится, Петька — парень, не будет он на кладбище ездить. Да ведь и приехать приятно, когда памятник красивый, и могилка аккуратная, и оградка, и вообще все в порядке. А кто же на могилку с облезлым крестом из водопроводных труб приедет? Радости мало... А зачем мне крест? Я ведь неверующий... Вот памятник — и красиво и благородно, да и стоять будет всю жизнь. Чем дороже вещь, тем и служит дольше. Вон взять старинную мебель — кое-где немножко подправили и опять горит как новая. А теперешняя, струженчая, — через неделю скрипит, через год рассыпается. Гранит, там, или мрамор— это материал, ему сносу нет...»

Дома Зина учуяла пивной дух от Василия Петровича, но ничего не сказала, только губы поджала. Если б он не ходил так долго, — а пришел он домой, считай, затемно, — то и разговору никакого. Он вообще-то спиртным не балуется, а в субботу пивка, конечно, можно, но тут непонятно, где он ходил, и настроение непонятное, потому Зина разговоров не завела и замолчала на весь вечер, что похуже всяких разговоров.

Василий Петрович посматривал на нее искоса и думал, что вот она, жена, хороша, когда все по ней, а как не по ней, так и губы поджимает. И ведь знает, что такое поведение Василию Петровичу — нож острый. Пока ты жив, пока зарплату приносишь исправно,— ты нужен, а случись что, так и не вспомнит никто.

Детей дома не было. Нина навещала их редко — куда с грудным ребенком поедешь, а Петька шлялся где-то с дружками. Приходить стал поздно, другой раз и выпивши.

3.

Уже зимой, в самые крещенские морозы, случилась у Василия Петровича командировка. Правда, какая там командировка — так, перебросили временно на другую работу в реставрационное управление, где памятники старины восстанавливают, нужно там было несколько кружал подвести под будущий свод кирпичный и, что самое главное, наличники кружевные вырезать по старинным чертежам. Да дело не в чертежах, а в том, что на них ничего не видно, приходится самому придумывать, что и к чему: где ветка, где цветок, а где петух. Василий Петрович с такой работой знаком был с детства. В его краях на каждом доме такие наличники — хоть в музей. Когда-то давно он в этом раставрационном управлении подхалтуривал по деревянной части, и вот теперь начальство между собой договорилось, и Василия Петровича уже официально, с сохранением средне-сдельной плюс премия от реставраторов, перевели приказом.

Работал он в одном помещении с белокаменщиками, которых мороз загнал под крышу, поближе к большой железной печке-времянке, на которой они оттаивали свой белый камень. Ребятами они оказались простыми и разговорчивыми, а Василий Петрович любопытен был до неизвестного ремесла, да и про свое любил рассказывать. Так у них и проходил обмен опытом.

Вот тут-то и произошло событие, которое роковым образом перевернуло всю оставшуюся жизнь Василия Петровича.

Один из белокаменщиков справлял в воскресенье свой день рождения и под конец праздника крупно поругался с тещей. На работу он пришел угрюмый... А работал он по мрамору, материалу, как известно, более упорному, чем белый камень, требующему большего терпения и расчета. И хоть не хотел он приниматься за работу, хоть и оттягивал этот момент предварительными перекурами, но все-таки пришлось ему нацепить защитные очки, взять в руки шестизубец и кувалдочку, примериться и потихоньку — для разгона стукнуть в первый раз. И удар-то был приблизительный по силе, но мраморная плита на этот раз отозвалась глухо и хрустко. Работающие по соседству мастера посмотрели в сторону угрюмого. Тот со злостью отшвырнул кувалдочку в угол и вынул папиросы. Один из мастеров подошел к его верстаку и осторожно перевернул плиту. На обратной стороне, забегая за черту разметки миллиметров на пятьдесят, змеилась трещина.

— Да... — сказал мастер.

— Ну и черт с ней! —ответил угрюмый и уж хотел было зашвырнуть плиту в угол вслед за кувалдочкой, но его неожиданно для себя остановил Василий Петрович.

— Не нужна?

— А тебе зачем?

— Пригодится... Матери на могилку, — соврал Василий Петрович и удивился тому, как легко соврал.

— Забирай эту заразу, только осторожно, видишь, хрупкая попалась. И ведь не стукнул, примерился только, а она лопнула.

— Значит, судьба, — заметил Василий Петрович.

— Какая тут к черту судьба, когда голова трещит, — возразил угрюмый. — Каждый раз так. Как берешься за работу не в настроении, так все через пень-колоду выходит. Нет уж, я сегодня работать больше не буду, — он повернулся к бригадиру. — Лучше завтра задержусь, а сегодня пойду пиво пить.

Вечером, когда уже совсем стемнело, Василий Петрович остановил такси, аккуратно уложил надколотую плиту, завернутую в старые мешки, на заднее сиденье. Жил он в старом пятиэтажном доме. Во дворике у него имелся небольшой сарайчик с верстачком и полками для материала и инструмента. Сюда он и попросил шофера подъехать. Открыл застылый замок и, пристроив плиту надежно между досок, расплатился с таксистом и на лифте поднялся на свой четвертый.

— А мне показалось, в сарайчике свет мелькнул, — сказала Зина.

— Это я заходил, — коротко ответил Василий Петрович и прошел в ванную умываться.

— Так, значит, это ты на машине прикатил? — сказала Зина, появляясь в дверях.

— Ну я,— буркнул в ответ Василий Петрович, и на этом разговор окончился.

4.

Через неделю, когда основные морозы спали, Василий Петрович заглянул в сарайчик, чтоб набрать бидончик квашеной капусты, которая хранилась здесь среди всего остального, к великому его неудовольствию — запах капусты не выветривался до середины лета. Он включил лампочку и, прежде чем начинать долбить смерзшуюся капусту, развязал веревки, придерживавшие мешковину, обнажил ослепительно белое тело плиты. Блики света заиграли в сахаристых изломах. Василий Петрович погладил плиту ладонью, и она показалась ему очень холодной.

На память о совместной работе белокаменщики снабдили Василия Петровича своим стареньким инструментом, который он привел в надлежащий порядок. Хороший инструмент он очень любил. Эта неделя не прошла даром. Он то и дело просил у мастеров разрешения «побаловаться». Те с улыбками давали и советовали быть посмелее. Камень любит твердую руку, говорили они. Вскоре Василий Петрович немножко поднаторел — не то чтобы стал мастером, но скарпельку и кувалдочку держать научился.

Как пришла ему в тот памятный понедельник шальная мысль забрать плиту домой,— он и сам не понимал, но теперь, когда она была в сарайчике, он знал, для чего она ему. Он решил ее обработать — на всякий случай. А там останется только даты вписать. Все лучше, рассуждал он, чем крест из водопроводных труб. И семье никакого расхода.

Похороны Николая вдруг сделали для него смерть не далекой и почти невозможной, какой она представлялась ему раньше, а близкой и реальной. И еще обыкновенной, будничной — такой, что надо к ней как-то готовиться, постараться предусмотреть что-то.

Весной, с первым солнышком, когда в сарайчике можно было находиться без пальто, Василий Петрович начал постукивать. Белокаменщики ни за что бы не поверили, что Василий Петрович благополучно, без единой трещинки, обработал края плиты и у него получился идеально правильный прямоугольник с отшлифованными до блеска торцами, с ровной фаской. Правда, работа эта отняла у него целый месяц, потому что делал он все чрезвычайно осторожно.

Домашние терялись в догадках, видя, что он буквально пропадает в сарайчике. Не смотрел даже самый интересный футбол по телевизору. Петька пробовал было ошиваться возле сарайчика, но так ничего и не пронюхал — дверь всегда была на крючке. А уходя, Василий Петрович тщательно запирал огромный замок и ключ держал при себе.

Закончив предварительную обработку плиты, Василий Петрович стал обмозговывать надпись, может быть, даже и орнамент. Он уже решил, что вырежет буквы с треугольным углублением и впоследствии позолотит их бронзовой краской, а снизу выбьет какую-нибудь ветку, но какие будут эти буквы — ни их размера, ни формы — не представлял. Попробовал было сперва написать все от руки карандашом, но ему не понравилось, и он тер плиту ластиком до тех пор, пока она снова не стала безукоризненно белой. Чтобы не пачкать зря плиту, он достал кусок ватмана такого же размера и стал упражняться на нем. Эскизы явно не получались: то не хватало места, то буквы выходили разные — никакой торжественности.

Василий Петрович плюнул и подумал, не нанять ли ему художника, но тут же от этой мысли отказался и снова поехал на кладбище. На этот раз он заранее в киоске у метро купил букетик цветов и отнес их на могилу Николая. Как и раньше, тут было все прибрано, а посреди плиты красного гранита стояла небольшая мраморная вазочка с такими же цветами. Он воткнул в нее свой букетик.

Постояв самую малость, отдав, как говорится, должное, Василий Петрович взялся за дело. Перво-наперво критически оглядел надпись на Николаевой могиле и тут же решил, что такой шрифт ему не подходит: во-первых, рассчитан на круглую поверхность, а во-вторых, слишком крупный и казенный. Хорошо, когда над ним целая скульптура, рассуждал он, а у меня ничего, кроме этой надписи, и не будет. Значит, шрифт должен быть понаряднее, хоть и без легкомыслия.

Подивившись собственной рассудительности, он двинулся по кладбищу, внимательно разглядывая надписи. Сначала он было остановился перед старинным памятником, сделанным в виде маленькой часовенки из целиковой полированной глыбы черного гранита. Надпись на нем была выполнена старославянским шрифтом. Очень красиво. Но достав из кармана специально припасенный для этого случая блокнот, Василий Петрович вдруг раздумал: ему такой шрифт ни к чему — уж больно церковный...

Долго бродил по кладбищу и никак не мог остановиться на чем-нибудь определенном. Надписи торжественные выглядели слишком дубово — как бы добавляли лишнего веса и без того тяжелым каменным плитам. Может быть, покойникам это было безразлично, но он, живой, поежился от этой тяжести. Наконец встретил то, что искал. Только он подошел к очередному надгробию, так и сказал сам себе — это то, что надо.

Надпись была выполнена прописными буквами, с нажимом, росчерком, но вместе с тем строго. Буквы были похожи на старинные — те, что выписывал на полях своих стихов Пушкин. Василий Петрович видел в Нинкиных книжках. А внизу красовалась не то пальмовая, не то лавровая ветка. Очень красиво.

Он достал блокнот и карандаш. Рисовалось ему легко. Этот шрифт чем-то напоминал ему резьбу на наличниках. Те же закругленные, легкие линии. Срисовывать ему раньше не приходилось — резал по дереву на глазок, по собственному разумению, потому что повторяться в их краях считалось последним делом. Но сейчас рисунок ложился на бумагу споро и соразмерно. Он сам удивлялся, как хорошо, даже отлично у него это получается. Срисовав буквы, перевернул листок и стал срисовывать все надгробие. Потом разошелся и пририсовал кустик сирени с маленькими, еще не ожившими почками.

Дома он, уже наученный горьким опытом, сперва рассчитал, сколько букв где поместится, разметил все тонкими черточками и только потом принялся рисовать. Когда он стер ластиком все лишнее и отошел подальше, чтобы посмотреть со стороны на свое произведение, в голову ему пришло, что он может вписать дату своего рождения, поставить тире и написать девятнадцать, тогда останется вписать только две несчастные циферки. И уж, наверняка, даже самый никудышный мастер не нарушит общего стиля. Потом долго любовался на свое художество и сравнивал его с рисунком в блокноте. Он был доволен и горд собой. Укрыв плиту все той же мешковиной и отставив ее в угол, тщательно запер сарай и поднялся лифтом на свой четвертый этаж.

Обстановка в доме была напряженная — это Василий Петрович понял с первого взгляда. И только тут вспомнил, что прямо с кладбища пошел в сарайчик, даже не зашел домой. Так делать не следовало, но он просто забылся. Уж очень его увлекло новое занятие. Жена молчала и даже не приготовила ему поесть. А он только что вспомнил о еде. Вот до чего дело дошло — о еде забыл. Но Зине этого не объяснишь. Для нее все ясно — где-то поел. Потому что ел Василий Петрович до сих пор очень аккуратно. Так аккуратно, что и представить невозможно, что он может обойтись без обеда лишние полчаса.

Ни слова не говоря, не извиняясь и не оправдываясь, Василий Петрович пошел на кухню и сам себе разогрел все, что нашел в холодильнике. Петьки дома не было. Чувство вины за опоздание по-своему повернуло его мысли.

Как же так, думал он, сделаю я надпись, а от кого она? Непонятно. Надо бы вписать, что, мол, от жены и детей... Я ведь о них беспокоюсь. Занимаюсь всем этим, чтоб их в лишний расход не вводить. Да и сам-то я получаюсь каким-то бездомным. Жил будто без роду, без племени, без потомства. Ведь для чего я все это затеял? Не для того же, чтобы их как-то обидеть, я в них-то и не сомневался никогда, а чтоб

по-хозяйски, загодя все устроить — и чтобы расходу не было, и чтоб сделать все, как самому нравится.

Он вспомнил о своей уже разрисованной мраморной плите и улыбнулся. Очень она ему нравилась. Потом с легким сожалением подумал, что придется теперь менять немножко надпись, вписывать новые слова. Но представил себе, как это будет выглядеть в натуральном виде, когда каждая буковка будет светиться золотом, и улыбнулся еще радостней. Ему даже захотелось бросить недоеденный борщ и побежать в сарай — начать работать, но он, конечно, сдержался и борщ доел аккуратно. Потом съел картошку с домашними котлетами, которые слегка пригорели, когда он их разогревал. Он понимал, что и идти ему сейчас в сарайчик, пока обстановка в доме такая напряженная, не стоит. И вообще это будет выглядеть подозрительно. Рассказывать же Зине о своей затее пока не собирался. Неудобно как-то, стыдно. Подумает, что совсем спятил.

После обеда, а вернее сказать ужина, он пристроился было к телевизору, но передавали фигурное катание, а он этого не любил и не понимал. Можно было, конечно, посидеть и подождать, пока Зина отойдет. Она-то любит катание, и настроение у нее может исправиться с минуты на минуту, но он отяжелел после еды, и к тому же вся эта громкая музыка отвлекла его от спокойных и радостных мыслей о новом деле.

Он посидел немного на кухне, поглядывая на свой сарайчик, потом зашел в комнату, сказал Зине, что ложится спать, и отправился в спальню. Он лежал и размышлял потихоньку. Мысли текли сладко и плавно. И была в них исключительная ясность. Он вообще любил подумать о работе, прикинуть загодя, что к чему. А теперь работа у него была интересная, и думалось о ней с особым удовольствием.

Когда пришла Зина, он как раз придумал: вместо того чтобы красить буквы бронзовой краской, выложит их сусальным золотом. Стоит оно не так уж и дорого, положить тоже не бог весть какая задача — посмотрел, как это делают те же реставраторы, зато гореть будут — глазам больно. И не потемнеют от времени, а бронзовая краска через сезон станет бурой.

Зина легла все так же молча. Василий Петрович проворно подвинулся, давая понять, что не спит и ждет ее, но она так и не заговорила. Он положил было руку ей на плечо, но она не то чтобы скинула его руку, а просто передернула плечами. Руку Василий Петрович убрал, потом резко, с хрустом повернулся к ней спиной.

Ему было очень обидно. Ведь не пьяный пришел, не с гулянки, слова худого не сказал, сам первый попытался примириться, а она вздрагивает, будто ей на плечо лягушка вспрыгнула... Не хочет — не надо! И без того есть о чем подумать. Но светлые, спокойные мысли о новом деле не возвращались. Думалось о чем-то неприятном, обо всех обидах, которые принял от жены, от детей, от начальства на работе. Заснул он с горьким чувством сожаления, что ему помешали, что прогнали его светлое спокойное состояние.

Он заснул и стал похрапывать и уже не слышал, как ворочалась рядом Зина, как вставала два раза и ходила на кухню. Как умывалась в ванной, а потом снова, не сдержавшись, тихонько всхлипывала в подушку. Не слышал, как в третьем часу ночи вернулся Петька, как швырял ботинки в угол и что-то пьяно бормотал про себя...

5.

«Эх, неладно в доме, неладно», — подумал Василий Петрович лишь только проснулся. Он попытался было огорчиться по этому поводу, озаботиться — словом, впасть в то самое душевное состояние, что находило на него каждый раз после размолвок с женой или детьми, но с тревогой обнаружил в себе лишь непривычное спокойствие и пустоту. Никакого чувства вины. А надо сказать, он всегда считал себя виноватым, старался на другой день после ссоры как-то разрядить обстановку и очень переживал, если у него это не получалось. Теперь же ничего подобного ему делать не хотелось, но и это его не пугало.

Завтракал он при полном молчании под осуждающим взглядом жены.

— И во сколько же ты вчера явился? — спросил он машинально, глядя с пониманием на то, как Петька с отвращением глотал горячий чай.

Сын не ответил, только передернулся от крупной внутренней дрожи.

Вечером Василий Петрович, не заходя домой, отправился прямо в сарайчик. Ему очень хотелось тут же, немедленно приняться за работу, но он одернул себя, как нетерпеливого мальчишку. Плита стояла в глубине, и рассмотреть с улицы ее было невозможно. Поэтому он смело распахнул дверцу сарайчика, пододвинул табуретку к самому порогу и закурил. Со своего места он хорошо видел, как снует по кухне жена. Она была раздражена и потому двигалась быстрее обыкновенного. Раньше это вызвало бы в нем смутную тревогу, желание пойти и успокоить ее, но теперь он совсем не беспокоился.

Вот теперь ему предстояло приступить к работе художественной, настоящей, и это занимало его мысли целиком. К тому же еще надо было решить: дописывать «от жены и детей» или оставить так. Ведь тогда придется переделывать весь карандашный рисунок, а его было жалко. Не обязательно писать от кого, на многих памятниках и вовсе нет этого, думал он, да и не по справедливости будет написать «от жены и детей». Они вон надулись оба и знать ничего не знают, а я ведь не для себя. Для них все, чтоб их в расход не вводить.

Стоило Василию Петровичу так подумать, как другая внутренняя и сокровенная мыслишка будто пропищала в голове: как же не для себя? Точно для себя — и не для кого больше. Он весь напружинился, даже выпрямился на табуретке — так неожиданна и откровенна была эта мыслишка. Какая-то уж очень неприкрытая. Он так опешил, что забыл про папироску в углу рта и дым попал ему в глаза. Он прослезился, выругался и, решительно встав, задвинул табуретку под верстак. Да, для себя, и ничего в этом нет плохого. Ведь не за чужой счет и не чужими руками, и ничего тут стесняться, думал он. А то жмешься, ежишься всю жизнь, все чего-то неудобно, чего-то стыдно, а люди тем временем загребают, кто сколько может... Так-то оно так, но кладбище... могила... памятник. Да еще живому... Что о нем скажут, когда узнают-то? Ну и черт с ними! Пусть говорят, что хотят. На каждый чих не наздравствуешься...

На этом Василий Петрович успокоился. Надо заметить, что он и раньше на каждый свой верный или неверный шаг находил соответствующую пословицу или поговорку. Это неизменно поднимало его в собственных глазах и делало неуязвимым для любой критики.

Он решил в тот же вечер объясниться с Зиной, чтоб на эту тему больше и разговоров или каких-либо недомолвок не было. Отложив работу до более спокойного времени — помнил твердо, что к мрамору надо приступать со спокойной душой, — он направился домой. Шел объясниться, а объяснение поджидало его уже в лице соседа и старого знакомого Никиты Епифанова.

— Я к тебе по делу, — начал Никита, не дав ему толком переступить через порог. — Помнишь мой шкаф, материн еще, тот, что масляной краской она сдуру покрасила, когда я в армии был?

Василий Петрович кивнул ему в знак приветствия и, не отвечая, прошел в ванную мыть руки. Когда дело касалось его работы, то тут уж он умел выдержать марку. Вернувшись на кухню, он долго и основательно пристраивался на табурете, солидно покрякивал, сперва спросил у жены, будет она его сегодня кормить или нет, а уж потом повернулся к Никите Епифанову и тихо и внимательно переспросил:

— Так что ты говоришь, шкаф?

— Шифоньер, — подобострастно пояснил Никита.

— Трехстворчатый, орехового дерева, с резьбой по бордюру и овальным зеркалом?

— Он, он, — с готовностью закивал головой Никита.

—Ну и что же ты от своего шифоньера хочешь?—вкрадчиво спросил Василий Петрович.

Никита смутился. Зина, присутствующая при этом разговоре, укоризненно покачала за его спиной головой, но вмешиваться не стала. Хоть и не любила, что Василий Петрович, как она сама говорила, выкобенивается с клиентами, но в его рабочие дела не встревала. Уважала профессию.

— Ну, хорошо бы ему ремонт, что ли... — сказал оробевший Никита Епифанов.

— Зачем же ему ремонт? — якобы очень сильно удивился Василий Петрович и придвинул к себе тарелку с борщом. — Он у тебя еще сто лет простоит. Орех — это материал. Ему сносу нет. Его топором-то не вдруг расшибешь.

— Да, понимаешь, заезжал ко мне свояк, ножичком поколупал, говорит вещь антикварная. В божеский вид привести — цены не будет. Вот я и подумал, что если краску содрать, полирнуть или как там положено... Зеркало новое заказать, сейчас в мастерских свободно, ручки модные поставить — вещь будет. А то стоит пугало, хоть на помойку выбрасывай.

— То, что ты хочешь — это не ремонт, — веско произнес Василий Петрович. — Это настоящая реставрация, по всем правилам, и стоить это тебе будет не меньше, чем новый шифоньер. Правда, вещь может получиться действительно художественная...

— Да не в деньгах дело. Тут жена пристала... Говорит, у людей давно вся мебель из комиссионного магазина, а у нас стоит шкаф под сурик крашеный. Знаешь, на нем еще разводы, как на старых сейфах нарисованы. Ну точно живешь, как в казенном доме. Выручай, Петрович. За деньгами не постою.

Василий Петрович тем временем доел борщ и отодвинул тарелку. Он закурил и уж было открыл рот, чтобы произнести свое традиционное уклончивое «посмотрим», как всегда говорил, когда соглашался приняться за работу, но отчетливо представил себе всю работу в целом и еще ту заветную работу в сарайчике, которую ему придется отложить на неизвестный срок. Рот его, готовый произнести эту фразу, закрылся и открылся уже для другой:

— Извини, Никита Епифанов, но придется тебе подождать с месячишко или чуть больше, а в ином случае ищи себе другого мастера.

— Да уж кто лучше тебя сделает, — польстил Никита. — Я уж тебя дождусь. По мне-то не горит, вот жена поедом ест. Ну теперь я ее успокою — скажу, раньше нельзя.

Когда Никита ушел, Зина спросила:

— Почему же ты сразу не взялся? Зачем мурыжить человека? Или у тебя какая другая работа есть?

Василий Петрович, уж было совсем собравшийся объясниться, что-то вдруг оробел. Ну как тут возьмешь и брякнешь, что, мол, сооружаю себе надгробие. Вроде, и помирать не собираюсь и запасливостью особенной никогда не отличался. Нет, точно, Зина решит, что умом тронулся ее мужик. Но отвечать было надо, и Василий Петрович промямлил что-то нечленораздельное.

— Знаю, почему не берешься, — сказала Зина и зачем-то приглушила голос до шепота. — Видела я, чем ты там занимаешься.

Василий Петрович аж подпрыгнул на табуретке.

— Да... Да как же ты вошла?! Да кто же тебе велел входить в сарайчик? Что же ты ключ у меня воровала? По карманам лазила?

Он задохнулся от злости и обиды.

— Есть у меня ключ. Нашла я его еще три года назад в старом барахле. Считай, и не ходила я туда, только зимой несколько раз капусту брала, когда тебя не было. Ты мне лучше скажи, чего это ты надумал? Что ты себя заживо-то хоронишь? Срамота ведь.

Василий Петрович только отмахнулся. Его в этой истории волновало лишь то, что кто-то имеет доступ в его сарайчик. До сегодняшнего дня это было единственное место, где он мог закрыть за собой дверь, включить яркую, веселую лампочку под старинным абажуром с кистями и работать. Или просто сидеть, покуривать и размышлять. Построгивать ли какую безделушку, игрушку что ли... Картинки у него по стенам висели разные... Все прибрано, прилажено по его вкусу, и оказывается, все это вынесено теперь на поругание, на посмешище.

Ведь пошла и подсмотрела. И раньше ходила. Говорит, за капустой, думал он, а сама, небось, из бабьего любопытства... Хотя чего ей было любопытствовать? Василий Петрович всегда ей рассказывал, чем занимается, и деньги приносил почти до копеечки. Оставит немножко на пиво, а все остальное — ей. Может, и вправду только за капустой ходила?..

6.

На другой день поставил Василий Петрович новый замок, открывающийся без помощи ключа набором определенных цифр.

Только через неделю он приступил к работе. Все никак не мог успокоиться. Процарапал первую коротенькую линию, и пошла работа запоем. Ковырялся каждый вечер. И днем на фабрике думал о ней. Телевизор уж на что любил посмотреть — теперь не смотрел вовсе. Некогда...

А в доме все было спокойно. Зина удовлетворила свое любопытство и со странным его занятием смирилась. Наверное, решила, что все это скоро кончится, и пойдет жизнь по-старому. Да, в конце концов, чему огорчаться? Если бы пил

или гулял, а то сидит, с плитой занимается. Ну и пусть! Ничего плохого в этом нет. Не ей же он ее готовит. Вот тогда было бы чудно, а себе — пускай... Пройдет это у него. Так она сама себя успокаивала, но все-таки в глубине души эта несчастная плита чем-то ее оскорбляла. Ведь если сам делает, значит, не уверен, что жена и дети захотят поставить хороший памятник. А, может, он прав, горестно размышляла она.

Однажды, когда Василий Петрович заболел тяжело воспалением легких и два дня прометался в бреду, Зина не то чтобы думала о его возможной смерти, а так, как-то мимолетно представила себе гроб, и могилку, и крест на ней. До сих пор она не могла забыть, как задохнулась от предчувствия горя, как бросилась с ревом в ванную, подальше от медсестры, от детей.

О плите в доме, по негласному уговору, вслух не говорили. Петька ничего не знал, а Нина, которой мать не удержалась и сказала, была человеком мягким и деликатным, и ожидать от нее, что она невзначай что-нибудь ляпнет, не приходилось.

Василий Петрович ходил веселый и торжествовал про себя. Работа клеилась отлично, резьба вышла твердой, почти без огрехов, одинаковой глубины и конфигурации. И удивительно, что все у него получалось. Видно, сказался упорный характер и общая сноровка, приобретенная за десятилетия ручной работы. Когда последняя цифра была вырезана, он вздохнул, но не с облегчением, а скорее с сожалением. Понравилась ему такая работа, очень.

Пока он резал, проблем не было, когда закончил, появилась проблема. Ведь он решил выкладывать буквы не бронзой, а сусальным золотом, а оно денег стоит, хотя в общем-то и доступно. Но где их взять? Не от семьи же? Не такой Василий Петрович человек. Тогда-то он вспомнил про Никиту Епифанова и сам пошел к нему домой, чего прежде никогда не бывало. Слишком он уважал свою профессию, чтоб за клиентом ходить.

— Вот что, Никита Епифанов, — сказал он, строго оглядев шифоньер. — За твою вещь я возьмусь, но работы тут много. Видишь, резьба откололась, фурнитура болтается, да и краска въелась в дерево. Красили на совесть! И как же ты терпишь это страшилище двадцать лет. Я бы давно выкинул или сам выкинулся... Хоть и противно мне, но решусь. Возьму дорого. Сто рублей возьму!

Он втайне надеялся, что сумма ошеломит Никиту, и он откажется.

Но тот, вместо того чтобы удивиться и послать его куда подальше, радостно затряс головой и так горячо пожал ему руку в знак согласия, что Василию Петровичу сделалось неловко, и он стал оправдываться:

— Да ты в общем-то не расстраивайся. Сто рублей — не деньги, зато вещь получишь музейную. Тебе в комиссионном за нее меньше трехсот не дадут. Отделаю в лучшем виде.

— Да ты что, ты что?! — забеспокоился Никита. — Я понимаю, такая работа стоит...

— Ты вот что жене скажи: не меньше трехсот он будет стоить. Только у меня такая просьба будет к тебе. Работать я, конечно, буду тут, он в мою сараюшку не влезет, а когда кончу — придешь ко мне и при жене со мной рассчитаешься, но дашь семьдесят пять, будто за столько и договаривались, а тот четвертак потом... Понимаешь?

— Да чего! Конечно! — вскричал совсем развеселившийся Никита Епифанов. — Дело ясное, что дело темное. И зашептал:

— А моей скажи, что за сто двадцать пять согласился, четвертачок с тобой под откос пустим, а то из нее рубля не вытянешь. Магарыч, конечно, само собой я из нее вытрясу. Ну, и ужинать вечерком после трудов праведных — как без пузырька, хотя б красненького? Иначе нельзя, неуважение к мастеру. Эх, и житуха у нас будет! А ты с работой не спеши! Не спеши и все!

— Да уж ладно, как сделаю... Мне тоже особенно развозить некогда.

Проблема сусального золота была решена. Месяц трудился Василий Петрович, но сделал действительно художественно — выставочная получилась работа. Зина знала, в чем дело, и не сердилась, что каждый вечер он немножко того... Так, самую малость — только по запаху и заметишь. Зато у Никиты Епифанова получился месяц санатория. Под конец он объявил его лучшим другом и великим мастером.

На золото Василий Петрович заработал, а вот как его кладут — забыл. Помнил, но довольно смутно, что для чего-то нужен вазелин. А вот для чего? Да еще, кажется, черный свежий хлеб нужен... Раскрыл он сгоряча книжечку, да сразу один листочек и загубил. Золотой, тоньше паутины прозрачный квадратик прилип к пальцам и как-то в одно мгновение, не успел Василий Петрович и глазом моргнуть, скатался в маленький комочек, расправить его не представлялось решительно никакой возможности. Он бережно закрыл книжечку и убрал подальше. На другой день отправился к своим знакомым реставраторам.

Те удивились тому, что плиту он все-таки осилил, и рассказали ему такие секреты, какие другому и за деньги бы не продали.

Выложив первую буковку золотом, Василий Петрович долго любовался ею. То так повернет плиту, то другим боком, то отойдет подальше, то чуть носом не прилипнет, и отовсюду ему работа нравится. Вот только маленький бугорок на стенке одной буквы. На мраморе он был не заметен, а под золотом проявился. Он хорошо помнил этот бугорок. То ли вкрапление какое-то попалось в мрамор, вроде сучка в дереве, то ли еще что, но промучился над ним Василий Петрович целый день. И бугорок-то миллиметра в полтора, а вид уже, конечно, не тот.

И настолько далеко зашел в своей гордыне новоявленный камнерез, что решил золото пока снять и бугорок по возможности выровнять. Взял самую маленькую скарпельку, наточил ее как следует, приладил к бугорку и тихонько стукнул легким молотком. Плита глухо хрустнула и раскололась ровно на три части...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

7.

Василий Петрович стоял в оцепенении, не выпуская из рук молоток и скарпельку. Много понадобилось ему времени, чтоб осознать, чем кончились его двухмесячные труды.

Дальше было... Впрочем, проще описать то, чего не было.

Он не кинул молоток и скарпельку в дальний угол, как это сделал в свое время угрюмый каменщик-реставратор, не стал швырять куски мрамора на пол, не стал ругаться во весь голос, даже про себя не выругался, не принялся курить, жадно затягиваясь, не обхватил голову руками, не плюнул на коварную плиту. Он потушил лампочку под веселым абажуром, аккуратно закрыл замок и отправился к себе на четвертый этаж. Дома, не сказав ни слова, не раздеваясь, а только сняв ботинки, он лег на диван.

Дело было в пятницу. Он пролежал на диване весь день до ночи и, когда жена позвала его спать, медленно поднялся и побрел, еле переставляя ноги, в спальню. Утром завтракать не стал, а как только Петька убрался с дивана, занял вчерашнюю позицию. Зина спросила, не вызвать ли врача? Василий Петрович долго молчал, собрался было ответить, что здоров, но Зина уже вышла из комнаты.

Так провалялся он до вечера. Когда включили телевизор, Василий Петрович повернулся лицом к стенке. Зина, видя такое дело, ни слова не говоря, оделась и выбежала на улицу. Вернулась с четвертинкой белого, собрала на стол, приготовила все как для гостей и вкрадчиво позвала:

— Вась, может, поужинаем...

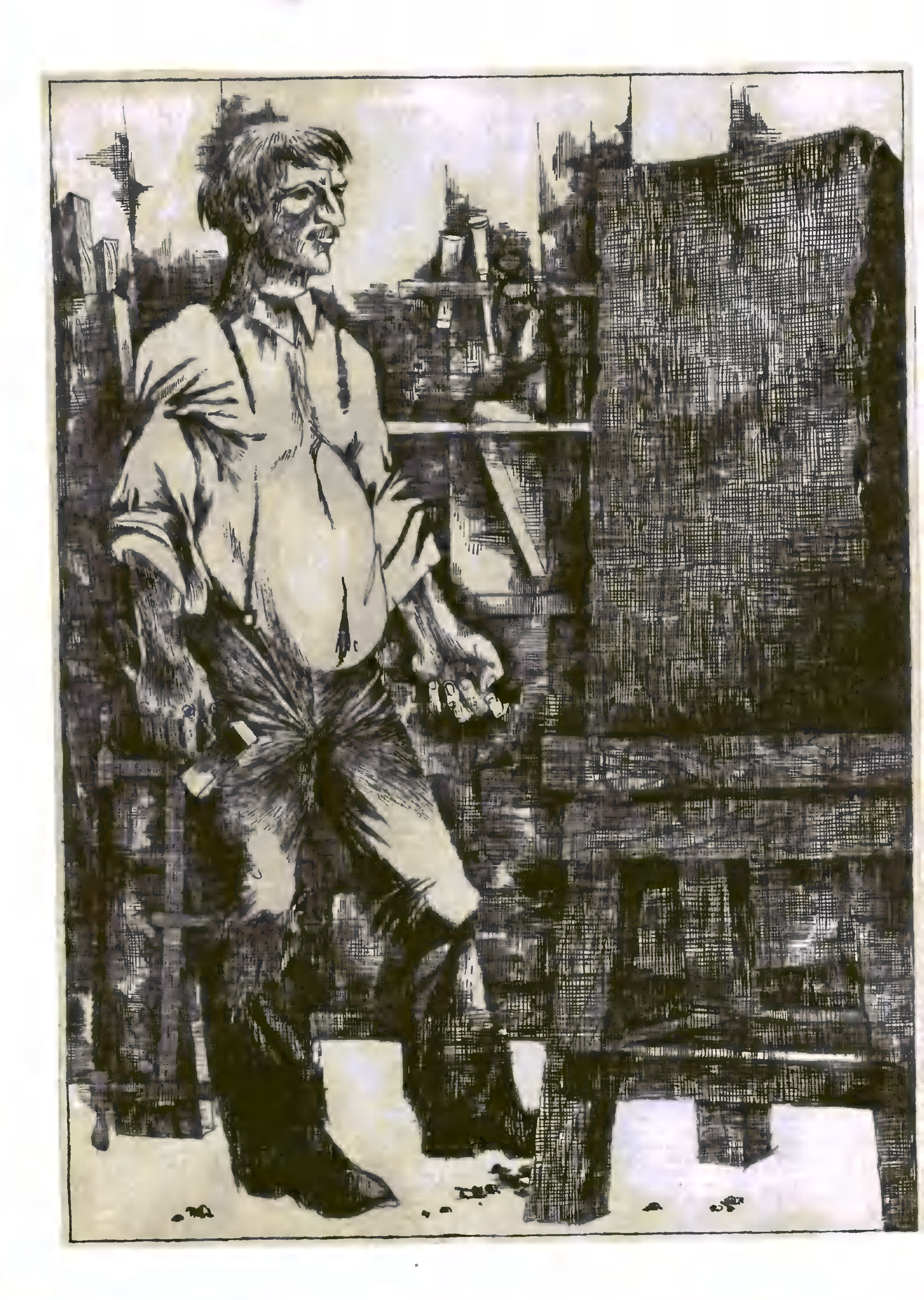
Василий Петрович все-таки повернулся к ней. Он увидел заботливые глаза жены, стол, накрытый как для гостей не на кухне, а в гостиной, водку, уже перелитую в резной графинчик, вздохнул и медленно свесил ноги с дивана. Но ничего из Зининой затеи не получилось: Василий Петрович от водки вовсе отказался, покушал мало, без аппетита.

А утром, в воскресенье он и вправду заболел. Как только проснулся и закурил, — сразу закашлялся, да так, что отдало в голову. Он и вставать не стал, а спросил градусник и чаю с лимоном. Оказалось, у него температура, а пришедший по вызову врач нашел у него вирусный грипп. Болеть Василий Петрович раньше не любил, а теперь чуть ли не обрадовался. Ему только того и хотелось, чтоб лежать и чтоб никто его не трогал.

...Перележал Василий Петрович свою беду, а когда поднялся, то был здоров не только телом, но и душой. Как-то само собой сложилось в его сознании, что неудача с плитой — не бог весть какая беда, что было бы странно, если бы у него с первого раза все получилось. Вот теперь, если он заново возьмется за такую работу, то будет осторожнее и ловчее — первый блин всегда комом.

Все-таки бездонна народная мудрость. На всякую беду там найдется утешение.

Однако Василий Петрович боялся: лишь только он увидит

расколотую плиту, сердце опять у него зайдется. Но обошлось. Никакого горького чувства при виде разрушенной работы он не испытал, никакой злобы коварная плита в нем не вызвала. Даже напротив, он смотрел на нее со снисходительной улыбкой.

— Ну, что б тебе, дурочке, не уцелеть? А? Ну, как бы было хорошо! Закончил бы я тебя, стояла бы теперь красавицей, горела бы золотом. А так куда тебя? На помойку. Ну, что тебе помешало?

И с этими словами Василий Петрович стал осторожно приподнимать осколки мрамора. Под самым крупным осколком он увидел маленький, тоньше пальца, деревянный чурбачок, и понял, что плита лежала не всей плоскостью, а провисала одним боком на верстаке, а другим боком на чурбачке. Раньше он сметал мусор с верстака, когда занимался резьбой, но тут забыл — не то чтобы понадеялся, а просто не вспомнил. И ведь предупреждали его насчет этого дела мастера, специально предупреждали, а он просто упустил из виду...

На душе стало легко. Мало ли что забыл! Всякий может забыть. А все-таки он осилил работу. Поднял дело, довел почти до самого конца. И уже не сожаление, не тоска, не безысходность переполняли душу, а тихая гордость за себя, за свое умение, за свои рабочие руки.

Он вымел проклятый чурбачок, который неизвестно откуда и выскочил, и, не успокоившись на этом, поймал его на полу в дальнем углу и, приоткрыв дверь, вышвырнул далеко на улицу. Потом плотно, так что трещина была почти не видна, составил осколки мрамора, долго любовался и приговаривал про себя:

— Ишь ты! Ведь художественно получилось, точно, без разговоров.

Он всегда считал, что красота вещи, вышедшей из-под его рук, — достоинство прежде всего самой вещи, а он только помог, что ли, этой красоте, что сам тут ни при чем. Вещь законченная была для него существом чуть ли не одушевленным и уж во всяком случае очень самостоятельным.

— Заставил я тебя, заставил, — благодушно бормотал он. — Вынудил. А как противилась, как не хотела, как упрямилась. Вишь ты, до конца характер выдерживала, только дал я тебе, маленькую слабинку, так сразу, брык, и воспользовалась. Ну, ничего. Твое дело такое, а мое смотреть... На то и щука в море, чтоб карась не дремал.

Он подумал, а не склеить ли плиту, уж больно плотно приникли друг к другу осколки. Но раздумал. Даже если найдется такой клей, который схватит намертво, даже если сможет он подкрасить, затереть так, что хоть под микроскопом смотри — не заметишь, то все равно он будет помнить об этой трещине, и это измучит, как всю жизнь мучили редкие, скрытые дефекты в его работе, которые посторонним, даже специалистам, были незаметны.

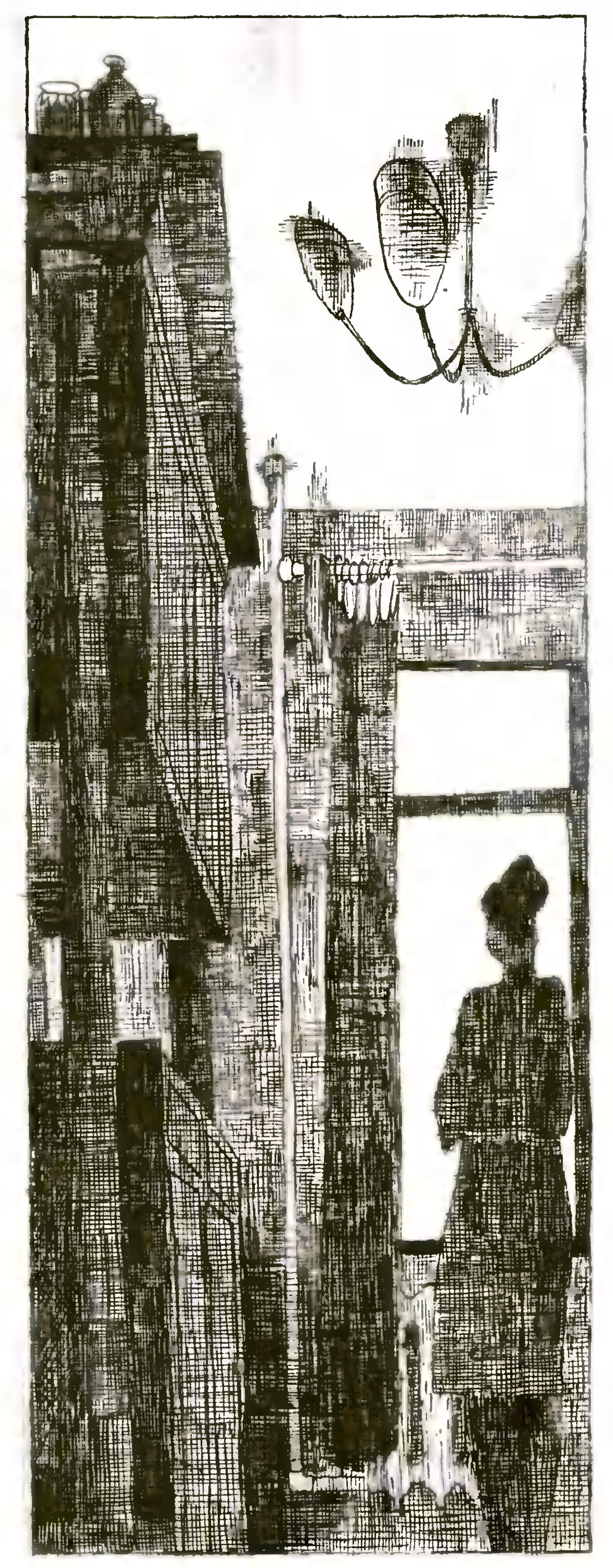
Тогда он взял тяжелый колун и несколькими сильными и точными ударами раздробил плиту на маленькие искрящиеся, будто колотый сахар, осколки. Аккуратно собрал все в ведро и за два раза отнес все до крошки на помойку. Разнес он плиту не со злости, а только для того, чтобы никто не смог прочитать написанного. Относил поздним вечером, затемно и украдкой, оглядываясь по сторонам.

И как-то само собой и без всяких сомнений определилось, что надо подыскивать новый материал. Может быть, стоит попробовать гранит или еще что-нибудь... С мрамором ему было все ясно.

8.

Прежде всего он, конечно, обратился к друзьям-каменотесам. У них ничего подходящего не было. Находились, правда, осколки, но не больше той плиты, а повторяться Василию Петровичу не хотелось. Да, к слову сказать, его еще раньше, когда он работал в реставрационных мастерских, буквально завораживали разговоры о граните, о его твердости, упорстве, о том, как приходится по крошечным кусочкам снимать этот могучий камень. По складу своего характера Василий Петрович больше всего любил именно такую работу, когда только после дней упорного труда просвечивает сквозь рваную и бесформенную заготовку чистая линия. И резать он любил больше всего по дубу, терпеть не мог липы. Не то что другие торопыги. Что это за дерево? Один раз нажал резцом и до самой сути, а то и переборщишь... Тогда вся работа насмарку.

Мастера дали ему адрес скульптурно-камнерезного комбината, где за наличный расчет ему продали гранитную глыбу размером метр на пятьдесят и толщиной в пятьдесят санти-

метров. Деньги он взял из премиальных и привез глыбу, не таясь, на грузовой машине днем, выгружал ее с двумя грузчиками под изумленными взглядами всего двора.

Зина пыталась устроить скандал по поводу неполной премии, но Василий Петрович грубо оборвал ее. Такого она от него никогда не слышала и испуганно замолчала. Однако не выдержала и уступила настойчивым расспросам Петьки, который в последнее время выровнялся и пьяным домой уже не приходил. Так это было или по-другому, но в один прекрасный день Петька попробовал пройтись насчет могильных дел мастера, за что и получил от отца крепкую, полновесную затрещину. Охота шутить на эту тему у него сразу отпала. Он хоть и вымахал в здоровенного бугая, но против отцовской, весь век работающей руки был жидковат.

Любопытство жителей двора тоже было удовлетворено в скором времени. Обычно Василий Петрович — мягкий человек — не мог никому ни в чем отказать. И врать толком не мог; стоило его только спросить понастойчивее, и он выкладывал все, как на блюдечке, даже себе во вред. Но тут появилась в нем какая-то жесткость. Подошел к нему Никита Епифанов и по старой дружбе, доброжелательно спросил:

— Слушай, Петрович, ты зачем привез этот булыжник? Чего ты надумал?

Василий Петрович постоял некоторое время молча, потом вдруг сказал:

— Вот что, Никита Епифанов, катись ты к...

Вот тебе и старая дружба! Ошарашенный Никита долго стоял с разинутым ртом. Во дворе он никому об этом не сказал.

Водворив заготовку в сарайчик, Василий Петрович прежде всего выкинул оттуда портившую ему всю жизнь кадушку с квашеной капустой. Иначе просто невозможно было развернуться. Зина по этому поводу даже всплакнула, но он на это не обратил ни малейшего внимания. Затем, поразмыслив над гранитной заготовкой, убедился, что не только не знает, как к ней приступиться, но даже и не представляет, что же ему хочется.

Опять начались его экскурсии по кладбищам. На этот раз он не ограничился Новодевичьим, а побывал и в Донском монастыре. Поиски образца теперь были еще продолжительнее и мучительнее. Несколько блокнотов с зарисовками и эскизами легли на специально прибитую для этой цели полочку. Появилась на ней и кое-какая литература.

Стал он похаживать и на скульптурный комбинат, где вскоре со всеми подружился. Там набивал руку, осваивал новый инструмент, узнавал характер гранита. Крупным специалистом, конечно, не стал, но ознакомился с ремеслом основательно.

В прошлый раз ему пришлось выбрать лишь шрифт, сейчас его держали в жестких рамках и размеры заготовки, и фактура, и цвет материала. Поначалу от всего этого у него просто голова кругом шла. Отойти от готовых образцов он еще не мог — не хватало смелости, а среди чужих памятников очень трудно было найти что-либо подходящее. Те памятники из гранита, которые ему особенно нравились, были других размеров.

Окончательно решило дело одно странное обстоятельство. Шел он по улице и вдруг хватился: папирос нет. Он подошел к газетному киоску и стал значки рассматривать. Никогда в жизни Василий Петрович значками не интересовался, а тут как кто за локоть его придержал. Склонился он к самой стеклянной витрине. Внимание его привлек один — маленький продолговатый значок синего цвета, блестящий, словно стеклянный. На синем фоне — белый памятник, напоминающий башню. На его черном цоколе неразборчивая маленькая надпись. Только когда купил Василий Петрович этот значок, прочитал: «Александръ Сергеевичъ Пушкинъ».

Он быстро прикрыл нижнюю часть памятника большим пальцем — получалось то, что, как говорится, доктор прописал: узкая усеченная пирамида на маленьком цоколе, как на подставочке. Всю дорогу он рассматривал значок. А очутившись в сарае, принялся вычерчивать.

Надпись он решил перенести из нижней части в верхнюю. Что там за штуковина внизу — он на значке не разглядел. Неясным для него пока остался и кружочек посреди пирамидки. Очень уж крошечный значок. Похоже на венок, но посередине какая-то точка. Долго ему покоя не давал этот веночек. До тех пор, пока он не придумал, что надо пойти в библиотеку и попросить что-нибудь о могиле Александра Сергеевича Пушкина. Уважительная девушка быстро сообразила, что ему нужно, и принесла книжечку о Пушкинских горах.

Кружочек оказался лавровым венком, а точка — древневосточной символикой — шестиконечной звездой диаметром четыре сантиметра. Только он решил вместо шестиконечной сделать пятиконечную, а вместо лаврового венка венок из полевых трав и цветов. Потому как лаврового венка он не заслужил.

На том и остановился. Работа была ему по плечу, памятник выходил простой и вместе с тем строгий и красивый. И к тому же его успокаивала мысль, что раз первому поэту России поставили именно такой памятник, то, значит, лучшего и не придумаешь.

9.

Петька бросил пить и шляться с друзьями не случайно. Встретилась на его пути девушка и быстренько прибрала к рукам, да так надежно, что, когда впервые привел он ее домой, мать чуть не расплакалась от умиления. Отца в этот вечер не было — по обыкновению торчал в сарайчике. Люся была из той породы тихих, но твердых и рассудительных девушек, которые только и годятся расхлябанным мужикам вроде Петьки.

Как Зина поняла из ситуации, у молодых все шло к окончательному сговору. Она, конечно, тряхнула холодильником, достала легкого винца, потом чего-то застеснялась, отвела Петьку на кухню и, с раздражением глянув в окошко, сказала:

— Может, сходил бы отца позвал? Все по-семейному было бы...

Петька упрямо мотнул головой и сам посмотрел на сарайчик, из-под двери которого пробивалась узкая полоска желтого света.

— Да ну его. Чего звать-то? Будто ему интересно...

— Так ведь неудобно, — неуверенно возразила мать, — обидится, когда узнает.

— А он и не узнает, — с особым смыслом сказал Петька, — ты не беспокойся, — и перевел разговор на другую тему. — Слышь, мам, я вот думаю в техникум поступать этой осенью. Люся сказала, что в общем можно...

Мать не знала, что ей делать: радоваться или огорчаться. В Петькиных словах она почувствовала какую-то злую уверенность. Похоже, он знает что-то такое ей неизвестное и лишь говорить не хочет.

...Одно дело обработать края плиты, снять фаску, вырезать буквы и совсем другое из прямоугольной заготовки высечь усеченную пирамиду, да еще украсить ее венком из полевых трав и пятиконечной звездой. Она особенно радовала Василия Петровича. Церковной символики он, откровенно говоря, не любил.

Но как все это сделать?.. Им вдруг овладел страх перед предстоящей работой. Казалось, что ничего у него не получится, что даже разметить заготовку толком не сумеет, а памятник будет выглядеть самоделкой. Этого Василий Петрович уж никак бы не перенес. Он всегда отделывал свои вещи до такого совершенства, что придраться было буквально не к чему.

Знаний не хватало, это он ощущал, как ощущает человек нехватку воздуха,— физически, всем своим организмом. Руки не гнулись, стали неловкие, будто он за всю жизнь ничего, кроме ложки, не держал. Хоть казалось, что он окончательно успокоился после неудачи с плитой, но, как ни говори, уверенности тот случай ему не прибавил. Он прекрасно понимал, что навредила ему в прошлый раз маленькая и нелепая случайность, но он также хорошо знал, что и в этой работе возможны десятки похожих случайностей, от которых он не застрахован, и новая неудача разобьет его сердце. Однако заготовка уже в сарайчике. Назвался груздем — полезай в кузов.

Еще не сделав ни одного удара, а лишь разметив гранит, он снова направился в библиотеку к знакомой уважительной девушке. Но та помочь ему не смогла. В районной библиотеке специальных книг о скульптурном труде не было, и названий она не знала, так что присоветовать ничего не могла. И опять выручили друзья-каменотесы из скульптурного комбината — дали списочек кое-какой литературы. Пришлось Василию Петровичу начать долгий, увлекший его поход по букинистическим магазинам.

Надо сказать, что раньше он в эти магазины не заходил. Бывал, правда, в книжных, когда покупал ребятишкам учебники. С тех пор просто нужды не было. Теперь же это занятие ему понравилось. В первом магазине он проторчал больше часа, хоть нужных книг там не оказалось. Купить он ничего не купил — цена кусается, хотя одна книжка ему очень понравилась... Написана она была по-иностранному, но название ему продавец прочитал: «Микеланджело», и стоила

пятнадцать рублей. За что там платить такие деньги, Василий Петрович не понял. Текста было всего страниц пять, остальное — картинки. Вот если бы стоила эта книжка рубля три, он непременно купил бы. К тому же он опасался, что, когда встретится нужная ему книга, денег может не хватить.

К концу недели книжки он все же достал. Две толстые красивые, а третья маленькая, невзрачная, со старинными ятями, к которым пришлось ему с трудом привыкать, зато самая дорогая. Отвалил за нее Василий Петрович десять восемьдесят — и глазом не моргнул. За месяц он одолел все три. Читал тут же, в сарайчике. Правда, лампочку пришлось переменить на более яркую — глаза уставали. К граниту он почти не прикасался. Разве что попробовал инструмент.

Чем больше читал Василий Петрович, тем страшнее ему становилось начинать работу. Чем больше узнавал о скульптурном деле из умных книжек, тем непонятнее ему было, как это у него все-таки вышла первая плита. Правда, сейчас задним числом, рассматривая свои рисунки и эскизы, он морщился от неудовольствия. Вся плита казалась ему теперь безобразной: и слишком широкая фаска на краях, и пальмовая ветка... Ведь правильно люди говорят: не видел — не рисуй. И шрифт как с конфетной коробки. Шрифт настолько его начал раздражать, что он однажды не выдержал и порвал все ранние эскизы и зарисовки на мелкие кусочки, выбросил в ведро и вынес на помойку. И такое почувствовал облегчение, что сам удивился. — Ты смотри, как бывает,— растроганно и смущенно бормотал он,— делаешь — вещь нравится, а разобьешь потом — сам рад. Бывает, значит, что и разбивается вещь к счастью. А ведь не лопни она тогда, так и оставил бы. Наверняка. Да еще и любовался бы, как дурак...

10.

Тут бы и пойти работе, но, вместо того чтоб начать серьезно, Василий Петрович в первый же выходной с самого утра вышел из дому. Намерение у него было неясное, и шел поэтому медленно, прогулочно, как раньше никогда не ходил. Вначале у него даже заболели ноги — не привык он к такому прогулочному шагу, всю жизнь двигался рысцой. Под медленный шаг хорошо размышлялось и вроде бы больше виделось. Он шел по Садовому кольцу от Курского вокзала к Лермонтовской площади. Дома по обе стороны вдруг изменились прямо на глазах. Раньше пробегал мимо них, не поднимая головы, а теперь посмотрел вверх и чуть не ахнул.

Никогда раньше он не замечал, что каждый ряд окон, каждый этаж сделан на другой манер. Что и окна-то другого размера и формы, и рисунок лепной разный. Да и сами-то дома друг на друга совсем не похожи, будто делали их разные люди, но между собой договорившиеся не числом соревноваться, не размером, а умением. Отличаются они друг от друга не вывесками магазинов, а настроением и характером. Один — веселый, беззаботный, другой — строгий, а третий — простой, домашний, в котором жить, наверное, одно удовольствие.

Всю жизнь Василий Петрович, когда хотел жене или детям объяснить, какой дом он имеет в виду, говорил: «Пройдешь дом, в котором булочная, завернешь за столовую, там в переулке увидишь мастерскую по ремонту обуви, сразу за ней проход...» А как бы он теперь объяснил другому человеку, куда пройти? Василий Петрович улыбнулся и весело посмотрел по сторонам.

— Значит так,— тихонько забормотал он,— мимо высокого и... и легкого, ну как молодая березовая рощица, потом мимо скучного, как накладная. Не дом — тетрадь в клеточку. А ведь, кто хочешь, поймет. Ей богу, поймет, если сказать! Только посмеется...

Он вспомнил о своем последнем рисунке.

— Вверх, вверх будет смотреть. В небо! И никакого веночка! Все эти листочки, лепесточки к чертовой бабушке! Ладно бы действительно лавровый венок на белом мраморе, там бы он заиграл, как у Пушкина. Ведь не глупые люди придумали. А на граните — как заплатка из ситчика в мелкий цветочек. Вот уж, чуть не сморозил, отчудил...

Правильно в пословице говорится: «Семь раз отмерь, один — отрежь!» Особенно, когда речь идет о граните. Там раз отрежешь — в другой раз не надставишь, выбрасывай всю работу.

Он и не заметил, как очутился у себя в сарайчике. Еще раз ухмыльнувшись, вгляделся в эскиз. Потом было закурил, но, не сделав и двух затяжек, отшвырнул папиросу, раздавил ее каблуком, схватил резинку и стал торопливо, с каким-то злорадным ожесточением стирать проклятый веночек. Звездочку вначале оставил. Затем посмотрел на нее и ощутил, как подымается в нем раздражение и неудовлетворенность. Не так! Не так.. Хищная резинка съела звезду за несколько секунд.

Опять не так! Он прикинул от руки, наметкой, особенно не вырисовывая, звезду побольше! Ну конечно, понял вдруг Василий Петрович, вот теперь так. Теперь так, как надо. Пока звездочка была в этом паразитском веночке, она была хороша. Веночек снял — оказалась мала, совсем бедная родственница, сиротка. Теперь все!

Все!

Он нашел папиросы, с трудом сделал две-три затяжки, курить было трудно, что-то мешало, будто он одним махом взбежал на четвертый этаж. Но вот он глубоко и судорожно, как дети после плача, вздохнул и наконец почувствовал вкус табака.

Он потихоньку курил, глядел на свои трясущиеся руки, на рисунок даже глаз не поднимал, наслаждался папиросой, особенных мыслей в голову не допускал, но про себя, даже не думая, не произнося про себя таких слов, он чувствовал, что переживает самый светлый, самый ослепительный миг в своей жизни.

Еще он чувствовал, что таких мгновений у него теперь будет много.

11.

На фабрике у Василия Петровича начались неприятности. Все вокруг заметили, что будто подменили передовика производства, замечательного мастера, внимательного и отзывчивого человека. А пошло с пустяков.

Один раз не задержался по просьбе коллектива и прямого начальства, в другой раз не пришел на общее собрание, посвященное очередному празднику и подведению квартальных итогов. И не по злому умыслу, а потому, что спешил домой. Нет, не домой — в свой сарайчик! В свою мастерскую! В студию! Кто теперь мог с твердой уверенностью сказать, где его настоящий дом? И еще была одна причина, по которой он не остался на собрание. Итоги квартала, а вместе с ними и прогрессивка, полагающаяся в случае, если эти итоги удовлетворительные, и почетные грамоты или даже, может быть, переходящее знамя — все это, еще недавно составлявшее его жизнь, вдруг перестало его интересовать.

Пошли по фабрике слухи, что тихий Василий Петрович запил. Но на работе его не то что пьяным, даже с похмелья не видели, и слухи эти угасли сами собой, уступив, естественно, место новым. Новая версия исходила от женщин-полировщиц. Они говорили, что у Василия Петровича начался семейный разлад. С Зиной он разводится и на днях судом будет делить жилплощадь и мебель.

Вот уж, как говорится, слышали звон, да не знают, где он. Хотя ведь правильно почувствовали женщины, что неладны у него с семьей. Правда, о разводе никто и не помышлял, и вообще можно ли назвать его тихий и незаметный отход от семьи разладом. Только отчасти, отчасти... Самое же главное заключалось в том, что Василий Петрович стал плохим работником. То есть работал он не хуже, но как-то машинально, без огонька, без души. Браку не давал, тут уж ничего не скажешь — выручал опыт, а вот блеска в его работе теперь не наблюдалось. Тускло трудился, скучно. Норму выполнял — ни процентом больше.

И ведь не потому все это происходило, что разлюбил свое дело мастер. Как разлюбишь? И теперь, как в детстве, слегка кружилась голова у него от запаха свежих стружек, и сейчас подпевало что-то в его душе, когда с сочным шипом гнал послушный в его руках рубанок кудрявый, деревянный локон. Но смысла, смысла в своей работе не видел Василий Петрович.

Вскоре сняли его портрет с доски почета, хотя прогрессивки пока не лишили. Вроде бы, не за что. А затем за дело взялся начальник цеха Борис Владимирович. Был он человек разумный и демократичный, кадрами, тем более такими мастерами, дорожил и потому решил немедленно спасать Василия Петровича. Начал с задушевного разговора.

— Ты, Василий Петрович, зайди ко мне после смены,— вроде бы мимоходом сказал он.

Василий Петрович сразу сообразил, о чем будет разговор, и остаток смены провел в размышлениях. Бориса Владими-

ровича он очень уважал, и первым движением души было признаться ему во всем, рассказать, как на духу, но потом засомневался. О чем, собственно, рассказать? О том, что занят, в сущности, дурацким делом, оно, видите ли, сильно его увлекает. До такой степени, что ни о чем другом он и думать не может. Ну, вырубит он свою замечательную пирамидку, сделает все как надо, и кончится все, опять станет он таким, каким был — передовиком производства, общительным и веселым человеком.

А если не рассказывать ему всего, то что сказать? Ведь не будешь же молчать и смотреть на собственные ботинки, как нашкодивший мальчишка, которому нечего сказать в свое оправдание? Василий Петрович решил сказаться больным. Начальник цеха не стал долго подъезжать с посторонними разговорами, а спросил сразу в лоб:

— Что с тобой происходит, Василий Петрович? Тебя будто подменили.

Василий Петрович немного помялся, так как совершенно справедливо рассудил, что неприлично с бухты-барахты жаловаться на свое здоровье.

— Сам не знаю, Борис Владимирович,— печально произнес он,— что-то из рук все валится, а в чем дело, не пойму. По ночам стал плохо спать... Аппетита нет. А так, вроде, все нормально, как всегда.

— Да-а-а... — понимающе протянул начальник цеха. — Понятно. А я, знаешь ли, сперва немножко испугался. Подумал, у тебя на личной почве что-то не в порядке. Теперь все ясно. Значит так: в местком к Уютнову я пойду сам. Из-под меня он не вывернется, а ты с завтрашнего дня начинай оформлять курортную карту.

— Я и не знаю, как ее оформлять,— испуганно сказал Василий Петрович. Испугался он совершенно искренне не за свое здоровье, а за свою заветную работу; теперь придется отрываться от нее на врачей, на эту дурацкую карту.— Не надо мне никаких курортов! Пойду в отпуск, отдохну, и все наладится.

— Ладно, ладно,— дружелюбно и снисходительно, будто маленькому, сказал начальник цеха.— Делай, что тебе говорят. Это мой тебе приказ.— И, обняв Василия Петровича за талию, нежно похлопав на прощанье по спине, он проводил его до самой двери кабинета, а когда вернулся за свой стол, то долго еще улыбался.

Тем временем Василий Петрович с совершенно потерянным видом брел по коридору управления и думал, как бы ему избавиться от ненужных благ, свалившихся на него по его собственной глупости. Ни о каком санатории и речи, разумеется, быть не могло. Однако санаторную карту его все-таки вынудили оформить. Ничего тут он поделать не смог. Хорошо, что у него еще хватило ума скрыть все это от домашних, а то как бы он выкручивался дальше, неизвестно.

Здоровье у него, слава богу, оказалось в порядке, и дотошные врачи нашли у него только нервное переутомление. Путевку ему дали бесплатную — в неврологический санаторий или в какой-то другой, в этом роде. Ее он порвал через пятнадцать минут после получения, зайдя специально для этой цели в какой-то подъезд. Почти все отпускные он отдал Зине и, не мешкая, спустился в сарайчик.

Спустя три дня он пожалел, что отдал слишком много денег.

Спустя три дня он отложил скарпельку и кувалду и вышел на свет божий...

12.

Никогда раньше хозяйственными магазинами Василий Петрович не интересовался. Во-первых, считал это не мужским делом, во-вторых, был крайне непривередлив в быту и приобретение новых вещей считал занятием праздным. Хозяйством ведала Зина, и он полагал, что оно существует само по себе и ни в обновлении, ни в добавлении не нуждается. Теперь же вдруг стал получать от этого несказанное удовольствие.

Первым делом он зашел в хозяйственный, но, потолкавшись там с полчаса, отправился в электротовары. Перед ним стояла очень нелегкая задача. И вот почему: ему очень понравился электрический чайник. Он со смаком дважды перечитал инструкцию, особенно то место, в котором гарантировалось закипание двух литров воды за семь минут. Это же быстрее, чем на газе, подумал он. Но ведь в чайнике пельмени не сваришь и яичницу не поджаришь... С огромным сожалением, вздыхая, отставил он чайник в сторону и спросил себе двухконфорочную электроплиту.

Стоя в очереди в кассу, он рассматривал всевозможные светильники, развешанные по потолку и по стенам, и с удивлением обнаружил, что продаются свободно лампы дневного света. А он-то всю жизнь думал, что продаются они в специальных магазинах и только организациям.

С завернутой плитой под мышкой он зашел в хозяйственный магазин, где приобрел литровую кастрюльку с ручкой и крышкой, алюминиевый чайник, маленькую сковородку, заварной чайник, — к сожалению, металлический, — нож, ложку большую, ложку маленькую и вилку. В соседнем отделе нашел себе очень удобную, небьющуюся металлическую мисочку, наподобие столовых, и такую же тарелку. Кружку выбрал точно такую, какая была у него дома. Он очень любил свою кружку, и ему было очень приятно, что в мастерской он будет пить чай из такой же.

Разложив свое добро на верстаке, Василий Петрович понял, что без специальной полочки ему не обойтись. Быстро и азартно он соорудил ее. Столярный инструмент буквально заиграл в его руках — может быть, никогда в жизни он с такой скоростью ничего не делал. Зато полочка получилась, как бы это сказать поточнее, не то чтобы скороспелая или небрежная, он ничего не делал небрежно, а совершенно сухая. Без полета полочка, без того маленького штришка, который обыкновенную поделку делает веселой и игривой.

Но не в полочке, в конце концов, было дело. Важно, что разместил он в ней весь свой скарб и закрыл дверцы. Подумал, подумал и поднялся к Зине на четвертый этаж. И надо же — удача: ее не оказалось дома. Василий Петрович отсыпал себе и сахару и заварки чуть ли не на неделю. А то каждый раз подниматься на четвертый, когда захочешь чайку попить,— занятие глупое и отнимает много времени. Заодно он прихватил с собой бидончик с водой.

Отпуск пролетел в один миг. Трудился Василий Петрович, не разгибая спины, все 24 положенных ему по закону рабочих дня. И никогда в жизни не был так доволен своим отпуском. Даже на работу пошел с удовольствием. Конечно, радости в ней теперь для него было мало, но зато кончилась его зависимость от Зины. А то, смешно сказать: за каждой щепоткой чая приходилось идти к ней на поклон. Ей-то не втолкуешь, что ему удобнее иной раз чайку попить в мастерской, да и перекусить там, что ей же легче: не греть каждый раз, на стол не накрывать. А то вечно разговоры, как опоздаешь к обеду...

Да и работать на фабрике Василий Петрович стал пошустрее. Раз надо, мол, количество, так будет вам количество. Не беспокойтесь. А уж вы, будьте добры, прогрессивочку... Был он спокоен оттого, что покуда в его мастерской дела шли, как по маслу. Кончилась пора исканий, настал черед спокойной и приятной работы. За отпуск он много успел. Хотя пока гранитная глыба оставалась еще заготовкой, но в общих чертах уже приобрела коническую форму, и очень ему нравилась.

И начальник цеха Борис Владимирович был очень доволен. С этих пор он часто повторял на закрытых совещаниях у директора фабрики, что дисциплина дисциплиной, но особенное внимание нужно обращать на здоровье работников, на нравственную атмосферу коллектива. Он даже придумал специальную формулировку и с большим вкусом каждый раз ее произносил. Звучала она так: «Чуткость к подчиненным экономична». И добавлял: «Да, да, товарищи, не улыбайтесь». И приводил в пример Василия Петровича. Естественно, что при доброжелательном внимании начальства и при том, что Василий Петрович совершенно добросовестно зарабатывал прогрессивку, его портрет в скором времени вновь попал на доску передовиков производства.

Прошла одна получка, за ней аванс, потом другая, и Василий Петрович, что-то уж слишком много в последнее время размышлявший о деньгах и о своей финансовой независимости, вдруг додумался до необыкновенных вещей. С какой стати, думал он, я отдаю в семью все деньги, кроме прогрессивки. Дети уже самостоятельные, на жизнь себе, слава богу, зарабатывают. У Нины муж шофер и получает побольше моего, Петька ни в чем не нуждается, Зине в ее прачечной прибавили. Тоже больше полутора сотен приносит. Куда столько денег девать. В еде я не привередлив. Одеваться гоголем-моголем тоже не люблю. Что есть из носильных вещей — того и хватит, а подкупить, скажем, ботинки — недорого. И куда столько деньжищ уходит? А мне вот нужно купить то одно, то другое, третье для моей работы, как я из семейных денег возьму? Каждый раз если не скандал, то молчание в ответ. У нее же, у Зины, выросли по-

требности: вместо полуботинок за двадцать рублей сапоги за семьдесят, так я не возражаю, а мне лишнюю книжку по скульптуре или новый инструмент, так это баловство. Несправедливо! Или задержусь в мастерской — перекусить надо, так пожалуйста — деньги на чай с бутербродами чуть ли не украдкой экономлю. А того, она, глупая, не понимает, что раз я в мастерской поужинал, то дома не стану. Ведь не два же у меня желудка.

И решил Василий Петрович отдавать жене только сто рублей, необходимые на содержание, остальное оставлять на свои нужды. Зина, когда услышала о таком решении, проплакала три дня, а потом окончательно замкнулась. Стала чаще бывать у Нины и с Петькой сошлась ближе и теплее.

13.

Глубокой осенью, когда вовсю уже задули ветры, мокрые от вечной измороси и по утрам камни седели от инея, закончил Василий Петрович свою пирамидку. Пришел однажды вечером в сарайчик, включил свет, отогрел руки над электрической плитой, снял мешковину, укрывающую памятник, и понял, что делать-то больше нечего. Хотел было подправить кое-где буковки — показалось, что сусальное золото легло плохо, но пригляделся и решил, что сделано по высшему разряду. Памятник был готов.

Надо сказать, что вырубал его Василий Петрович на специальном деревянном постаменте, и теперь, закончив окончательно, захотел опустить его на землю. Подошел он к своему изделию, обнял его руками, приник всем телом к холодному камню и, собрав все силы, приподнял его, шагнул назад и стал опускать на землю. И все-таки не удержался. Отполированная пирамидка выскользнула из его объятий и грохнулась всей тяжестью на утрамбованную землю.

То ли что-то действительно хрустнуло, то ли показалось Василию Петровичу, но душа ушла у него в пятки. После минутного оцепенения, с замирающим сердцем, нагнулся он к памятнику и придирчиво осмотрел его со всех сторон. Слава богу, на этот раз все было цело. И все-таки что-то давило в груди, предчувствие какого-то горя, беды.

Давно-давно, когда еще только он приступал к работе, мечтал Василий Петрович, как закончит он памятник, как отойдет в сторонку, как глянет и задохнется от радости, как подступят к горлу слезы умиления, как затрясутся от радости руки. И вот все готово. А на сердце глухая тоска и предчувствие беды. Не поверил он своим глазам и снова подошел к памятнику. Для убедительности взял кувалдочку и тихонько обстучал его со всех сторон. Ничего похожего на трещину.

Он отложил кувалдочку и закурил. Отошел, пошевелил абажуром, чтоб свет падал прямо на памятник. В вишневом граните заиграли рубиновые искорки. Ослепительно сверкнула золотая остроконечная звезда. Он закрепил абажур в таком положении, отошел в дальний угол, присел на табуретку. И вот уже не предчувствие беды, а сама беда: перед ним освещенный желтым теплым светом стоял игрушечный памятник. Вовсе не памятник, а, скорей, модель его. Лилипут, затерявшийся среди всевозможного хлама, которым еще до сих пор была полна мастерская.

— Как же так?.. Как же так?.. — бормотал Василий Петрович.— Ведь был же нормальный, ведь нравился же... Очень нравился. Как же это получилось?

А получилось очень просто. Пока стоял памятник на деревянной подставке, пока был он не отшлифованный, то казался соразмерным и монументальным. Отделал его Василий Петрович, отшлифовал, проработал детальки и отделка съела объем. Монументальность пропала. А как опустил его Василий Петрович на пол, то и смотреть стало больно — надругательство, а не памятник.

— Да... — бормотал он, — это тебе жизнь, а не значок. Тут пальцем не загородишь, как тебе угодно. Тут головой думать надо.

Он еще раз обмерил памятник. Все на месте. У себя не украл ни сантиметра. Как был гранит метровой высоты, так и остался. И по цоколю сорок пять стало. Тоже почти ничего не снял.

— Ах ты, мать честная,— рассуждал он, впрочем без особого волнения,— куда же я раньше смотрел? Ведь кусок-то мне показался достаточным. Смотрелся кусок. А это что? Торчит как палец и цоколя почти не видно. Надругательство, а не памятник. Вот уж точно, как говорится: «Торговали — веселились, подсчитали — прослезились».

Не слег Василий Петрович в постель. Не запил, не затужил, а, отодвинув свою работу в самый дальний угол, принялся утеплять сарай. И то дело, работаешь, работаешь, а ноги леденеют за полчаса, приходится разуваться, отогревать их над плитой. Материал, кстати, был — полсарайчика занимал. Хороший материал, выдержанный, доска к доске. Тут тебе и елка, и сосна, и береза, и ясень попадался, дубовые досочки имелись. Все берег Василий Петрович, все копил на дело, а тут решил одним махом.

Шпунтованной доски у него не было, так пол он застелил по-старинному, в шип, как делали еще раньше в его деревне. Потом решил обшить худые стены досками изнутри, но между наружной стеной и внутренней оставил зазор в ладонь. Доску к доске пригнал — иголку не воткнешь. На соседних стройках выпросил у мужиков стекловаты. Где за бутылку, а где так, разных оческов. Набрал мешка три, заложил между стен. К двери порожек приладил, чтоб тепло не уходило, а с улицы сделал над дверью даже маленький козырек, чтоб снегом не приметало.

Разобрал верстак, а вместо него соорудил маленький топчан, вроде нар. Хотел было прорубить окошко, но не стал. От лишнего глаза. Номерной замок на дверях уже давно не висел. Василий Петрович заменил его на дорогой английский с оригинальными ключами.

В мастерской стало просторно, светло от свежеоструганных досок. И все-таки холодно, хотя и теплее, чем раньше. Тогда утеплил изнутри дверь и снова отправился в электромагазин. Долго выбирал обогреватель. Остановился на самом мощном камине. Тут уже жалеть денег не приходится — здоровье дороже. Заодно купил и лампу дневного света. Он рассудил, что если работать, то лучше при дневном свете, а так посидеть, чайку попить, можно и под абажуром. Даже уютнее. Наладил себе мастерскую Василий Петрович такую, что хоть жить переселяйся. Вот только воды нет и всяческих удобств, а тепло, светло, уютно. Спать можно, ночью не замерзнешь даже под легким одеялом.

На улице уже вовсю шел снег. Стоял декабрь. По вечерам Зина подолгу приникала к кухонному окну, но после ремонта в сарайчике не светилось ни одной щелочки. И понять, там Василий Петрович или нет, было невозможно. Хотя она наверняка знала, что он там...

Окончание следует

Леонид МАРТЫНОВ

Забыто
Суеверие былое,
И ни одна небесная звезда
Нам предрекать ни доброе, ни злое
Уже не будет больше никогда.

Но как луна
Земной играет влагой
Здесь, в мире мачт, винтов и якорей,
Так и земля своей могучей тягой
Вздымает волны солнечных морей.

И это
Не совсем невероятно,
Хотя и не доказано вполне,
Что возникают солнечные пятна
Отчасти даже по людской вине.

Ведь все же
Люди, вольные как птицы,
Земля и все живые существа
Не столь уже ничтожные частицы
В круговороте естества.

На нас-то ведь
Какое-то влиянье
Оказывает даже и луна,—
Когда кипит прилив на океане,
Мы говорим: виновница — она!

А мы
На солнце вызываем бурн,
Протуберанцев колоссальный пляс.
И это в человеческой натуре —
Влиять на все, что окружает нас.

Ведь друг на друга
То или иное
Влиянье есть у всех небесных тел.
Я чувствую воздействие земное
На судьбы солнц, на ход небесных дел!

Александр КУШНЕР

И если в ад я попаду,
Есть наказание в аду
И для меня: не лед, не пламя!
Мгновенья те, когда я мог
Рискнуть, но стыл и тер висок,
Опять пройдут перед глазами.

Все счастье, сколько упустил,
В саду, в лесу и у перил,
В пути, в гостях и темном море...
Есть казнь в аду таким, как я:
То рай прошедшего житья,
Тоска о смертном недоборе.

ЗАДАЧА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ЙОЖЕФ ЛУКАЧ,
член-корреспондент Венгерской Академии наук,
директор Института философии АН ВНР

В вузах Венгрии научно-атеистическая воспитательная работа ведется в различных формах и на различных уровнях: в виде обязательного основного курса диалектического и исторического материализма, а также в рамках факультативного спецкурса научной критики религии, а для студентов философских и культурно-просветительных отделений гуманитарных факультетов — на основе особого тематического комплекса, разработанного с учетом как теоретических, так и общеобразовательных требований. Аналогичным образом такая работа проводится и на вечерних и заочных отделениях вузов. Преподаватели философских дисциплин время от времени повышают свою квалификацию на факультетах усовершенствования при университетах или на центральных курсах Министерства образования.

За последние годы у нас накоплен значительный опыт учебно-воспитательной работы, чего, однако, нельзя сказать о теоретическом анализе и обобщении этого опыта, его сравнении с аналогичным опытом других социалистических стран.

Методика преподавания марксистского научного атеизма также еще разработана неудовлетворительно. Это отчасти объясняется тем, что социологическому и социально-психологическому изучению отношения студентов к религии (и вообще развития их сознания) до сих пор уделялось явно недостаточно внимания.

Ознакомление студентов с философскими дискуссиями по проблемам развития природы и общества оказалось полезным средством для критики телеологического понимания природы (а вместе с тем — и механистических и эволюционистских моделей развития, прогресса). Анализ диалектического процесса познания предоставляет благоприятную возможность для критики религиозного тезиса принципиальной непознаваемости «конечной сущности».

Особенно важен разбор соотношения материи и сознания. Те студенты, которые недостаточно освоили диалектику общественного бытия и общественного сознания и не до конца поняли активный характер взаимоотношений между ними, как правило, не понимают и объективной необходимости возникновения, существования, а затем угасания и отмирания религии.

Таким образом, можно утверждать, что успешная критика религии предполагает понимание органического единства диалектического и исторического материализма, диалектического взаимоотношения этих двух аспектов единой марксистской философии, и наоборот: спецкурс критики религии предоставляет богатые возможности для раскрытия и объяснения более общих проблем философии. При этом преподаватель должен строить курс в основном на изложении позитивных элементов марксистского атеизма, проводя через все лекции красной нитью ту мысль, что отмирание религии произойдет только в результате уничтожения классового угнетения, эксплуатации, всех видов отчуждения, в ходе развертывания сознательной общественной деятельности, в процессе строительства социализма и коммунизма, по мере продвижения на более высокую ступень разделения труда, развития общественного самоуправления, роста уровня культуры и морали. Без этого сознательного стремления, пронизывающего все преподавание, даже при наилучшей подготовке к лекциям последние рискуют быть низведенными до идейного уровня критики религии в эпоху Просвещения.

Все это необходимо подчеркивать еще и потому, что в таких странах, как Венгрия,— где задачи буржуазно-демократических преобразований (в том числе отделения церкви от государства и школы от церкви) пришлось решать рабочему классу в процессе борьбы за социалистическую революцию,— гораздо вероятнее возможность того, что студенты могут принять антирелигиозную критику буржуазно-просветительского или радикального толка за марксистскую. У нас, например, нередко можно слышать мнение, будто религии представляют собой своеобразные философские системы, дающие хотя идеалистическое, ошибочное, но все же рациональное объяснение мира, которому, следовательно, надо противопоставить философские доводы в традиционном их понимании. Подобная точка зрения не считается с качественным различием веры и знания, религии и философии, с тем, что для религиозного человека существование бога, сотворение мира из ничего, бессмертие души или воскресение Христа суть вещи интеллектуально непостижимые, или, как говорят верующие, стоящие выше разума, принимаемые прежде всего верой.

Как известно, подавляющее большинство верующих относятся к религии не так, как философ или теолог, а выражают свое отношение к ней непосредственно, то есть эмоционально. Это обстоятельство ставит перед преподавателем двойную задачу.

С одной стороны, мы должны дать правильную картину того, как складывалась религиозная вера и стоящая за ней потребность в религии и каковы общественно-исторические причины того, что она продолжает существовать и поныне. В связи с этим могут обсуждаться такие волнующие многих студентов проблемы, как, например: вследствие каких общественных потребностей и механизмов сознания возникает вера в сотворение мира богом, в искупление или в бессмертие души; либо какие обстоятельства могут способствовать преодолению религиозности. Вместе с тем необходимо анализировать веру в сверхъестественное и как психологическое явление — вскрывая факторы возникновения религиозного предрасположения, психические процессы образования представлений, причины, стоящие за религиозной мотивацией решений, психический фон возникновения религиозного фанатизма и фатализма и т. д.

Наш опыт также свидетельствует о том, что целесообразно обозревать путь, пройденный критикой религии со времени эпохи Просвещения, через немецкую классическую философию вплоть до появления и утверждения марксизма, давая критическую оценку не только рационалистических доводов просветителей, но и Канта, согласно которому на уровне чистого разума существование бога невозможно ни удовлетворительно доказать, ни вполне опровергнуть. Хотя Гегель был прав, ставя веру на ступень, предшествующую знанию, однако он, по существу, оставил без внимания то, на что, по-своему справедливо, ссылался Кант: религиозная вера не есть просто несовершенное познание.

Сокращенный текст доклада, прочитанного на Всесоюзной научно-методической конференции «Вопросы методики преподавания научного атеизма в высших учебных заведениях» (Москва, декабрь 1976 г.).

Преподаватель должен подчеркивать превосходство марксистского понимания именно этих проблем, указывая на то, что, согласно Марксу, в ответе прежде всего нуждается сама вера, сама религиозная постановка вопроса и что таким образом Кант в известном смысле был прав, пытаясь найти причину религиозной веры вне рассудка и чистого разума, хотя он и заблуждался, когда отсюда делал вывод о неразрешимости этого противоречия. И он, конечно же, выступал как идеалист и индивидуалист, когда объявлял источником веры практический разум, моральное самосознание отдельного человека как субъекта и т. д., вместо того чтобы выводить религию из его практической деятельности.

За современным религиозным сознанием может скрываться различное буржуазное и мелкобуржуазное содержание, различные ошибочные — а, может быть, в известных пределах и правильные — политические, философские, моральные, эстетические и другие взгляды. Одна из первейших задач преподавателя общественных наук состоит как раз в том, чтобы раскрыть это реальное классовое содержание и подвергнуть его критике. При этом надо суметь опереться на то, что в сознании несогласного с нами студента может стать исходной точкой для его последующего постепенного развития в сторону марксистского мировоззрения.

При этом преподаватель должен иметь в виду, что сегодняшний студент — в отличие, скажем, от своего коллеги 50—60-х годов — почти не знаком с мифами, догмами, теологией. Не будет преувеличением сказать, что нынешние студенты — в том числе и те, чье сознание еще не свободно от религиозных элементов, — за редким исключением не знают даже тех мифов, знакомство с которыми для будущего религиоведа, литературоведа или искусствоведа должно составлять необходимую часть его профессиональной подготовки.

Однако опыт показывает, что такая демифологизация и секуляризация сознания современной молодежи далеко не всегда распространяется и на сферу религиозной обрядности (прежде всего на церковные похороны и крестины, в меньшей мере на церковные браки). Некоторые студенты, чье сознание, строго говоря, уже безрелигиозно, все еще продолжают под влиянием старших родственников соблюдать вместе с ними культовые традиции и обычаи, тем самым сохраняя свой контакт с церковью.

Преподавание, конечно, должно учитывать это обстоятельство — так что в спецкурсе по критике религии не только дается философский анализ мифов, религиозных идеологий, теологий, но и обращается внимание на историю праздников, культов, на причины того, почему они были освящены церковью, объясняется, почему участие в культе означает одновременно связь с иллюзорной общностью, с церковью, раскрывается также процесс секуляризации и гуманизации обычаев и обрядов.

Преподавателю необходимо обращать внимание и на то, что, после того как стало очевидным противоречие между современной научной картиной мира и его архаическим образом, описанным в Библии, все больше теологов, священнослужителей и верующих отходят от ветхозаветной легенды о сотворении мира, или толкуя ее аллегорически или пытаясь создать еще один вариант синтеза научной картины мира с религиозной верой. Мы должны также учитывать, что наряду с бесспорным упадком традиционной религиозности наблюдается относительное усиление среди верующих деистических и пантеистических тенденций. С другой стороны, одновременно с относительным ослаблением влияния правого клерикализма, усиливаются левохристианские круги, выступающие за гармонию религии и общественного прогресса.

Таким образом, в учебно-воспитательной работе необходимо учитывать, что, приспосабливаясь к требованиям секуляризации, церковь все менее стремится сохранить свое влияние путем пропаганды миропонимания, основанного на библейских мифах, и все больше делает ставку на религиозную интерпретацию проблем этики и некоторых злободневных социальных вопросов.

Марксисты, конечно же, не могут отдавать на откуп церковникам истолкование таких моральных категорий, волнующих молодежь, в особенности студенческую, как честь, верность, справедливость, солидарность, любовь и т. д. Преодолевать религиозную мораль можно только путем овладения марксистским пониманием моральных ценностей.

Хотя марксизм принципиально отвергает так называемую религиозную «антропологию», пытающуюся ставить такие вопросы, как «В чем цель жизни?» «Имеет ли жизнь человека какой-нибудь смысл?» «Какова цель существования человека вообще?» и т. д., и даже отвечать на них,— тем не менее эти проблемы нередко занимают наших студентов, а наши основные курсы порой избегают их затрагивать. Прежде всего это касается курсов далектического и исторического материализма, а также спецкурсов по критике религии.

Часто мы провозглашаем, что марксизм должен вести дискуссию с немарксистскими идеологиями, прежде всего там, где они непосредственно тормозят общественное развитие. Однако на практике в нашей критике религии мы не всегда должным образом осуществляем это требование: в социальном отношении наша критика часто недостаточно конкретна. Например, совершенно очевидно, что при разборе социальных функций религии недостаточно ограничиваться повторением известной формулы Маркса «Религия есть опиум народа». Если мы при этом не раскроем, в чем именно заключается разница между понятием опиум в буржуазном радикализме и либерализме, с одной стороны, и в марксизме — с другой, то мы будем не в состоянии удовлетворительно объяснить и то, каким образом оказалось возможным, что религии при определенных условиях, главным образом в прошлом, использовались и для распространения революционных по своей сути идей, хотя гораздо чаще выступали и выступают как идеология контрреволюции.

При этом, конечно, недостаточно ограничиваться анализом роли функций религии в досоциалистический период, тем более что и сами студенты хотят также знать, как следует понимать политическое сотрудничество, идеологический диалог и спор верующих и атеистов в наших условиях, каковы общественные связи между социалистическим государством и церквами после их отделения от государства и т. д. и т. п. Все это, конечно, предполагает критический анализ тех социальных принципов и доктрин, на которых основывается общественная деятельность церквей и их международных центров, равно как и учет тех объективных факторов, которые в наших условиях делают необходимым практическое сотрудничество или же идейную конфронтацию с атеистами не только для верующих, но и для значительной части духовенства.

Разумеется, преподавателю не надо избегать обсуждения и таких конкретных социальных проблем, при разборе которых особенно ярко проявляется ретроградное влияние религии. Здесь мы должны подвергать критике не только такие крайние явления, как предельно враждебное отношение фанатичных и антиобщественных конфессий к культуре, их сознательный отказ от участия в жизни общества или от военной службы.

Нельзя также смотреть сквозь пальцы на распространенную еще кое-где веру в чудеса и «святые места», знахарство, астрологию и другие суеверия.

Ведя курс научной критики религии, преподаватель также должен иметь в виду, что место традиционных мифов в сознании некоторых слоев молодежи заняли новые мифы и заменители религии (например, денежный фетишизм, фетишизация технического прогресса, мифизация одиночества, секса или спорта и т. д.). Нельзя оставлять без критики и ту религиозную тенденцию, которая пытается спекулировать на якобы непримиримых противоречиях между техникой и гуманизмом, властью и моралью и провозглашает единственной основой общественной морали и гуманизма «естественный порядок вещей», будто бы установленный богом, или религиозную веру.

Итак, чтобы сформировать твердые научно-материалистические взгляды у студентов, необходимо прежде всего научить их по-новому овладевать культурой, по-марксистски использовать полученные знания. Мы должны вырабатывать у студентов навыки разумного обращения с сокровищницей культуры, чтобы они умели воспринимать ее без обращения к иллюзиям, к религиозным предрассудкам. Это одна из главных задач нашей марксистской воспитательной работы, а также спецкурсов по критике религии.

Классики марксизма — не в последнюю очередь именно в своей критике религии, сыгравшей важнейшую роль в формировании всего научно-материалистического мировоззрения,— показали подлинное значение материалистической диалектики, ее всеохватывающую действительность. Нашей почетной задачей является конкретное, плодотворное применение их метода в процессе критического анализа современного религиозного сознания при воспитании студентов на уровне требований, предъявляемых усложнившимся характером современной идеологической борьбы.

ПИОНЕР СВЕТСКОЙ ЖИВОПИСИ

В этом году исполняется 100 лет со дня смерти создателя школы светской живописи в Болгарии Станислава Доспевского. Эта дата внесена в «Календарь празднования годовщин великих людей и исторических событий», выпускаемый ЮНЕСКО.

Автопортрет (1855—1856 гг.)

В эпоху болгарского Возрождения известные мастера иконописи были, как правило, выходцами из семей художников, которые из поколения в поколение передавали свое искусство. В известной семье иконописцев вырос и Станислав Доспевский. Его дед, Христо Димитров, работал в Греции, в Афонском монастыре, посетил многие европейские страны. Отец, Димитр Зограф, и дядя, Захария Зограф, изучив искусство гравюры фламандских и итальянских художников, создали новый стиль, в котором местные традиции византийского происхождения переплетались с изящной линией фламандцев.

Родился Станислав Доспевский 3 декабря 1823 года в Самокове, который некогда был центром болгарской средневековой металлургии, имел многочисленные архитектурные памятники. Именно здесь зародились и развились религиозные графика и книгопечатание. В расположенном неподалеку Рильском монастыре была создана школа композиторов религиозной музыки.

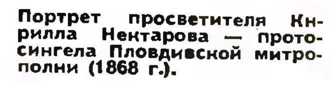
С. Доспевский прошел традиционный для его семьи путь. Как дед и отец, он снимал копии с фламандских и немецких гравюр, готовил стены Рильского монастыря для фресок отца, который вначале доверял ему писать только церемониальные одежды и пейзажи, оставляя за собой лица.

Дед художника мечтал в свое время об учебе в Академии художеств в Петербурге. Возможно, именно благодаря ему туда решил поступить и его внук. Совершенно другая атмосфера царила тогда в России, где тон в живописи задавали школы А. Г. Венецианова и К. П. Брюллова.

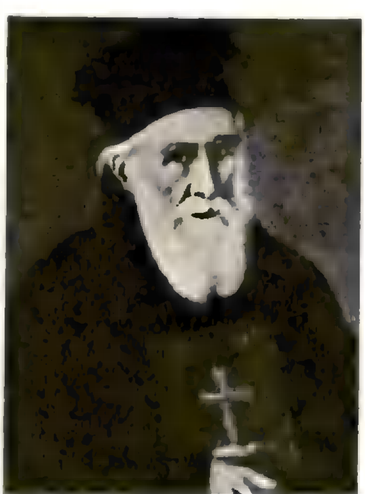
Закончив в 1856 году Российскую Академию художеств, Доспевский получил звание артиста-художника. Его экзаменационная работа была удостоена серебряной медали.

Портрет отца — Димитра Зографа, известного болгарского иконописца.

Портрет просветителя Кирилла Нектарова — протосингела Пловдивской митрополии (1868 г.).

Примечательно, что портретное искусство имеет более глубокие традиции в восточноевропейских странах, чем на Западе. Уже в период раннего средневековья здесь изображали покровителей монастырей и церквей, которые были представителями болгарской аристократии. В конце XVIII — начале XIX века на смену ей пришли владельцы мануфактур.

Основателем реалистического портрета стал С. Доспевский. Он внес в традиционный болгарский портрет новые элементы, заменил портрет-фреску психологическим портретом, сохранив в определенной степени фронтальную композицию и позу. Создал галерею запоминающихся образов передовых для своего времени представителей болгарского Возрождения, его работы проникнуты духом революционного романтизма. В некоторых из них проглядывают характерные черты будущих героев Апрельского восстания 1876 года против османского ига и последовавшей за ним освободительной войны 1877—1878 годов. Всего художник создал около тридцати портретов, в том числе два автопортрета (1872 и 1876 гг.).

В ранний период творчества С. Доспевский написал несколько сотен икон для многих болгарских церквей

Голова старика (1857 г.).

Адам и Ева. Эскиз (1838—1839 гг.).

и монастырей. Самые известные находятся в Преображенской и Лопушанской обителях. Частично сохранились некоторые виды Петербурга, Одессы и Стамбула, написанные художником на стенах своего дома в Пазарджике.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов, принесшей болгарскому народу долгожданное освобождение от многовекового османского ига, Доспевский за патриотические и прогрессивные идеи был брошен султанскими властями в Стамбульскую тюрьму, где и умер вскоре при не выясненных до сих пор обстоятельствах.

Икона Кирилла и Мефодия работы С. Доспевского.

С. Доспевский, создатель школы светской живописи, сыграл большую роль в развитии болгарского национального искусства.

Агентство «София пресс» (НРБ).

ОПЫТ БРАТСКИХ СТРАН

«Атеистическое воспитание студенческой молодежи» — так озаглавлен недавно вышедший сборник, в котором проанализирован опыт преподавания научного атеизма в вузах СССР и других социалистических государств [1]. В основу книги легли доклады, прочитанные на двух всесоюзных конференциях, посвященных методике преподавания научного атеизма в высшей школе: во Львове (ноябрь 1974 г.) и в Москве (декабрь 1976 г.) с участием преподавателей из братских стран.

Наряду с сообщениями советских преподавателей в сборнике представлены также 14 докладов зарубежных коллег [2]. Опытом комплексного идейно-политического и мировоззренческого воспитания студентов применительно к конкретным условиям и особенностям своих стран поделились Н. Мизов (НРБ), О. Клор (ГДР), Ф. Кубович и Ю. Сухи (ЧССР), И. Коня (ВНР), Д. Дагвадорж (МНР), Й. Лоукотка и Р. Шима (ЧССР), Ф. Джорджеску (СРР) и Й. Лукач (ВНР). Они подробно рассказали о наиболее результативной, с их точки зрения, методике преподавания курсов научного атеизма и критики религии в сочетании с другими философскими дисциплинами и с учетом возрастной и национальной специфики студенческой аудитории.

В. Тоуфар (ЧССР) вскрыл антинаучный характер попыток М. Маховца, В. Гардавского и других «теологизирующих ревизионистов» фальсифицировать позиции марксизма-ленинизма в отношении религии и церкви, посеять идейный разброд и путаницу в умах молодежи. А. Новицки (ПНР) поделился опытом использования атеистического обучения и воспитания в высшей школе как метода преодоления буржуазно-националистических предрассудков, насаждаемых системой церковно-католического воспитания. Большой интерес представляет анализ психологических особенностей атеистического воспитания в вузах ВНР, проделанный М. Мурани, с некоторыми предыдущими работами которого в этой области наш журнал уже знакомил.

Этот сборник может стать ценным пособием не только при чтении курса научного атеизма в высших и средних специальных учебных заведениях, но и для пропагандистов, ведущих занятия в системе партийного и комсомольского просвещения. Особенно если учесть ощущаемый недостаток методической литературы подобного рода.

---

[1] «Атеистическое воспитание студенческой молодежи. Сборник трудов ученых социалистических стран». М., «Высшая школа», 1977, 198 стр., 12 000 экз., 75 коп.

[2] Доклады В. Тоуфара, О. Клора, Ф. Кубовича, Ф. Джорджеску, Д. Дагвадоржа, И. Кони и Й. Лукача опубликованы на страницах нашего журнала.

Детская книга в Чехословакии

■ В одном из выставочных залов Дома ЮНЕСКО в Париже прошла чехословацкая выставка детской книги, организованная постоянным представительством ЧССР при этой международной организации.

Ежегодно в Чехословакии выходит около 450 новых книг для детей общим тиражом в 12 миллионов экземпляров. Широко развита сеть специальных детских библиотек, а 13 635 библиотек для взрослых имеют специальные детские отделы. В стране имеется два детских издательства — «Альбатрос» и «Младе лета». В Праге есть «Дом детской книги» с выставочным залом и детским театром. «Клуб молодых читателей» насчитывает 600 тысяч членов.

Как во времена Одиссея

■ В окрестностях знаменитого болгарского курорта Варна находятся развалины древнеримских терм. Величественное сооружение начала нашей эры теперь будет использовано под театр, где смогут разместиться свыше двухсот зрителей. В этих стенах будут проходить спектакли, камерные концерты, выступления чтецов. Первой постановкой в римских термах будет пьеса бразильского драматурга Г. Фигейредо «Эзоп», идущая под названием «Лиса и виноград».

Национальное достояние

■ О тысячелетнем прошлом Болгарии рассказывают многочисленные исторические памятники, по числу которых она занимает третье место в Европе после Греции и Италии.

До социалистической революции 9 сентября 1944 года в Болгарии было 13 государственных музеев и художественных галерей, сейчас же их 204. В публичных библиотеках и на предприятиях экспонируется свыше четырехсот музейных коллекций. Таким образом, музейная сеть охватывает всю страну. В государственных хранилищах собрано свыше трех миллионов экспонатов. И это богатство непрерывно пополняется — ежегодно в музеи поступает около ста тысяч новых исторических ценностей.

Не так давно в НРБ созданы Национальный исторический и Национальный литературный музеи. Гордостью страны являются такие уникальные города-музеи и музеи-заповедники, как Копривштица, Мельник, Несебыр, Плиска, Преслав, Царевец и Трапезица. Национальными музеями объявлены Рильский монастырь, Шипка-Бузлуджа, этнографический парк-музей Етыр и город Габрово, а также Национальный церковно-историко-археологический музей.

Народное собрание Болгарии приняло закон о музеях и памятниках культуры, призванный содействовать охране этого национального достояния.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГОВ

Д. УГРИНОВИЧ,
доктор философских наук

Судьбы религии в современном обществе привлекают к себе пристальное внимание как ее сторонников, так и противников, как марксистов, так и теологов и философов-идеалистов различных направлений.

Особенно активно и оживленно обсуждается проблема будущего религии в буржуазной социологической и социально-психологической литературе, которая пытается на основе эмпирических данных, поставляемых различными конкретно-социологическими и психологическими исследованиями, определить основные тенденции эволюции религии в современном капиталистическом обществе и ее изменения под влиянием научно-технической революции, степень воздействия веры в бога на сознание и поведение масс.

При этом выводы и обобщения различных буржуазных религиоведов отнюдь не однозначны, а нередко и противоположны. Подобная пестрота мнений и точек зрения определяется не только широтой их кругозора и применяемой ими методологией, но и не в последнюю очередь их отношением к религии, их общими мировоззренческими позициями, а также связями с конфессиональными организациями.

ДИСКУССИЯ О СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

Еще в конце 50-х — начале 60-х годов среди буржуазных социологов завязалась дискуссия о секуляризации, продолжающаяся и поныне. Термин этот, применявшийся первоначально в узком, правовом смысле (применительно к отчуждению церковных земель и имуществ), приобрел в социологической литературе новое, более расширительное толкование. Секуляризацию стали трактовать как процесс освобождения от религии общества в целом и его отдельных сфер, институтов и социальных групп, человеческого сознания вообще. Видные социологи (например, П. Бергер в США, Б. Уилсон в Англии), опираясь на данные конкретных социологических исследований, доказывали, что в капиталистической Европе религия и конфессиональные организации оказывают после второй мировой войны все меньшее влияние на массы населения, что посещаемость церквей катастрофически падает, что растет скептицизм по отношению к религиозным мифам и догматам, падает авторитет церкви.

Что касается США, то здесь некоторые социологи (В. Херберг, П. Бергер и др.) выдвинули тезис о внутренней секуляризации американских церквей. Указывалось, что хотя внешняя религиозность населения США (членство в конфессиональных организациях, число которых здесь, кстати, превышает 250, посещаемость церквей и т. п.) гораздо выше, чем в Европе, однако это вовсе не означает, что рядовые американцы — люди действительно глубоко верующие. Дело в том, что громадное большинство их, как показывают социологические исследования, равнодушны к религиозным идеям, которые не мотивируют их поведения в обществе. В то же время церкви в США приспособились к новым условиям и удовлетворяют в значительной мере нерелигиозные потребности людей в общении, в досуге и т. д.

Однако многие социологи США и Европы пытаются отрицать секуляризацию современного буржуазного общества. Уже в середине 60-х годов появилось несколько книг, в которых подвергалась острой критике концепция секуляризации.

В первую очередь, эти социологи стремятся переосмыслить само понятие религии. Доказывая, что она якобы не сводится к вере в сверхъестественное и присуща каждому человеку, даже если он и не сознает этого, они тем самым пытаются утвердить мысль о вечности религии, о ее необходимости в любом обществе. Такова, например, концепция западногерманского социолога Т. Лукмана [1].

Он пытается обосновать расширительное понимание религии, выводя ее из природы человека. По его мнению, всякое усвоение индивидом социального опыта, культуры носит якобы религиозный характер, ибо предполагает «трансцендирование» [2] биологической природы человека. Усваивая культуру общества, утверждает Лукман, тот якобы совершает глубоко религиозный акт и ему присуща некая «невидимая религия». Церковная религиозность, по Лукману,— лишь одна, но отнюдь не единственная форма религиозности. Ее разрушение еще не означает секуляризацию личности, ибо в современных условиях на первый план выступает именно эта «невидимая религия», которой будто бы принадлежит будущее.

Конечно, при таком произвольном понимании религии нетрудно «доказать» ее вечность. Однако остается непонятным, почему самый «естественный» эмпирически фиксируемый акт усвоения личностью социального опыта характеризуется как акт религиозный. Здесь, как в известной пословице, происходит превращение «порося в карася», хоть это и прикрыто псевдоучеными рассуждениями.

Некоторые буржуазные социологи в своей критике тезиса о секуляризации объявляют ее «недоказанной». Так, англичанин Д. Мартин заявил, что утверждение о секуляризации современного британского общества недоказуемо, ибо, мол, отсутствуют социологические данные о его религиозности в XVIII—XIX веках. В то время-де также немало было вольнодумцев и безрелигиозных людей. Отдельные американские социологи (особенно католический священник Эндрю Грили, книги которого имели значительный резонанс в США), ссылаясь на внешние высокую религиозную активность американцев, даже делают вывод, будто процесс секуляризации вообще не затронул эту страну.

Конечно, ни сторонники тезиса о секуляризации среди буржуазных социологов, ни тем более противники не способны дать вполне научную и глубокую характеристику социальных истоков современного кризиса религии. Однако для марксиста, исследующего его судьбы в капиталистическом мире, представляют бесспорный интерес те данные об изменениях религиозности, которые приводят в своих книгах буржуазные исследователи, сохраняющие определенный минимум объективности в своих обобщениях и выводах.

В этой связи примечательны некоторые недавно вышедшие книги западных социологов и социальных психологов, в которых собран и обобщен значительный эмпирический материал, характеризующий изменения религиозности в буржуазных странах, особенно в Великобритании и США. Одна из них — «Социальная психология религии» Майкла Арджила и Бенджамина Бейт-Халлами — выгодно отличается от иных западных публикаций как стремлением опереться на весь доступный конкретный материал, так и отсутствием неоправданных и произвольных спекуляций [3]. Авторы — не марксисты, некоторые их суждения спорны и ошибочны, однако многое в этой книге заслуживает внимания. Особенно интересна первая глава, прослеживающая динамику религиозности в Великобритании и в США в 1900—1973 годах.

РЕЛИГИОЗНЫ ЛИ АНГЛОСАКСЫ?

По мнению авторов книги, наиболее существенный критерий религиозности для приверженцев англиканской церкви

[1] T. Luckmann. The Invisible Religion. New York. 1967.

[2] В идеалистической философии и теологии «трансцендирование» понимается как выход за границы чувственно воспринимаемого мира, то есть переход от естественного к сверхъестественному.

[3] Michael Argyle and Benjamin Beit-Hallahmi. The Social Psychology of Religion. London — Boston. 1975.

— численность причащающихся в пасхальную неделю. При сравнении этих данных на начало века с цифрами последних лет заметно уменьшение «коммуникантов» (причащающихся) с 9 процентов среди населения старше 15 лет в 1900 году до 5 процентов в 1970 году. Аналогичные тенденции наблюдаются и в так называемых нонконформистских церквах. К примеру, число причащающихся в британской методистской церкви снизилось с 3,1 процента населения старше 15 лет в 1901 году до 1 процента в 1966 году. Таким образом, методисты теряют ежегодно около 3 тысяч приверженцев.

Хотя в Великобритании и наблюдался некоторый рост сект (в частности, число свидетелей Иеговы увеличилось с 5 тысяч в 1931 году до 65 тысяч в 1972-м, мормонов — с полумиллиона в 1916 году до 3,4 миллиона в 1971-м и т. д.), организованных верующих в этой стране по сравнению с началом века стало меньше. В 1901 году, например, члены церквей и других религиозных обществ составляли 26,3 процента населения, а в 1966 году — 21,3.

Сравнительная динамика посещаемости богослужений в течение XX столетия по различным конфессиям Великобритании также обнаруживает тенденцию к секуляризации. В англиканской церкви посещаемость падает с 10 процентов на рубеже нашего века до 5 к концу 60-х годов, а по нонконформистским церквам — с 11 до 4 процентов.

Впрочем, было бы неверно относить такое сокращение посещаемости храмов целиком за счет секуляризации. Определенное влияние на этот процесс, видимо, оказывают также радио и телевидение. Как видно из социологических опросов, 24 процента взрослых англичан слушают религиозные радиопрограммы, 18 процентов смотрят аналогичные телевизионные передачи. Таким образом, значительная часть населения удовлетворяет свои религиозные потребности через эти каналы.

Наблюдается также значительное снижение посещаемости так называемых воскресных школ. Если в начале века в англиканской церкви их посещало 30 процентов детей, то в 60-е годы — только 13 процентов. До сих пор сохраняется относительно высокий процент молящихся на дому (44 процента населения), 58 процентов учат молитвам своих детей. Библию регулярно читают только 11 процентов.

На основе ряда исследований авторы полагают, что ныне около 80 процентов англичан считают себя верующими. Из них около половины полагают, что бог представляет собой некую сверхъестественную личность, которая постоянно следит за каждым из людей, остальные же — главным образом молодежь — верят в какой-то «высший дух» или «жизненную силу», будто бы контролирующие человеческую жизнь.

Около 45 процентов населения Великобритании еще верят в загробную жизнь, 64 процента — в то, что Иисус Христос был сыном божьим, примерно 20 процентов убеждены в существовании дьявола и ада, 25 процентов уверены в реальности библейских чудес. Но и в сфере сознания наблюдается несомненное падение религиозности. В частности, число верящих в дьявола уменьшилось с 34 процентов в 1957 году до 24 процентов в 1970-м.

На основании этих и ряда других социологических данных авторы приходят к выводу, что в Великобритании за последние десятилетия религиозная активность бесспорно пошла на убыль. Падение авторитета религии и церкви становится особенно очевидным, если сравнить ответы на вопрос: «Считаете ли вы, что религия увеличивает или уменьшает свое влияние?», полученные в 1965 и 1967 годах. Если в 1965 году 11 процентов взрослых считали, что влияние религии возрастает, то в 1967 году так думали лишь 9 процентов. В то же время уменьшение влияния религии в 1965 году отмечали 55 процентов взрослых англичан, а в 1967 году — уже 65 процентов.

В 70-е годы процесс секуляризации в Великобритании продолжает расширяться и углубляться. Известный английский социолог Брайан Уилсон в своей книге «Современная трансформация религии»[4] отмечает, что в 1974 году только 64 процента англичан верили в бога, причем лишь 29 процентов представляли его антропоморфно, в то время как остальные 35 процентов понимали его только как некий высший дух или жизненную силу. В загробную жизнь верили уже всего 39, а не верили 35 процентов населения страны. При этом число убежденных в том, что влияние религии падает, достигло 70 процентов.

Важным показателем авторитета религии и церкви Б. Уилсон считает статистику церковных браков. В этой связи он сравнивает данные за 1859 и 1973 годы. Если в середине прошлого века в англиканских храмах венчались 81,2 процента всех новобрачных, а в других церквах — 12,3 процента, причем доля гражданских браков составляла всего 6,5 процента, то в 1973 году картина разительно изменилась: в англиканских церквах венчались лишь 36 процентов молодоженов, в храмах иных вероисповеданий — 17,9 процента, число гражданских браков возросло до 46,6 процента.

Что касается США, то там, в силу иных конкретно-исторических условий, процесс секуляризации шел не столь прямолинейно и однозначно. Так, число приверженцев различных церквей в США возросло с 36 процентов населения в 1900 году до 62 — в 1972-м. Однако это изменение, как указывают М. Арджил и Б. Бейт-Халлами, не следует относить лишь за счет реального роста конфессиональных организаций.

Дело в том, что до 1926 года многие церкви исчисляли свою паству только по количеству отцов семей. Впоследствии же стали учитывать и других членов семьи, что дало значительный статистический прирост. Кроме того, в разные годы в церковную статистику включались разные возрастные группы.

Поэтому названные авторы применяют при исследовании изменения численности паствы методику, которая учитывает лишь население от 13 лет и старше. По этим данным, в 1907 году 55 процентов населения принадлежали к какой-нибудь церкви, а в 1972 году — уже 62,4 процента. Таким образом, рост численности конфессиональных организаций в этой стране не столь уж велик, как это пытаются изобразить некоторые буржуазные социологи.

Посещаемость церквей в США изучалась систематически с 1939 года с помощью регулярных опросов, проводимых институтом Гэллапа. По его данным, в 1939 году обычные (непраздничные) воскресные богослужения посещал 41 процент взрослых американцев, в 1947-м — 45 процентов, в 1955-м — 49, в 1965-м — 44, а в 1971 году — лишь 40 процентов. Причем Арджил и Бейт-Халлами справедливо обращают внимание на весьма относительную репрезентативность этих опросов. В 1954 году, например, 79 процентов опрошенных подтвердили, будто они принадлежат к той или иной церкви, хотя по официальным данным конфессиональными организациями тогда было охвачено всего лишь около 60 процентов американцев. Кроме того, посещаемость храмов представителями различных конфессий весьма различна. Так, в 1966 году их еженедельно посещали 27,5 процента протестантов, 71,2 процента католиков и 3,4 процента иудаистов.

О переменах в отношении американцев к религии свидетельствуют ответы, полученные в разное время на вопрос о том, увеличивается или уменьшается ее влияние на их жизнь. Если в 1957 году лишь 14 процентов опрошенных считали, что религия утрачивает свое влияние, то в 1970 году такой ответ дали уже три четверти опрошенных. Эти изменения многие социологи назвали сенсационными.

Доля верующих в США, по данным опросов, исключительно высока. В послевоенные годы она колебалась между 94 и 98 процентами. Некоторые социологи, в том числе и авторы книги, полагают, что такие ответы объясняются перестраховкой: опрашиваемые страшатся обвинения в атеизме. В США многие, добавляют они, демонстративно осуждают неверие, хотя в глубине души сами неверующие. Например, не сомневаются в существовании бога лишь 22 процента приверженцев унитарианской церкви, а в существование дьявола среди них не верит никто. В то же время среди так называемых «консервативных протестантов» (или фундаменталистов, к которым относится большинство баптистских церквей и ряд других протестантских конфессий в США) в существовании бога уверены 86 процентов, загробной жизни — 59 процентов, а в существовании дьявола — 53 процента.

Ряд исследований в США был посвящен религиозным установкам и верованиям студентов. Так, среди опрошенных в 1968 году социологом Хитом первокурсников верили в бога 58 процентов, в то время как в 1948 году — 79 процентов. В загробную жизнь в 1968 году верили 34 процента первокурсников (в 1948 году — 46 процентов), а во второе пришествие Христа — 20 процентов (против 29 в 1948 году).

Подводя итог, М. Арджил и Б. Бейт-Халлами склоняются в целом к выводу, что, несмотря на более высокую религиозность населения США по сравнению с Европой, религия в этой стране также постепенно утрачивает свое влияние и происходит постепенная под-

[4] Bryan Wilson. Contemporary Transformations of Religion. London — Oxford, 1976.

Приверженцы одной из неоиндуистских сект в ФРГ.

спудная секуляризация самих конфессиональных организаций, все в возрастающей степени удовлетворяющих нерелигиозные потребности населения.

Сравнивая изменения религиозности в Великобритании и США, авторы поддерживают тех социологов (прежде всего Б. Уилсона), которые считают, что процесс секуляризации характерен для обеих стран. Однако если секуляризация в Англии приняла форму упадка религиозной активности, уменьшения численности конфессиональных организаций, то в США она приобрела форму «ассимиляции» церквей обществом. Это находит выражение в том, что религиозная специфика в их практике отступает на задний план перед проблемами социального конформизма. Принадлежность к религиозной общине и посещение богослужений при этом выступают как признак респектабельности, социального статуса и благосостояния. Таким образом, в то время как в США сложилась ныне весьма своеобразная и многообразная по форме религиозность, в значительной мере секуляризированная и типичная для американского образа жизни, религия в Великобритании сохранила свой традиционный характер, но пришла в упадок, утратила прежнее влияние.

Поиски новых форм богослужения, призванных приостановить необратимый процесс секуляризации. На фото: «литургическая ночь» во время протестантского церковного съезда (ФРГ, 1973 г.).

Думается, что эти выводы и заключения авторов в основном правильны и помогают уяснить как общую тенденцию в секуляризации, свойственную всем капиталистическим странам, так и специфику ее проявления в США.

ПРИЧИНЫ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

Хотя некоторые социологи-немарксисты, как мы уже убедились, и признают факт возрастающей секуляризации современного буржуазного общества, они, однако, оказываются не в состоянии правильно объяснить ее и определить ее границы.

Например, Б. Уилсон полагает, что религия сейчас умирает, и не видит пока перспектив ее возрождения. Соглашаясь с выводом о неизбежности отмирания религии в условиях дальнейшего развития социализма, марксисты в то же время не могут признать правильным тезис об умирании религии уже в рамках современного буржуазного общества (а именно его и имеет в виду Б. Уилсон). Ведь при капиталистической системе одновременно с тенденцией к секуляризации существует и тенденция к воспроизводству религии в тех или иных формах.

Как уже говорилось, в высказываниях того же Б. Уилсона немало верных наблюдений и выводов. Однако обращает на себя внимание тот факт, что он полностью обходит противоречия современного капитализма, его классовые антагонизмы, игнорирует борьбу рабочего класса против эксплуататоров и ее роль в освобождении пролетариата из-под влияния религии.

Между тем вне этих решающих социальных факторов невозможно научно объяснить тенденцию к секуляризации, свойственную современному капиталистическому обществу. Ведь не случайно все буржуазные социологи отмечают наименьшую религиозность среди рабочих, особенно в больших городах и на крупных предприятиях. Именно классовая борьба, как в свое время подчеркивал В. И. Ленин, просвещает и закаляет пролетариев, освобождая их постепенно от религиозного дурмана. Чем лучше пролетариат организован политически, чем выше его сознательность, чем активнее он усваивает марксистскую идеологию, тем сильнее в нем атеистические и антиклерикальные тенденции и настроения.

Секуляризацию не следует объяснять только анонимностью городских отношений или ростом структурной и функциональной дифференциации социальных институтов, ибо эти факторы, размывающие традиционную религиозность, отнюдь не исключают ее новых проявлений. Именно поэтому нельзя согласиться ни с характеристикой Б. Уилсоном секуляризации как единственной или господствующей тенденции в современном капиталистическом обществе, ни с оценкой им социального значения новых религиозных движений и культов, которым, кстати, в его книге посвящена специальная глава.

НОВЫЕ ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Б. Уилсон — один из немногих буржуазных социологов, которые отвергают расширительные требования толкования религии. Ни культ звезд эстрады, вроде «Роллинг стоунз», ни общие поиски смысла жизни, полагает он, нельзя отождествлять с религией в собственном смысле слова. И он совершенно прав, когда относит их к так называемым «квазирелигиозным формам».

Если традиционные культы сулят загробное воздаяние, а земную жизнь рассматривают лишь как преддверие грядущего спасения (или, напротив, погибели), то для большинства новых религиозных движений, наоборот, характерна «посюсторонняя ориентация», они обещают «спасение», духовное освобождение и счастье своим приверженцам здесь, на земле, в настоящее время, а не на «том свете».

Что касается самого «спасения», то разные новые культы толкуют его поразному. Одни проповедуют спасение с помощью специальных, часто тайных, мистических «знаний», доступных, мол, лишь избранным. В качестве примера подобных культов Б. Уилсон приводит движение так называемых «сайентологов». Хотя буквально это слово означает «науковеды», однако с подлинной наукой сайентологи не имеют ничего общего. Учение основателя этого движения, некоего Рона Хаббарда, представляет собой причудливую смесь некоторых элементов психотерапии, ряда восточных мистических и магических культов и раннего христианского гностицизма. По данным Б. Уилсона, в Англии, Австралии и Новой Зеландии ныне насчитывается несколько десятков тысяч «сайентологов».

Другая группа новых культов проповедует конечное спасение через высвобождение «внутренних сил», будто бы заложенных в каждом человеке. Сторонники этих культов утверждают, что спасти себя человек может только сам, и никто кроме него. Многие из этих культов проповедуют крайний индивидуализм, заявляя, будто всякое общество и культура враждебны личности, ее свободе.

Последователей подобных вероучений довольно много среди молодежи США, особенно в Калифорнии. По данным некоторых социологов, они даже составляют более 17 процентов населения округа Сан-Франциско. К сектам такого рода, в частности, относятся «Группы встречи», «Психосинтезис», «Трансакциональный анализ», «Трансцендентальная медитация» и ряд других. Они проповедуют «раскрепощение» тела, духа и чувств от всяческих помех и запретов, налагаемых на личность обществом. Их кредо сдобрено значительной долей восточной, в особенности буддистской и индуистской, мистики.

Что касается обрядности, то она в культах подобного типа представляет собой причудливую смесь элементов йоги, буддистского самосозерцания и откровенной эротики. Большой известностью, в частности, пользуются коллективные омовения обнаженных мужчин и женщин в горячих минеральных ваннах, якобы способствующие высвобождению их чувств и «свободной реализации личности». Известный американский теолог-модернист Харви Кокс, сам принимавший участие в таких купаниях, рассказал о них не без юмора в статье «Голое возрождение».

Наконец, часть новых культов подчеркивает значение религиозной общности как единственного средства спасения. Их вероучения используют элементы самых различных религий, включая христианство, ислам, буддизм, индуизм. К числу подобных религиозных движений Б. Уилсон относит и христианскую секту «Единая семья» во главе с корейцем Сан Мён Муном, и сикхистского толка «Организацию трех «х» (хэппи, хэлси, хоули — счастливый, здоровый, святой) во главе с йогом Бхаяносом, и «Миссию божественного света» некоего Махарая Джи, и ряд других течений[5]. Всем им свойственна крайняя замкнутость, и они требуют от своих членов беспрекословного послушания, а нередко и полного разрыва с семьей, с привычными условиями жизни, передачи секте всего или значительной части имущества и состояния. Многие из этих движений носят международный характер, но наиболее распространены в США и в некоторых странах Западной Европы.

Б. Уилсон справедливо полагает, что возникновение этих сект и культов представляет собой один из симптомов недовольства современным обществом и его буржуазной культурой. Связанные с ней традиционные церкви перестают привлекать значительную часть населения капиталистических стран. С другой стороны, Б. Уилсон не считает (в отличие от многих иных буржуазных социологов), что новые культы и религиозные движения, подобные названным, способны стать основой религиозного обновления и возрождения на Западе. Он полагает, что такие культы, противопоставляющие себя официальной культуре, не могут стать силой, способной сплотить общество на новой религиозной основе. Это движения социальных аутсайдеров, а не зародыши новых массовых религий.

Трудно судить, насколько верен такой прогноз. Думается, однако, что в целом Уилсон все же недооценивает как способность традиционных конфессий и религиозных институтов к приспособлению в рамках современного капитализма (о чем, кстати, свидетельствуют и уже упомянутые исследования американских социологов), так и возможность возникновения в буржуазном обществе новых массовых религиозных движений. Не следует забывать, что в нем продолжают действовать основные социальные факторы, порождающие религию: гнет стихийных законов капиталистического производства, эксплуатация угнетенных классов, их социальная и духовная придавленность. Что касается научно-технической революции, то она в этих условиях может содействовать не только освобождению масс от религии (в результате сопровождающего НТР распространения знаний, культуры и т. п.), но и консервации, даже усилению религиозности, поскольку при капитализме достижения науки и техники используются нередко во враждебных жизни, здоровью и человеческому достоинству целях. Одним словом, пока существует капитализм, религия будет существовать и воспроизводиться, причем возможности ее приспособления и эволюции в рамках этого строя еще не исчерпаны.

[5] Более подробно об этих сектах см. в нашем журнале статьи В. Войны «Сатана там правит бал...» (1974, № 5) и В. Андроновой «Мессия антикоммунизма» (1976, № 3), а также брошюру А. В. Белова и Д. А. Карпова «Мистика на службе антикоммунизма» (М., 1978) — прим. ред.

ИНТЕРЕСНА, ПОЛЕЗНА, НЕОБХОДИМА

И. Свистунов, А. Скачков. АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ. Опыт. М., Профиздат, 1977, 64 стр., 535 800 экз., 9 коп.

Эта брошюра, написанная заведующим социологической лабораторией Министерства просвещения РСФСР И. Н. Свистуновым и доцентом Пермского педагогического института А. Я. Скачковым, издана в серии «Библиотечка профсоюзного активиста». Авторы обобщили опыт атеистического воспитания в трудовых коллективах и профсоюзных культурно-просветительных учреждениях некоторых городов и областей страны.

На конкретном материале показаны разнообразные формы атеистической работы кабинетов и домов атеизма, уголков и клубов атеистов, даются рекомендации по проведению вечеров, лекций, бесед, организации кинолекториев, внедрению новых советских праздников и обрядов. Определенный интерес представляет рассказ и о роли профсоюзных организаций в атеистической работе.

В разделе «Атеистической работе надо обучать» авторы обращают внимание читателей на проблему подготовки пропагандистских кадров и необходимость включения в планы социального развития предприятий вопросов атеистического воспитания трудящихся. Обращается также внимание на важность выступлений с атеистической программой клубной, заводской художественной самодеятельности. Этот момент авторы иллюстрируют примерами из опыта кунгурского Дворца культуры, где много лет работает агитбригада, в которую входят рабочие, служащие различных предприятий. Возглавляет ее режиссер народного театра Ю. Ф. Токарев. Выступления проходят на предприятиях города, в совхозах, подшефных колхозах. Юмор, шутка, острое слово приносят успех агитбригаде.

У брошюры — небольшой объем, но все же можно было бы, очевидно, расширить географию положительных примеров и поучительных фактов. Мало и социологического материала. А ведь рассказ об эффективной атеистической работе только выиграл бы, если бы авторы познакомили читателей с социально - демографической картиной коллективов, где проводилась эта работа. Тем не менее брошюра заставит читателя задуматься над отдельными проблемами атеистической работы.

Д. ШУБ,
кандидат педагогических наук
г. Ростов-на-Дону

В МЕСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВАХ

И. И. Галич. ПСИХОЛОГИЯ И АТЕИЗМ. **(Опыт социально-психологического исследования). Алма-Ата, «Казахстан», 1977, 98 стр., 9500 экз., 15 коп.**

Важным показателем социальной и духовной зрелости личности является, как известно, мировоззрение. Как и когда происходит его становление? Каково влияние различных типов мировоззренческой ориентации на сознание и поведение человека? Как обеспечить формирование у подрастающего поколения научного мировоззрения? Эти вопросы, волнующие сегодня всех, кто так или иначе участвует в решении сложной и ответственной задачи воспитания нового человека, находятся в центре внимания небольшого, но содержательного исследования И. И. Галич. Автор рассматривает закономерности формирования мировоззрения в детском и юношеском возрасте, определяет задачи, встающие в этой связи перед дошкольными и школьными учреждениями, перед родителями, воспитателями, педагогами.

Успехи советской школы в воспитании подрастающего поколения общеизвестны. Большинство ее выпускников вступают в жизнь со сложившимися атеистическими убеждениями. Однако не может не вызывать беспокойства тот факт, что среди завтрашних рабочих, колхозников, студентов еще велик процент индифферентных, более того — встречаются колеблющиеся и даже верующие. Чем же объяснить, что из стен школы, закладывающей основы научных знаний о мире, выходят столь разные по своей мировоззренческой ориентации люди. Эти различия, отмечает автор, сформированы всем комплексом воспитательных воздействий — не только школой, но и семьей, ближайшим окружением, неформальными группами и т. д.

Роль семьи в формировании мировоззренческой ориентации личности известна давно. Но автор не ограничивается общими положениями. Опираясь на данные возрастной и педагогической психологии, И. И. Галич показывает, какие именно стороны семейного воспитания, какие психологические особенности малышей способствуют становлению того или иного типа мировоззрения.

Но вот ребенок переступил порог школы. «Семилетние мальчики и девочки, — пишет И. И. Галич, — представляют собой отнюдь не свободную емкость для заполнения ее школьными знаниями и умениями... В пределах, доступных их возрасту, они имеют либо материалистические, либо религиозно-мистические взгляды на природу и человеческую жизнь» (стр. 16). Это во многом осложняет задачу школы: одних предстоит продолжать учить и воспитывать, других — переучивать и перевоспитывать. В книге анализируется специфика воспитания детей, растущих в религиозных и атеистических семьях, вскрывается отрицательное воздействие религиозности на интеллектуальный, эмоциональный, нравственный мир школьников.

Опираясь на интересный эмпирический материал, полученный в ходе социально-психологических исследований в дошкольных и школьных учреждениях Алма-Аты, автор показывает, что религиозное мировосприятие обрекает детей и подростков на интеллектуальную и социальную пассивность.

Большой интерес представляет анализ мировоззренчески индифферентной группы школьников. Автор правильно отмечает, что безразличие к проблемам атеизма и религии обусловлено многими факторами, в том числе оно складывается и под влиянием кое-где еще не преодоленного безрелигиозного воспитания и обучения. Мировоззренческому индифферентизму часто сопутствуют эгоизм, неразвитость гражданских чувств, отсутствие общественно значимых идеалов. Все это создает благоприятные условия для формирования мещанской психологии, а при известных обстоятельствах и религиозного взгляда на мир.

Как же преодолеть религиозное влияние семьи? Как в процессе обучения и воспитания выработать у вступающих в жизнь юношей и девушек научное мировоззрение? «Думается, — пишет автор, — что зафиксированная в новой Конституции СССР (статья 66) ответственность всех взрослых за воспитание детей будет способствовать укреплению связей не только школы и семьи, но в равной мере и дошкольных учреждений с каждой семьей и школой. Сама жизнь диктует настоятельную необходимость хорошо скоординированных усилий всех этих трех звеньев» (стр. 91—92). Для совершенствования системы атеистического воспитания в дошкольных и школьных учреждениях автор предлагает: разработать и внедрить в практику рациональные методики раннего выявления и предупреждения религиозности; вести широкую атеистическую работу с родителями; осуществлять атеистическое, а не безрелигиозное обучение и воспитание детей. Эти и другие предложения автора заслуживают внимания атеистической общественности.

Написанная в доходчивой форме, книга И. И. Галич содержит интересный фактический материал и ценные практические рекомендации.

М. ПОПОВА,
кандидат философских наук

А. И. Демьянов. ИСТИННО ПРАВОСЛАВНОЕ ХРИСТИАНСТВО. Воронеж, Изд-во Воронежского университета, 1977, 151 стр., 4000 экз., 55 коп.

Последователей так называемого истинно православного христианства (ИПХ) сейчас в нашей стра не совсем немного — от

дельные разрозненные группы. Однако приверженцы этого религиозного направления зачастую фанатичны, участвуют в изуверских обрядах, истязают себя непосильными, опасными для здоровья (а иногда и для жизни) постами. Кроме того, вожаки нередко подстрекают верующих к антиобщественным, антисоциальным поступкам, несовместимым с советским образом жизни.

Все это затрудняет контакты с последователями ИПХ, их идеология и культовая практика до сих пор мало изучены.

Вот почему столь актуальна попытка А. И. Демьянова дать развернутый анализ идеологии и деятельности ИПХ.

В книге обобщен многолетний опыт атеистической работы с последователями ИПХ, приведены результаты конкретно-социологических исследований, проанализированы многочисленные архивные документы. Автор наглядно показывает, что социальной базой для формирования ИПХ послужили когда-то слои наиболее темного крестьянства, кустарей, мелких лавочников.

Идеология ИПХ, говорится в книге, — это отражение тихоновщины — наиболее реакционного направления русского православия послереволюционного периода. Истинно православные христиане и сегодня еще подчас отказываются от общественно полезного труда, уклоняются от исполнения гражданских обязанностей (служба в армии, участие в выборах, в переписи населения). Однако автор приходит к выводу: под влиянием советского образа жизни большинство групп ИПХ либо распались, либо значительно (на 40—50 процентов) численно уменьшились по сравнению с первыми послевоенными годами. Все меньше становится верующих молодого возраста, еще меньше фанатиков. В основном преобладают верующие по традиции. Процесс обмирщения ИПХ выражается прежде всего в приспособлении верующих к условиям современной действительности. Социологические исследования показали, что подавляющее большинство последователей ИПХ — люди неграмотные и малограмотные (69 процентов обследованных), причем старше 50 лет.

Хотелось бы отметить некоторые упущения в целом содержательной и нужной работы. Пытаясь классифицировать группы ИПХ, автор пользуется термином «культ». Видимо, удачнее было бы применить определение «религиозные организации сектантского типа», то есть консолидация единомышленников, объединенных активным отрицательным отношением к окружающему миру, стоящему за порогом этих взаимосвязанных групп *. Следовало бы шире показать фон, на котором происходит эволюция групп ИПХ, влияние на них окружающей действительности.

Е. АНИСИМОВ,
кандидат философских наук

* См.: А. И. Клибанов. Религиозное сектантство и современность. М., 1969, стр. 41; И. И. Бражник. Социальная сущность сектантского экстремизма. М., 1974, стр. 5.

В. С. Соловьев. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ — В ПРАКТИКУ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ. Йошкар-Ола, Марийское книжное изд-во, 1977, 117 стр., 1000 экз., 38 коп.

Книга кандидата философских наук В. С. Соловьева написана на материалах проведенных под руководством автора комплексных исследований быта, культуры, традиций и религиозных верований населения Марийской АССР.

В предисловии к книге сказано, что это — «наиболее полное и представительное обследование населения в Поволжском регионе». Поэтому важно, что автор посвящает целую главу описанию методики, техники и организации исследования. Обращает на себя внимание детальный разбор его программы. Автор подробно анализирует не только положительные ее элементы, но и самокритично оценивает те пункты, по которым не были получены желаемые результаты, тем самым предупреждая других исследователей от возможных ошибок.

С точки зрения методики, несомненный интерес представляет опыт изучения динамики процесса формирования атеистического миропонимания у людей, некогда находившихся под воздействием религии. Метод, разработанный В. С. Соловьевым, дает возможность наглядно увидеть позитивную роль атеизма в духовном становлении человека, в повышении его трудовой и общественной активности.

Ценность книги определяется и тем, что объектом исследования было не только все взрослое население Марийской АССР в целом, но и население трех традиционно сложившихся регионов: двух однонациональных (русского и марийского) и одного смешанного; кроме того, была отдельно обследована интеллигенция республики. Всего опрошено 11,5 тысячи человек.

Исследования убедительно подтвердили, что научное мировоззрение стало в республике господствующим, в условиях коренных социальных преобразований «для большинства населения отпала необходимость обращения к религии». Показывая основные тенденции развития массового атеизма, автор обращает внимание на то, что этот процесс наиболее успешно идет в тех социальных группах, которые играют решающую роль в производстве.

Констатируя ослабление влияния религии, автор прослеживает общие закономерности и специфику этого процесса в условиях Марийской республики.

Обращает на себя внимание анализ индифферентного отношения к религии. Хотя многие исследователи указывают на наличие значительного процента людей, безразличных к религии, в литературе пока нет достаточно глубокого анализа причин этого явления. В. С. Соловьев, рассматривая индифферентное отношение людей к религии как шаг к атеизму, в то же время обращает внимание на высокий процент безразличных к религии среди молодежи и интеллигенции, где это явление свидетельствует об отсутствии четких атеистических позиций, о незавершенности формирования научного мировоззрения. Называя объективные и субъективные причины индифферентности, автор указывает, что она, в частности, «порождается и незнанием положительной роли атеизма, его конструктивной стороны». Отсюда делается вывод об актуальности пропаганды позитивных сторон научного атеизма.

Автор оговаривает, что он проанализировал далеко не все материалы комплексного исследования. Но и в таком виде книга представляет значительный интерес как для ученых, так и для пропагандистов атеизма.

Е. ХЛЕБНИКОВ

НЕ ПОЛЬЗА, А ТОЛЬКО ВРЕД

Уже четыре года я веду факультативный курс «Основы научного атеизма» в Прокопьевском горном техникуме и остро ощущаю отсутствие наглядных пособий, в частности плакатов, которые можно было бы использовать в работе с учащимися. Поэтому я очень обрадовался, когда в техникум поступил проспект, где говорилось, что в издательстве «Агитплакат Дона» можно заказать подборку плакатов по атеистическому воспитанию. Такую подборку техникум заказал и получил. Можете представить наше разочарование, когда мы открыли посылку.

В самом деле: неужели исполнители не знают такого высказывания В. И. Ленина: «Религия есть опиум народа, — это изречение **Маркса** (подчеркнуто мною. — **И. Т.**) есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 416). На плакате 12 приводится цитата: «Религия есть опиум для народа» и подпись В. И. Ленин.

А какую смысловую информацию несут строки: «Рабам религии оковы — бог и дьявол. Раскован мир «великих идеалов» (поэт В. Стрелков)? Религия — это сложное общественное явление, и, думается, проблему преодоления религиозных пережитков в сознании людей вряд ли можно решать на таком низком уровне.

Ни содержание, ни полиграфическое исполнение плакатов не выдерживают никакой критики, а ведь стоит комплект 17 руб. 34 коп. Хочется спросить у работников издательства «Агитплакат Дона» и комбината прикладного искусства Художественного фонда РСФСР, зачем они их выпустили?

И. ТИМЧЕНКО,
заместитель директора по учебно-производственной работе Прокопьевского горного техникума

Кемеровская область

Новинки Литературы

«АРХАНГЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА». Фотоочерк. М., «Советская Россия», 1978, 20 стр. с илл., 50 000 экз., 70 коп.

Т. И. Ахунзянов. ЗА ДУШИ ЛЮДЕЙ — БОРОТЬСЯ! М., «Знание», 1978, 56 стр., 5000 экз., 10 коп.

Д. Беркли. Сочинения. М., «Мысль», 1978, 556 стр., 50 000 экз., 2 руб. 10 коп.

Ф. Ф. Болонев. НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ СЕМЕЙСКИХ ЗАБАЙКАЛЬЯ. Вторая половина XIX — начало XX вв. Новосибирск, «Наука», 1978, 159 стр., 3750 экз., 1 руб. 20 коп.

М. В. Вагабов. О ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПЕРЕЖИТКОВ ИСЛАМА В БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ. М., «Знание», 1978 56 стр., 2000 экз., 10 коп.

И. В. Всеволодов. БИРМА: РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА М., «Наука», 1978, 270 стр., 2900 экз., 1 руб. 90 коп.

И. А. Галицкая. МОЛОДЕЖЬ. РЕЛИГИЯ. АТЕИЗМ. М., «Наука», 1978, 112 стр., 80 000 экз., 35 коп.

И. Н. Осиновский. ТОМАС МОР: УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ, ГУМАНИЗМ, РЕФОРМАЦИЯ. М., «Наука», 1978, 326 стр., 5600 экз., 1 руб. 70 коп.

Ф. И. Цуркан. РИТУАЛЫ НОВЫХ ОБРЯДОВ. Кишинев, «Картя Молдовеняскэ», 1978, 50 стр., 10 000 экз., 15 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

«Алжир». М., 1977. Из содержания: Религия, стр. 27—35.

«Античность. Средние века. Новое время. Проблемы искусства». М., 1977. Из содержания: **Е. П. Ювалова.** Королевский портал Шартрского собора, стр. 18—38; **И. Е. Данилова.** О византийской иконе XIV в. «Благовещение» из ГМИИ им. А. С. Пушкина, стр. 39—47.

Н. В. Анфимов. Религиозные верования у меотов. В кн.: «Сборник трудов по археологии Адыгеи». Майкоп, 1977, стр. 111—128.

В. Бейлис. Африканский колдун — человек и персонаж. «Восточный альманах». М., 1977, вып. 5, стр. 566—584.

«Вопросы истории древнего мира и средних веков». Минск, 1977. Из содержания: **Н. И. Миницкий.** Политический и правовой аспекты римского религиозного института lex sacrata, стр. 52—59; **В. А. Федосик.** О влиянии мистерий восточных религий на формирование ритуальных форм и символики христианских обрядов, стр. 76—82.

Л. А. Гиндин. Миф о поединке и мифологии Аполлона. В кн.: «Античная балканистика и сравнительная грамматика». М., 1977, стр. 96—117.

М. П. Грязнов. Бык в обрядах и культах древних скотоводов. В. кн.: «Проблемы археологии Евразии и Северной Америки». М., 1977, стр. 80—88.

Ю. Н. Завадовский, Т. Н. Савельева. Рецензия на кн.: **М. А. Коростовцев.** Религия древнего Египта. «Вестник древней истории», 1977, № 4, стр. 196—205.

М. С. Иванов. Иран в 60—70-х годах XX века. М., 1977. Из содержания: «Религия и духовенство в современном Иране», стр. 146—164.

«Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва. Ленинградское отд. Научная сессия. 1977». Из содержания: **И. С. Вдовин.** Этапы развития религиозного синкретизма у народов Севера, стр. 31—33; **Б. Н. Путилов.** Обрядовый песенный фольклор папуасов Берега Маклая, стр. 33—35; **М. Н. Серебрякова.** К характеристике некоторых аспектов обряда наречения имени у турок, стр. 56—57; **А. И. Мухлинов.** О тотемах древних вьетнамцев, стр. 81—82; **Л. А. Фирштейн.** Обряды и поверья, связанные с получением приплода скота и молочным хозяйством у киргизов, стр. 117—118; **Е. В. Ревуненкова.** Сущность шаманизма в Индонезии, стр. 137—139; **Н. Г. Краснодемская.** Происхождение и функции кандийской пераxяры (Шри Ланка), стр. 139—141; **Г. Р. Галданова.** К вопросу об изучении верований тункинских бурят, стр. 141—142; **Л. В. Чанчибаева.** Некоторые религиозные верования алтайцев, стр. 143—144.

«Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва. Полевые исследования». М., 1977. Из содержания: **В. В. Лебедев.** Похоронный обряд ачайваямских коряков-оленеводов, стр. 54—62; **В. П. Кобычев.** Старинные культовые сооружения Северного Кавказа как источник по истории жилища края, стр. 71—82; **Л. А. Тульцева.** О связи традиционного поведения с религией, стр. 164—170.

В. М. Керечанин. Формировать глубокие атеистические убеждения. «Коммунист Украины». Киев, 1977, № 10, стр. 68—75.

«Китай: история, культура и историография». М., 1977. Из содержания: **Э. М. Яншина.** Боги и «чиновники» (по материалам древнекитайских памятников), стр. 124—130; **Е. Б. Поршнева.** Трансформация древнеиранского культа бога Митры в раннехристианских сектах и тайных обществах средневекового Китая, стр. 200—215; **Д. Н. Воскресенский.** Буддийская идея в китайской художественной прозе (религиозный аспект романа XVII в. «Тень цветка за занавесом»), стр. 222—246.

Л. Корвалан. Чилийская католическая церковь. «Латинская Америка». 1977 № 6, стр. 34—44.

И. А. Крывелев. Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении. «Советская этнография», 1977, № 5, стр. 36—45.

Т. П. Луцкая. О роли буддизма в зарождении национально-освободительного движения в Бирме. В кн.: «Дальний Восток (История и экономика)». М., 1977, стр. 22—38.

М. М. Магомедов. Роль общественного мнения в сокращении воспроизводства религиозности в новых поколениях. В кн.: «Идеологическая работа и формирование общественного мнения в трудовом коллективе». М., 1977, стр. 67—80.

«Материалы третьей научной конференции историков медицины Грузии». Тбилиси, 1977. Из содержания: **И. Ш. Гагулашвили.** Некоторые вопросы классификации заговоров, стр. 45—47; **Н. Р. Минадзе.** Лечебная магия и некоторые религиозные ритуалы, используемые в народной медицине Грузии, стр. 60—61.

«Методологические проблемы изучения социальных процессов развитого социалистического общества и современная идеологическая борьба»: Таллин, 1977. Из содержания: **К. А. Виммсааре.** О мировоззренческом значении индифферентного отношения к религии, стр. 42—46; **Т. И. Беленко.** Атеистическое воспитание и духовное развитие личности, стр. 47—50.

«Плутарх об Исиде и Осирисе». «Вестник древней истории», М., 1977, № 3, стр. 247—269; № 4, стр. 231—249.

П. П. Приеменко. Наука и религия о смысле жизни. В кн.: «Некоторые актуальные вопросы развития национальных отношений в условиях развитого социализма». Орджоникидзе, 1977, стр. 116—132.

В. Г. Пуцко. Рецензия на кн.: **С. А. Высоцкий.** Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI—XVII вв.). «Вопросы истории», 1978, № 4, стр. 140—143.

А. М. Сахаров. Рецензия на кн.: **Н. А. Горская.** Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. «История СССР», 1978, № 2, стр. 199—204.

«Сборник научных трудов Ташкентского пед. ин-та», 1977, т. 169. Из содержания: **Т. Х. Джавлиев.** Применение наглядных пособий и технических средств обучения в процессе преподавания научного атеизма, стр. 10—21; **Х. Худайбердиев.** Главный метод атеистического воспитания, стр. 154—158.

Е. А. Ситникая, Н. Е. Пеннер. Критика современной православной концепции образа жизни. «Ученые записки Казан. пед. ин-та», 1977, вып. 175, стр. 114—131.

«Социальная политика КПСС и развитие социалистического образа жизни в условиях крупного промышленного города». Нижний Тагил, 1977. Из содержания: **Ю. А. Золотухин.** Атеистическая пропаганда в городской газете «Тагильский рабочий» как один из факторов формирования социалистического образа жизни, стр. 64—65; **А. В. Медведев.** Искусство в системе атеистического воспитания, стр. 92.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

НОВИКОВ Михаил Петрович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории атеизма и религии Московского Государственного университета имени Ломоносова, член редколлегии журнала «Наука и религия». Автор ряда книг и статей по критике современной религиозной идеологии. В нашем журнале печатается с 1961 года.

КОЗЛОВ Никита Степанович — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии народов СССР философского факультета Московского Государственного университета имени Ломоносова. Работает над проблемами русской философии и философии народов СССР. Автор книг: «Развитие общественной и философской мысли в эпоху русского средневековья» (1960), «Революционно-демократическая и философская мысль на Украине в XIX — начале XX вв.» (1966) и ряда статей. В нашем журнале печатается впервые.

ПЕРОВ Юрий Федорович — журналист, автор повестей, рассказов и очерков, посвященных духовному миру человека, нравственным проблемам. В седьмом номере нашего журнала за этот год был напечатан его очерк «Три жизни Марии Саратовой».

Сдано в набор 16.05.78.
Подписано к печати 26. 06. 78. А05293.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 10.
Учетно-издательских листов — 13,73.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 02523.

Адрес редакции:
109004, Москва Ж-4,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Цена 30 коп.
70602